

Ю.В. УХАНОВА

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА:

*теоретические основы
и практическое развитие*

Вологодский научный центр Российской академии наук

Ю.В. Уханова

**Гражданское участие
территориального сообщества:
теоретические основы
и практическое развитие**

Вологда
2022

УДК 323.21
ББК 66.033.1
У89

Публикуется по решению Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

*Монография подготовлена в рамках государственного задания
для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0013 «Социальная
реальность: национальное развитие и региональные тренды».*

Рецензенты:

Н.В. Лаженцев, член-корреспондент РАН, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»;

В.В. Козловский, доктор философских наук, профессор, директор Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

А.В. Верещагина, доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

Уханова, Ю.В.

У89

Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие : монография / Ю.В. Уханова. – Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2022. – 255 с.

ISBN 978-5-93299-543-3

Монография посвящена комплексному изучению гражданского участия территориального сообщества в современной России с учетом специфики формальных/неформальных практик участия в вертикальном и горизонтальном взаимодействии, в решении социально значимых проблем, в том числе связанных с пандемией COVID-19. На основе изученных теоретико-методологических подходов в классической и современной социологической науке автором предложены концептуальные основы изучения гражданского участия территориального сообщества в социальном пространстве региона. Рассмотрен исторический опыт и современное развитие уровня и потенциала участия территориального сообщества. Особое внимание уделяется выявлению и оценке барьеров реализации гражданского участия и инструментов их преодоления на региональном уровне.

Исследование адресовано научным сотрудникам и специалистам в социологии и регионоведении, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений социологической направленности, работникам органов управления муниципального и регионального уровня, представителям некоммерческого сектора, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы вовлеченности населения в развитие своих территорий.

УДК 323.21
ББК 66.033.1

ISBN 978-5-93299-543-3

© Уханова Ю.В., 2022
© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ	
1.1. Гражданское участие: основные подходы к понятию и его границам.....	17
1.2. Территориальное сообщество как субъект гражданского участия	38
1.3. Методологический конструкт исследования гражданского участия территориального сообщества	48
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ	
2.1. Гражданское участие в политическом и социальном пространстве стран Запада и России.....	63
2.2. Исторический опыт деятельности добровольных ассоциаций в России на локальном уровне	74
2.3. Условия, установки и уровень гражданского участия в российском регионе	92
ГЛАВА 3. ЭФФЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ, БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	
3.1. Эффекты гражданского участия в региональном пространстве...	116
3.2. Барьеры на пути формирования и развития гражданского участия территориального сообщества	136
3.3. Инструменты преодоления барьеров гражданского участия в региональном социальном пространстве	153
Заключение	173
Список литературы.....	181
ПРИЛОЖЕНИЯ	217
Приложение 1	218
Приложение 2	225
Приложение 3	227
Приложение 4	228
Приложение 5	247
Приложение 6	249
Приложение 7	251

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия в мировой исследовательской практике наблюдается актуализация внимания к проблемам участия граждан в решении общественных проблем, самоорганизации общества. Международные события последних лет убедительно показывают, что посредством гражданского участия широкие слои населения становятся всё более значимым субъектом, желающим, готовым и способным оказывать влияние на формирование общественной повестки и изменение условий жизни.

Значимость гражданского участия, сплоченности общества возрастает не только на этапе качественных изменений, но и в кризисные периоды мирового сообщества. Главным мировым событием последних двух лет, определившим социально-политическую ситуацию, стала пандемия COVID-19. В общественном дискурсе при рассмотрении кризисной ситуации, связанной с распространением коронавируса, основное внимание сосредоточено на национальных вариантах ее регулирования и на оценках перспектив преодоления возникшей угрозы. В центре внимания практиков и теоретиков преимущественно выступают проблемы роли государства и эффективности инструментов государственной политики по преодолению проблем, вызванных пандемией.

В то же время у сегодняшнего кризиса есть и другое ключевое измерение, которое будет иметь долговременные последствия как для государства и общества, так и для каждого гражданина. Экспансия COVID-19 привела к возникновению новой пандемической социальной реальности: повлияла на текущие социально-экономические процессы и прогнозы, выявила и усилила острейшие общественные проблемы, трансформиро-

вала функционирование и бытие современного социума¹. Политические и социальные эффекты пандемии оказались настолько глубокими, что они могут оказывать влияние на трансформацию ядра ценностных ориентаций и норм поведения глобального гражданского социума².

В этом контексте внимание к гражданскому участию представляется принципиально важным, особенно для обеспечения социальной безопасности в обществе в условиях новых вызовов и угроз. Именно от участия граждан в решении социальных проблем, сплоченности общества во многом будет зависеть, насколько успешно правительства стран справятся с пандемией COVID-19 и ее последствиями. Как свидетельствуют исследования крупнейшего международного благотворительного фонда «CAF», в связи с распространением коронавирусной инфекции спрос на включенность общественности в решение значимых социальных проблем выше, чем когда-либо, как со стороны людей, непосредственно пострадавших от пандемии, так и в отношении разрушительных последствий экономической и социальной жизни³.

В кризисных условиях пандемии по всему миру поднялась волна волонтерской активности. Эпидемиологический вызов спровоцировал всплеск общественно полезной деятельности и в российском обществе: на национальном уровне отмечается рост числа граждан, принимающих участие в добровольческой деятельности. Как демонстрируют открытые данные крупнейшей в России и на пространстве СНГ платформы, объединяющей волонтеров и организаторов добровольческих мероприятий DOBRO.RU, количество волонтеров, зарегистрированных на этой платформе и участвующих в акциях взаимопомощи, увеличилось с начала пандемии на 24% (с 715 тыс. чел. в 2019 г. до 888 тыс. чел. в 2021 г.)⁴. По результатам официальной статистики сайта проекта «#МЫВМЕСТЕ», который был запущен 21 марта 2020 года, в волонтерских региональ-

¹ Горшков М.К., Тюрина И.О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии Covid-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 739–754.

² Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.] / отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с.

³ A COVID-19 Philanthropy Stimulus Package: Unlocking further giving in the UK to support civil society at a time of crisis. CAF, 2020. URL: <https://www.cafonline.org/about-us/caf-campaigns/a-champion-for-charities/policy-briefings-and-consultations-library/covid-19-philanthropy-stimulus-package> (дата обращения: 06.02.2020).

⁴ Официальный сайт платформы DOBRO.RU. URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения: 12.12.2021 г.)

ных штабах в России работают более 250 тыс. добровольцев, среди которых волонтеры различных по направлению деятельности организаций. По данным на декабрь 2021 г. волонтерскую поддержку в стране получили уже более 6,5 млн человек, собрано более 1,81 млрд рублей пожертвований⁵.

Тренд на рост общественной самоорганизации носит общемировой характер и во многом связан с геополитическими процессами и глобальными вызовами будущего, которые встают перед современной мировой цивилизацией. Для современной России этот процесс имеет особую степень значимости, что во многом обусловлено внутренними задачами развития российского общества. Прорывной скачок и преодоление отставания (прежде всего во внутренней социально-экономической жизни страны, в уровне благосостояния населения) как целевые установки отражены в соответствующих показателях, закрепленных в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204.

Достижение национальных задач развития в стране актуализируется на уровне регионов. По большей части это обосновано высокой степенью межрегиональных социально-экономических диспропорций, что проявляется в существенных различиях как в темпах экономического роста и технологического развития, так и в уровне и качестве жизни населения⁶. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны необходима реализация комплекса мер, направленных на снижение внутрирегиональных социально-экономических различий⁷. Необходимо внедрять стратегию саморазвития регионов – стратегию их интегрированной модернизации, которая реализуется с помощью региональных инновационных систем, организующих и стимулирующих саморазвитие регионов⁸.

⁵ Официальный сайт волонтерского всероссийского движения «#МЫВМЕСТЕ». URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/news> (дата обращения: 26.12. 2021 г.).

⁶ Ильин В.А. Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2019. 411 с.

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения: 15.07.2019).

⁸ Лапин Н.И. Этапы трансформации и модернизации России на рубеже XX–XXI столетий // Философские науки. 2017. № 7. С. 27–32.

По мнению экспертов, успех государства возможен, только если придавать социокультурной составляющей общественных преобразований значение не меньшее, чем экономической⁹, когда роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, а прежде всего люди...¹⁰. Следовательно, можно говорить о том, что именно рядовые граждане выступают ключевым субъектом развития и социальных преобразований, тем более что умножающиеся вызовы, с которыми сталкивается российское государство и с которыми оно в одиночку уже не справляется, объективно требуют энергию общественной самоорганизации, что проявилось в период пандемии COVID 19. Как подчеркнул В.В. Путин на ежегодной пресс-конференции 17 декабря 2020 г., «в достаточно сложных условиях мы видели состояние всего общества, нацеленного на помощь и поддержку тех людей, которые нуждаются в помощи – вот это общенациональное единение, оно является определяющим и решающим для нашей страны»¹¹.

Вместе с тем, несмотря на позитивные тенденции в росте значимости гражданского участия, на мировом, национальном, региональном уровнях отмечается подрыв доверия общественности к институтам представительной демократии, отчуждение населения от власти и политики¹². Эксперты отмечают рост скептицизма национальных элит и значительной части населения стран Запада по поводу неэффективности функционирования многих демократических институтов, сформировавшихся в иных исторических условиях и не справляющихся с вызовами XXI века¹³. Это имеет не только социальные, но и политические последствия: дестабилизируется гражданская культура, что в свою очередь негативно отражается на работе политических институтов и жизнеспособности демократических ценностей¹⁴.

⁹ Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3–14.

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 10.05.2018 г.)

¹¹ Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина. 17 декабря 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64671> (дата обращения: 01.01.2021 г.).

¹² Dalton R.J. (2006). *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*. Washington: CQ Press; Norris P. (2002). *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge: Cambridge University Press.

¹³ Foa R.S., Mounk Y. (2017). The signs of deconsolidation // *Journal of Democracy*. Vol. 28. Jan. № 1.

¹⁴ Almond G., Verba S. (1963) *The Civic Culture*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

В российском обществе на протяжении последних десятилетий также накопилось много проблем социально-экономического характера, проявляющихся и на социально-психологическом уровне. Это выражается в актуальности проблематики недоверия государственным (прежде всего региональным) и общественным институтам¹⁵. Причина этого заключается в слабой инициативности и культуре гражданского общества. Нельзя не признать, что на протяжении 2000-х гг. и особенно в последние годы государственной властью предприняты значительные меры по реализации потенциала гражданского участия населения (приложение 1). Однако само по себе наличие множества форм и практик гражданского участия не гарантирует усиление мотивации людей к включению в эти процессы. В этом смысле барьеры гражданского участия следует искать, в соответствии с принципами комплексного подхода, в особенностях сложившихся как политических, социально-экономических, так и социокультурных условий. Таким образом, вопросы, связанные с использованием потенциала общественной самоорганизации, по-прежнему остаются открытыми, представляя собой значительный резерв в плане решения актуальных проблем социально-экономического и социокультурного развития, общественно-политического устройства страны, что актуализирует востребованность их глубокого научного анализа.

Проблема гражданского участия получила известное освещение в социологическом, политологическом, философском дискурсах. На протяжении всей истории человечества вопросы участия граждан так или иначе поднимались в разнообразных исследованиях. Во второй половине XIX – первой половине XX века в разработку теории гражданского участия и интерпретацию этого социального феномена как социального действия, взаимодействия, солидарности внесли вклад труды М. Вебера, Т. Веблена, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, К. Маркса, Дж. Мида, Т. Парсонса, П. Сорокина, Ф. Тённиса. Классики социологической науки обосновали сущность социального действия и поведения, определили их основные индикаторы, мотивы и последствия. В российской социологической традиции середины XIX – начала XX столетия активно рассматривались такие категории, как социальное взаимодействие, взаимопомощь, общественная солидарность, альтруистический инстинкт, этическое настроение (П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и др.).

¹⁵ Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад / ИС РАН. М., 2018. С. 35.

В XX – начале XXI века осмысление категории гражданского участия и ценностных установок к нему в рамках концептов социального действия, группового взаимодействия, коллективного действия и т. д. развивается в работах П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, Т. Парсонса.

Важную роль при анализе характера социальных связей, способствующих наращиванию социального капитала, необходимого для гражданского участия, играют публикации П. Бурдьё, М. Кастельса, Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, П. Штомпки.

Со второй половины XX века становится популярной концепция разделения участия на глубоко взаимосвязанные политические/неполитические форматы (Х. Арендт и Ф. Шмиттер, Р. Дарендорф, К. Поппер). В отношении политической формы гражданского участия получил распространение подход «совещательной демократии» (Э. Гутман, Д. Томпсон и Д. Фишкин). Изучению гражданского участия как процесса взаимодействия государства и общества посвящены исследования Г. Алмонда, Д. Истона, С. Хантингтона, Р. Даля, С. Липсета, М. Олсона. Проблематика гражданского участия выступает востребованным объектом исследований в рамках теорий публичности, демократии, парсипаторной культуры, гражданства и гражданского общества (Г. Алмонд и С. Верба, Э. Арато и Д. Коэн, Дж. Александер, Ю. Хабермас).

Проблема гражданского участия через анализ деятельности третьего сектора и волонтерства представлена в работах Х. Анхайера, Ф. Вардела, С. Зимека, Д. Лишмана, Л. Саламона, Д. Смита, С. Соколовски, К. Тилли, Ч. Тилли, С. Шена. Мобилизационный потенциал участия и самоорганизации в качестве ресурса социального развития стал объектом научного внимания в рамках теорий коллективных действий, ресурсной мобилизации, новых общественных движений (труды М. Олсона, Дж. Маккарти, М. Зальда, А. Обершола, А. Турэна, Э. Гидденса и др.).

Проблематика гражданского участия актуальна в российском научном дискурсе. Теоретико-методологические аспекты гражданского участия в контексте трансформации советского и российского общества широко представлены в исследованиях конца XX – начала XXI века (А.С. Ахиезер, Ю.Г. Волков, Г.Г. Дилигенский, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Ж.Т. Тощенко, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов). Рассмотрению гражданского участия сквозь концепты гражданского общества, межсекторного партнёрства, демократии, общественных движений посвящены труды И.А. Григорьевой, С.Г. Кирдиной, И.Е. Кокарева,

И.В. Мерсияновой, Л.И. Никовской, С.В. Патрушева, В.В. Петухова, Р.В. Петухова, Ю.Б. Савельева, И.А. Халий, В.Н. Якимца, О.Н. Яницкого, Л.И. Якобсона.

Политические аспекты гражданского участия, его формы и технологии в процессе разработки и принятия решений, бюджетирования, планирования, развития институтов публичной политики исследуют А.С. Автономов, Р.Г. Апресян, А.А. Гордиенко, М.Б. Горный, Н.Ю. Беляева, А.А. Киселев, Л.И. Никовская, С.В. Патрушев, Р.В. Пырма, И.В. Самаркина, А.В. Соколов, А.Ю. Сунгуров, М.Р. Холмская, Н.Д. Уварова, В.Н. Якимец.

Социальная проблематика гражданского участия, связанная с деятельностью некоммерческих организаций, волонтерством, благотворительностью, раскрывается в исследованиях В.Б. Беневоленского, И.Н. Гавриловой, Г.Е. Зборовского, Н.В. Ивановой, Д.И. Малахова, И.В. Мерсияновой, К.Е. Косыгиной, И.Е. Корнеевой, Е.В. Реутова, М.В. Певной, М.А. Шабановой, Е.А. Шуклиной, И.А. Халий, О.И. Холиной, Л.И. Якобсона. Существенный вклад в комплексное теоретическое осмысление различных направлений общественно полезной деятельности в рамках конструкта «общественное участие» вносят исследования И.А. Скалабан.

Для решения задач исследования представляют особый интерес работы, раскрывающие роль ценностных установок в самоорганизации населения, в частности таких, как доверие, справедливость, солидарность (Л.А. Беляева, Ю.Г. Волков, Т.А. Гужавина, П.М. Козырева, А.В. Лубский, В.А. Мансуров, Л.И. Полищук, А.И. Смирнов, И.Н. Трофимова, М.Ф. Черныш и др.).

Целый пласт российских исследований посвящен осмыслению гражданского участия в связи с концептами гражданской культуры, патриотического воспитания и гражданского образования, в том числе среди молодого поколения (А.В. Верещагина, Ю.Г. Волков, М.К. Горшков, Н.В. Дулина, А.Г. Ключарев, С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, М.В. Певная, Е.В. Реутов, И.Н. Трофимова, С.И. Самыгин).

В последние годы в российской литературе проблематика гражданского участия на региональном и локальном уровнях становится особенно актуальной. В рамках социопространственного подхода ученые делают акцент на субъектности социально-территориальных групп (общностей и сообществ), локальной самоорганизации как важнейшем нематериальном ресурсе развития территорий (Е.Н. Андреева, М.К. Горшков, А.А. Дрегалло, М.С. Добрякова, В.В. Козловский, В.В. Маркин, В.Н. Лексин, М.Ф. Черныш, В.И. Ульяновский, К.В. Харченко).

Исследователи рассматривают различные виды и формы участия, механизмы его воздействия на социально-экономические, политические, социокультурные процессы территориальных сообществ (З.Т. Голенкова, Г.М. Заболотная, И.В. Мерсиянова, Л.И. Никовская, В.И. Патрушев, И.Н. Трофимова, И.А. Скалабан, С.Б. Спенсер). Проблемам гражданского общества и гражданской активности в региональном пространстве Северо-Западного федерального округа, в том числе Вологодской области, посвящены труды вологодских исследователей: Н.В. Ворошилова, Т.А. Гужавиной, И.Н. Дементьевой, В.А. Ильина, К.Е. Косыгиной, А.А. Шабуновой и др.

Указанные выше труды зарубежных и отечественных ученых определяют формирование общетеоретических представлений о специфике гражданского участия, составляя теоретическую базу для дальнейших исследований проблемы сквозь призму социологических, политических, философских концепций.

Несмотря на значительное количество работ по теме гражданского участия, в большинстве как западных, так и российских трудов его рассмотрение зачастую носит вспомогательный характер при анализе иных социальных и политических явлений, мало внимания уделяется изучению общественной самоорганизации на региональном и локальном уровне и ее роли в развитии социального пространства. При этом предметом анализа становятся отдельные аспекты или виды участия, что затрудняет понимание исследуемого явления как целостного. В связи с этим остается актуальной проблема всестороннего комплексного изучения гражданского участия территориального сообщества, а также барьеров реализации участия и механизма их преодоления на региональном уровне.

Целью настоящего исследования выступает комплексное изучение гражданского участия территориального сообщества в современной России с учетом специфики формальных/неформальных практик участия в вертикальном и горизонтальном взаимодействии, барьеров реализации и механизма их преодоления на региональном уровне.

Реализация поставленной цели предполагает достижение следующих научных задач:

1. Систематизировать теоретико-методологические подходы к исследованию гражданского участия.
2. Концептуализировать проблему территориального сообщества как субъекта гражданского участия на основе классических и современных социологических теорий.

3. Разработать методологический конструкт гражданского участия; сформировать категориальный аппарат методологической стратегии исследования.

4. Осуществить эмпирическое измерение гражданского участия и его потенциала с учетом специфики различных практик и репертуаров, особенностей активности акторов и их стратегий в современный период и в исторической ретроспективе.

5. Оценить эффекты ассоциированного (институционального) и неформального гражданского участия в региональном социальном пространстве (социально-экономической, общественно-политической, социокультурной сферах).

6. Выявить барьеры гражданского участия территориального сообщества в институциональном, социально-экономическом, социокультурном контексте.

7. Разработать инструменты преодоления ключевых барьеров гражданского участия на региональном уровне; обосновать необходимость развития основ гражданской грамотности среди подрастающего поколения как важнейшего условия для роста гражданского участия в регионах.

Объект исследования – гражданское участие территориального сообщества в социальном пространстве современной России.

При выборе объекта исследования мы исходим из понимания того, что процесс участия населения наиболее активно протекает на мезо- и микроуровне. Это обуславливает интерес к изучению проблемы в региональном разрезе (Р. Патнэм). Из сказанного выше следует, что изучение различных форм и практик гражданского участия в России целесообразно осуществлять в первую очередь на уровне регионов. Без исследования региональной компоненты невозможно представить общую картину формирования и развития гражданского участия в стране, проблемы и противоречия этих процессов. Рассмотрение проблематики в пространстве регионов дает возможность увидеть, как в частном проявляется общее, а в общем – частное.

Эмпирическое исследование осуществлено на материалах субъекта СЗФО – Вологодской области, расположенной на севере Европейской части России. Регион имеет богатую историю: еще в 1796 г. была учреждена Вологодская губерния с губернским городом Вологдой, в 1937 г. образована Вологодская область. По площади территории она является одной

из крупных областей Российской Федерации и составляет почти 1% ее территории (144,5 тыс. кв. км). Регион, входящий в состав Северного экономического района, граничит на севере с Архангельской областью, на востоке – с Кировской, на юге – с Костромской и Ярославской, на юго-западе – с Тверской и Новгородской, на западе – с Ленинградской, на северо-западе – с Республикой Карелия. Область разделена на 26 муниципальных районов и 2 городских округа (Вологда и Череповец). Вологда, Череповец, Великий Устюг и Сокол – города областного значения. Численность населения области на 1 января 2021 года достигает 1 151 042 человек, из них 73,24% составляют городские жители, 96,56% населения – русские (1 место в РФ). Высшим должностным лицом Вологодской области является губернатор, который представляет область в отношениях с федеральными органами государственной власти и с органами государственной власти других субъектов РФ (приложение 3). Как выявлено, важнейшие статистические показатели социально-экономического состояния региона ниже общероссийских (приложение 2), что обуславливает использование разнообразных ресурсов развития, особенно связанных с гражданской самоорганизацией.

Предмет исследования – концепция, условия, специфика, барьеры, инструменты развития гражданского участия территориального сообщества в социальном пространстве российского региона. Предмет конструируется как многоаспектная социологическая категория, охватывающая формальные/неформальные практики при вертикальном и горизонтальном взаимодействии в решении социально значимых проблем, в том числе связанных с пандемией COVID-19.

Авторский подход к изучению гражданского участия территориального сообщества в региональном пространстве определяется методологическим синтезом различных социологических концепций. Наше исследование опирается на теории социального действия и взаимодействия (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, М. Вебер, Ф. Тённис и др.) и концепцию солидарности Э. Дюркгейма. Анализ развития регионального социального пространства выстраивается на базе парадигмы социального пространства и его полей (П. Бурдьё, Г. Зиммель, П. Сорокин, Э. Гидденс), социопространственного подхода, в основу которого заложен принцип связи физического и социального пространства (М.К. Горшков, А.А. Дрегалю, В.В. Маркин, В.И. Ульяновский, М.Ф. Черныш).

Определяющее значение для методологического осмысления гражданского участия имеет деятельностно-активистская парадигма, интегрирующая теоретические идеи зарубежных и российских исследователей (П. Бергер и Т. Лукман, П. Бурдье, А. Турэн, В.А. Ядов, Т.И. Заславская, И.А. Халий и т. д.) и выдвигающая на первый план социального актора, который может влиять на все социальные и политические процессы своим участием в них. При рассмотрении гражданского участия территориального сообщества используется социально-конструкционистский подход, согласно которому гражданское участие рассматривается как инструмент и результат социального конструирования (П. Бергер и Т. Лукман). Основопологающим в исследовании является системный подход, в соответствии с которым реализация практик гражданского участия рассматривается как элемент целостной системы социально-экономического развития территории. Кроме того, исследование основывается на зарубежных и отечественных теоретических концепциях по ключевым вопросам, связанным с гражданским участием (концепции активного гражданства, гражданского общества, институционального и межличностного доверия, социального капитала, «непрямого государственного управления» и т. д.).

При изучении регионального пространства как среды гражданского участия мы опирались на многолетние исследования, осуществляемые в Вологодском научном центре Российской академии наук (ВолНЦ РАН). В рамках научных школ (под руководством В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой) ведется комплексное теоретическое и эмпирическое изучение особенностей социально-экономических, общественно-политических, социокультурных процессов в российских регионах, в том числе Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области.

Разработанный на основе этого синтеза методологический концепт предоставляет новые возможности исследования уровня и потенциала гражданского участия с учетом специфики его различных форм, способов его стимулирования с помощью различных инструментов, возможностей повышения эффективности реализации потенциала гражданского участия в решении актуальных проблем населения на региональном уровне.

Информационную базу исследования составляют:

1. Международные и российские законодательные и иные нормативно-правовые акты.
2. Статистические материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат); территориальных органов Федеральной

службы государственной статистики по субъектам СЗФО; статистического ежегодника «Регионы России».

3. Данные общероссийских социологических опросов (ИС ФНСЦ РАН, ВЦИОМ, ВШЭ, ФОМ).

4. Результаты международных социологических обследований (Европейское социальное обследование – ESS; Европейское исследование ценностей – EVS; базы данных социального развития – ISD; международного института социальных исследований – ISS и т.д.).

5. Материалы общественных организаций, объединений, гражданских инициатив, посвященные гражданскому обществу и гражданскому участию, опубликованные в СМИ, социальных сетях, на веб-сайтах.

Эмпирическая база работы основана на социологических исследованиях:

1. Результаты многолетнего мониторинга общественного мнения, организованного Вологодским научным центром РАН на территории Вологодской области (2000–2020 гг.; в 2017–2020 гг. – при участии автора монографии), N = 1500.

2. Результаты комплексного социологического исследования, выполненного при поддержке гранта РФФИ 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества» (2018–2019 гг.; автор – ответственный исполнитель проекта):

- анкетный опрос населения на территории Вологодской, Псковской областей и Республики Карелия, N = 1600.

3. Результаты комплексного социологического исследования, выполненного при поддержке гранта РФФИ 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (2019–2021 гг.; автор – руководитель проекта):

- анкетный опрос населения на территории малых и крупных городов Вологодской области, N = 1900;

- серия экспертных интервью с представителями органов власти, НКО, общественными активистами Вологодской области (N = 47).

4. Результаты комплексного социологического исследования, выполненного при поддержке гранта РФФИ «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» (2020–2022 гг.; автор – основной исполнитель проекта):

- анкетный опрос населения на территории Вологодской, Мурманской, Калининградской областей, Республики Карелия;

5. Материалы проектов некоммерческих организаций, гражданских инициатив, социально ответственного бизнеса, представленных к премии Общественной палаты Вологодской области (2018–2020 гг., автор – эксперт конкурса).

Монография включает теоретический обзор концепций и научных направлений, а также базирующийся на статистических и социологических данных эмпирический анализ основных тенденций и закономерностей, барьеров гражданского участия и инструментов их преодоления на региональном уровне.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

1.1. Гражданское участие: основные подходы к понятию и его границам

В современном научном дискурсе актуализируется внимание к проблемам гражданского участия как значимого нематериального фактора общественного развития. Для понимания сути этого явления следует обратиться к рассмотрению формирования и развития теоретических подходов его социологического исследования. Гражданское участие как социальный феномен не являлось целостным объектом теоретических исследований в области социологии вплоть до середины XX века. Тем не менее методологические основания социологического изучения участия и его отдельных аспектов разрабатывались задолго до этого периода. Предпосылки становления теории участия и общественной самоорганизации восходят к философии античности. Наиболее значимыми сочинениями в этом русле являются «Политика» и «Никомахова этика» Аристотеля, в которых мыслитель закладывает основы социально-политической этики, рассуждает о роли гражданина в государстве, его ответственности за достижение общественного блага¹⁶.

В последующие периоды познания общественного развития вопросы гражданского участия так или иначе становились объектом изучения в научном дискурсе. Большое внимание проблемам участия граждан в контексте развития демократических традиций, взаимодействия общества с государством уделяют классики общественно-политической мысли

¹⁶ Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / под ред. М.Б. Митина. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 416 с.

Нового времени, такие как Д. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др. В частности, согласно воззрениям Т. Гоббса, гражданское общество представляет собой результат общественного договора и добровольного взаимодействия субъектов ради пользы (*commoda*), при этом положение человека вне гражданского общества не может быть ничем иным, как войною всех против всех (*bellum omnium contra omnes*), и во время этой войны у всех есть право на все¹⁷. По утверждению Гоббса, гарантом упорядочения социальных отношений и социального порядка становится соглашение (договор) между обществом и государством. Обозначенный теоретический ракурс актуален при рассмотрении особенностей гражданского участия, направленного на взаимодействие общества и государства.

У истоков изучения вовлеченности сообществ/общин в процесс развития своих территорий как неперемennого условия их процветания стоит французский политический деятель историк и социолог первой половины XIX века Алексис де Токвиль. В знаменитом историко-политическом трактате «Демократия в Америке» (1835, 1840) он доказывает, что страны, жители которых считают себя кем-то вроде поселенцев, равнодушны к судьбам той земли, на которой они живут; без понимания того, что все это принадлежит им самим, и желая что-либо улучшить, полагаясь во всем на правительство; где даже самые крупные перемены происходят без их содействия, обречены на гибель¹⁸. Ученый одним из первых рассматривает участие местного сообщества в управлении, а также в гражданском (социальном) и политическом ассоциировании (на примере США) как проявление новой демократической культуры¹⁹.

Значимый вклад в формировании теоретических основ изучения гражданского участия как социального действия, взаимодействия, солидарности вносят представители классической социологии второй половины XIX – первой половины XX века (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Тённис). Качественное разнообразие и дифференциация выделяемых видов участия связываются социологами обозначенного периода с усложнением и дифференциацией общества, общественных отношений, с развитием индивидуальности, субъектности²⁰.

¹⁷ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 622 с. (Филос. насл. Т. 107.). С. 219–270.

¹⁸ Токвиль А. де. Демократия в Америке: пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с. С. 85–88.

¹⁹ Там же.

²⁰ Скалабан И.А. Общественное участие как социальный проект: дисс. ... д.с.н. Новосибирск: НГТУ, 2017. 382 с. С. 31.

Немецкий социолог М. Вебер впервые вводит и научно обосновывает понятия «социальное действие» – действие (включая невмешательство или терпеливое принятие), ориентированное на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других²¹ и «общностно-ориентированные действия», когда действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей²², что по сути и отражает смысл гражданского участия. Отдельное внимание ученый уделяет мотивам вовлеченности индивидов в социальные действия и выделяет 1) целерациональные – в основе лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) ценностно-рациональные – основаны на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) аффективные – обусловлены аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) традиционные – основаны на длительной привычке²³. Типология социального действия Вебера позволяет рассматривать гражданское участие как деятельность, имеющую осознанную направленность с ценностными ориентирами и поставленной целью.

К проблеме участия/соучастия в своих трудах обращается и Г. Зиммель при изучении процессов группового взаимодействия. Одна из основных идей концепции этого немецкого социолога состоит в том, что общество непрерывно порождается взаимодействием; индивиды соединяются в общество, т.е. «обобществляются», взаимодействуя, индивиды делаются «общественными». В то же время ученый доказывает, что реальность взаимодействий обеспечивается не только тем общим, что объединяет участников, но и сохранением их индивидуальности: «... каждый элемент группы есть не только часть общества, но и, помимо того, еще нечто». Влечения, интересы, цели, являясь «материей обобществления», всегда остаются «частично не обобществлены»²⁴. Концепция Г. Зиммеля о групповом взаимодействии и индивидуальности открывает возможность для структурирования и объяснения коллективных и индивидуальных практик гражданского участия.

²¹ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с. С. 625.

²² Там же. С. 509–511.

²³ Там же. С. 628–630.

²⁴ Зиммель Г. Как возможно общество / пер. А.Ф. Филипова // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 2: Созерцание жизни. 608 с. С. 509–529.

Для изучения гражданского участия как основы солидаризации в обществе первостепенное значение представляют труды французского социолога Э. Дюркгейма. Согласно его учению выделяется механическая солидарность, основанная на стереотипах сознания, религиозной веры и эмоциях (что было характерно для доиндустриального общества), и органическая солидарность, обусловленная различного рода взаимозависимостями (*complementarities*) между людьми (свойственно современному обществу)²⁵. На основе теории Э. Дюркгейма гражданское участие можно рассматривать как следствие, влекущее за собой осознание людьми потребности в объединении, т.е. формировании «органической солидарности», где субъекты свободны, но в то же время функционально связаны между собой.

Немецкий исследователь Ф. Тённис в труде «Общность и общество» в русле концепции о механической и органической солидарности выделяет два социальных типа отношений. Первый тип характеризуется как «общность», где преобладают тесные эмоциональные социальные контакты, первичные социальные связи (традиционный тип); второй – как «общество», публичные общественные отношения, в котором обязанности и права людей четко закреплены согласно рациональному принципу (современный тип)²⁶. Для понимания гражданского участия актуально обращение к обоим типам социальных отношений, выделенных Ф. Тённисом. С одной стороны, участие основывается на общности взглядов и первичных социальных контактах, с другой – в результате участия могут создаваться группы институционального характера для реализации рациональных социальных действий.

В российской социологической традиции середины XIX – начала XX столетия также активно рассматриваются такие категории, как социальное взаимодействие, взаимопомощь, общественная солидарность, альтруистический инстинкт, этическое настроение и т.п., имеющие непосредственное отношение к методологическому осмыслению гражданского участия с учетом исторических особенностей российского общества.

Представитель субъективной школы Н.К. Михайловский в своих трудах развивает идею о том, что общество в России должно идти по пути развития «надорганического», когда широта и целостность личности обеспечиваются взаимодействием или «кооперацией простого сотрудни-

²⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. С. 9.

²⁶ Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 333–357.

чества», основанной на солидарности равных и независимых индивидов. Каждый из них выполняет самостоятельно сложный комплекс работ, но при этом они сотрудничают ради общих целей. Это предполагает возврат к старой форме кооперации, т.е. к русской общине, которую он считал более высокой формой, чем строй, утвердившийся на Западе. Такое общество, по мнению ученого, создаёт базу для справедливых и равноправных отношений между людьми для самореализации личности на основе коллективизма, эмоционального сопереживания другим²⁷.

Теоретическое основание гражданского участия как межличностного и межгруппового взаимодействия находит свое отражение в фундаментальном наследии русского и американского социолога П. Сорокина. По его мнению, «подлинной социальной группой» в отличие от номинального скопления индивидов может являться только та, где участники/члены находятся в процессе взаимодействия, при котором поведение и психологическое состояние одних членов зависит от других²⁸. В этом ключе гражданское участие может интерпретироваться как осознанное взаимодействие, имеющее в том числе социокультурное значение.

В наследии российского социолога и философа П.Л. Лаврова одно из центральных мест занимает концепция солидарности, которая, как отмечалось выше, является важнейшим аспектом при характеристике феномена «гражданское участие». Согласно учению Лаврова, «люди образуют общество, когда оказываются солидарными в своих суждениях, аффектах, интересах, убеждениях. Вне этой солидарности в сознательных актах нет общества, а только скопление людей...»²⁹.

Значимой для методологии гражданского участия видится концепция П.А. Кропоткина о взаимной помощи как главном импульсе в этическом прогрессе человека. Ученый доказывает, что бесчисленное количество обществ, клубов и союзов для развлечений, для научных работ и исследований, для образовательных целей и т.п. представляют проявление той же вечно действующей силы, призывающей людей к объединению и взаимной поддержке. Подобные ассоциации не изменяют экономической структуры общества, но они помогают сглаживанию социальных различий, росту личных дружественных отношений между всякого рода

²⁷ Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии: в 2-х т. / А.О. Бороноев (отв. ред. серии), И.А. Голосенко, В.В. Козловский. СПб.: Алетейя, 1998; Михайловский М.Н. Что такое прогресс // Михайловский Н.К. Избр. тр. по социологии: в 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 235.

²⁸ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с. С. 547–560.

²⁹ Лавров П.Л. Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903. С. 61.

людьми³⁰. В этом ключе гражданское участие может рассматриваться не столько как ресурс развития политического и социально-экономического пространства, а как эффект социокультурного преобразования действительности.

Работы российских социологов в теоретическом плане вносят существенный вклад в анализ гражданского участия с учетом исторической специфики, т.к. многие новации ученых в исследовании социальных процессов опирались на практический опыт гражданской самоорганизации, накопленный в России: это и самоуправление соседской общины, земское, дворянское самоуправление, некоммерческие общества, кооперативы и артели и т.д.

Таким образом, в период расцвета ранней и классической социологии выдвигались первоначальные категории, характеризующие социальную действительность, разрабатывались фундаментальные основания социологического подхода к исследованию общественного развития, которые были развиты в дальнейшем. В целом, несмотря на то что ученые долгое время не рассматривали напрямую феномен гражданского участия, к началу XX века был создан теоретический задел для осмысления категории «участие».

Методологическое осмысление категории гражданского участия в рамках концептов социального действия, группового взаимодействия, коллективного действия и т.д. активно развивается в XX – начале XXI века.

«Теоретик действия» Т. Парсонс доказывал, что социальный порядок и социальное единство/согласие возможно, если акторы (субъекты деятельности) усваивают в качестве мотивов своей деятельности общепринятые ценности. При этом, по его мнению, возможны два эффективных способа достижения общественного согласия: во-первых, посредством социализации (ценности передаются от поколения к поколению); во-вторых, путем формирования системы ценностей через механизмы социального контроля³¹. Теория Парсонса открывает возможности для изучения нормативно-ценностных оснований гражданского участия в современном обществе.

Концепция социального действия и ценностных установок к нему получает развитие в работах П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана,

³⁰ Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции // Сайт Института философии РАН. URL: https://iphras.ru/elib/Kropotkin_Vzaimopom.html; Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В. Батулинского; под ред. автора. СПб.: Знание, 1907.

³¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

Э. Гидденса. В центре внимания французского социолога Бурдьё – понятие габитуса или установок (принципов), которые позволяют социальным агентам реализовывать стратегии действия, в том числе в гражданском участии³². П. Бергер и Т. Лукман придерживаются идеи о том, что участие в социальном действии и взаимодействии должно основываться в первую очередь на здравом смысле и социальной конвенции (договоренности)³³, что может учитываться при анализе мотивационной составляющей гражданского участия.

В целях осмысления установок и вовлеченности в реальные практики гражданского участия представляют важность теоретические наработки английского обществоведа Э. Гидденса о структуре социального действия. Ученый вводит понятие «повседневная (рутинная) практика» как элемент повседневной социальной деятельности, каркасом которой выступают правила поведения, условности и традиции³⁴. Следует подчеркнуть, что обозначенные концепты позволяют рассматривать в качестве мотивационно-ценностной основы участия не только узаконенные нормы социальных взаимоотношений, но и неформальные правила, регулирующие различные виды взаимодействий субъектов при реализации социально значимой деятельности.

Для выявления и анализа ценностных предпосылок участия, которые имеют решающее значение для социальной стабильности и сотрудничества, представляется актуальной теория социального капитала, получившая развитие в трудах как зарубежных, так и российских исследователей³⁵. По мнению Р. Патнэма, социальные связи стимули-

³² Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 5–20.

³³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

³⁴ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

³⁵ Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. Т.9. № 1. С. 23–51; Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 45–61; Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 63–70; Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004; Патрушев С.В. Социальный капитал // Электронная библиотека «Гражданское общество в России», 2012. URL: www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf; Шагалов И.Л. Особенности влияния социального капитала объединений по месту жительства на городское развитие // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 2 (22). С. 133–151; Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 191–203.

руют участие, позволяют выйти за рамки ближайшего окружения и вовлекаться в совместную деятельность³⁶. В то же время необходимо учитывать, что взаимосвязь гражданского участия и социального капитала характеризуется двусторонним процессом: социальные связи и отношения выступают ресурсом участия, а участие в свою очередь является механизмом аккумуляции социального капитала. Одним из наиболее важных элементов социального капитала и ценностных диспозиций практик гражданского участия выступает доверие – «возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»³⁷. Кроме того, для изучения гражданского участия актуален концепт политического доверия, выступающего одним из ключевых факторов политического процесса, играющих огромную роль в обеспечении стабильности и поступательном развитии общества³⁸.

Определяющее значение для методологического осмысления гражданского участия имеет деятельностно-активистская парадигма, которая интегрирует теоретические идеи зарубежных и российских исследователей (П. Бергер и Т. Лукман, П. Бурдьё, А. Турэн, В.А. Ядов, Т.И. Заславская, И.А. Халий и т.д.). В отличие от функционального подхода, в котором люди – агенты, выполняющие заданную потоком функцию, лишь регулируют, но не формируют, не направляют или изменяют действительность³⁹, в рамках этих теорий на первый план выходит социальный актор, который может влиять на все социальные и политические процессы своим участием в них. В этом отношении перспективным представляется социально-конструкционистский подход, который базируется на ключевых положениях П. Бергера и Т. Лукмана о понимании человека в обществе как конструктора мира⁴⁰. В трудах А. Турэна, одного из теоретиков

³⁶ Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. № 6 (1). Pp. 65–78.

³⁷ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ, 2004. С. 22.

³⁸ Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79–99.

³⁹ Rosenau J.N. (1997). Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges // International Governance on Environmental Issues. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. Pp. 19–56.

⁴⁰ Berger P.L., Luckmann T. (1966). The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge.

деятельностно-активистского концепта, развивается идея о сохранении в современном обществе субъекта социального действия – «человека действующего»⁴¹. Центральная роль в социологии действий французского социолога отводится общественным движениям (что является частью гражданского участия), с помощью которых происходит созидание обществом самого себя. Ученый обосновывает категорию «социальные узы» или, так называемые, узы солидарности, регулирующие основы общественной жизни.

В обозначенном ключе концептуально важны для нашего исследования выводы И.А. Халий о том, что в российских условиях субъект социального действия радикально влиять на происходящее в глобальном контексте не способен, но на локальном уровне, т.е. непосредственно в месте своего проживания, в ситуации трансформации, реформирования социальных институтов он вынужден для защиты собственной жизни делать попытки оказывать влияние на происходящее⁴².

Проблематика гражданского участия со второй половины XX века и до настоящего времени становится востребованным объектом исследований в рамках концепций демократии, парсипаторной культуры, гражданства и гражданского общества. Теоретико-методологический задел для понимания категории гражданского и политического участия создан американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой, в трудах которых центральной фигурой становится влиятельный гражданин в процессе принятия политических решений, затрагивающих его интересы⁴³. Ученые выделяют три основных типа политической культуры: приходская, где нет конкретизации политических ролей и где ориентация обыкновенно не конкретизируется; подданническая культура, где отношение к политической системе в целом является пассивным; третий тип – культура участия, в которой члены общества четко ориентированы на систему в целом, а также на «активную» собственную роль в политике⁴⁴. Кроме того, авторы используют понятие «гражданская культура» как культура лояльного участия.

⁴¹ Турэн А. Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 8.

⁴² Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с. С. 21.

⁴³ Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4.

⁴⁴ Там же.

Значительный вклад в изучение участия граждан в общественной жизни внес представитель франкфуртской школы Ю. Хабермас. В начале 1960-х годов этот немецкий социолог и философ выдвинул понятие, ставшее вскоре ключевым для социальной теории и объяснительных моделей формирования гражданского общества и соответственно гражданского участия, – понятие публичности (общественности)⁴⁵. Он выделяет два направления формирования публичности: в дополитическом пространстве (в кофейнях, клубах, кружках по интересам) и политическом (включение общественности в управление), что представляет интерес для выявления особенностей форм участия.

В ракурсе изучения гражданского общества и теории демократии к вопросам участия обращаются обществоведы Д. Коэн и Э. Арато. К структурам гражданского общества они относят в первую очередь неполитические добровольные ассоциации, социальные движения, публичные коммуникации. Гражданское участие, согласно учению Д. Коэна и Э. Арато, есть определенные формы самоконституирования и самомобилизации, которые институционализируются посредством законов и в особенности субъективных прав, стабилизирующих социальную дифференциацию⁴⁶.

Гражданское участие в контексте теории гражданства рассматривается в трудах американского социолога Дж. Александра. Он обосновывает понятие «гражданская сфера» («civil sphere») как культурное и институциональное пространство, которое определяется нормами закона, гарантиями прав индивидов, а также чувствами и ценностями, солидарностью с каждым членом общества, независимо от статуса или власти⁴⁷. Важнейшим в учении социолога для анализа роли гражданского участия представляется тезис о том, что когда граждане мобилизуются, когда они становятся сознательными и требовательными, тогда государство управляет для них и действует в их интересах.

Тема гражданского участия, рассматриваемая сквозь концепты гражданского общества, гражданственности, демократии, межсекторного партнерства, активно развивается в российском научном дискурсе (Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, З.Т. Голенкова, О.Н. Яницкий, Л.И. Никовская,

⁴⁵ Habermas J. (1989). The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge. Pp. 27–73; Хабермас Ю. К разуму публичной сферы // Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012. С. 105–110.

⁴⁶ Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория: пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. 784 с. С. 9.

⁴⁷ Титаренко Л.Г. Рецензия на книгу Дж. Александра «Гражданская сфера» // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 151–154; Александр Дж. Власть, политика и гражданская сфера; пер. с англ. М.В. Горностаевой // Социологические исследования. 2009. №10. С. 3–17.

В.Н. Якимец, А.Ю. Сунгуров, В.В. Петухов, И.В. Задорин, С.В. Патрушев)⁴⁸. В обозначенном направлении справедливы выводы В.Н. Якимца и Л.Н. Никовской о том, что создание демократического порядка в современной России не может быть лишь результатом «живого творчества масс снизу», оно предполагает различные формы общественно-государственного партнерства⁴⁹.

Профессор З.Т. Голенкова, обращаясь к методологии гражданского общества и участия, подчеркивает два специфических параметра: теоретико-аналитический и нормативный. В первом значении гражданское участие может рассматриваться как совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и ценностей, во втором – как совокупность прав и обязанностей, способствующих мотивации и мобилизации граждан и других социальных субъектов на развитие различного содержания и форм гражданской активности⁵⁰.

В рамках концепции гражданственности Ю.Б. Савельев выделяет в структуре участия два взаимосвязанных компонента. Первый – это институциональные возможности для реализации активной гражданской позиции людей, а именно: наличие прав (гражданских, политических и социальных), определенный уровень их автономии и возможности выбора. Второй компонент включает реальные практики действующих людей (акторов), основанные на их гражданских ценностях, взаимном доверии, солидарности и реализуемые собственными силами, исходя из имеющихся социальных навыков, степени ответственности и уровня самоуправления⁵¹.

⁴⁸ Гражданское общество в модернизирующейся России. Аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыгина, В.Б. Беневоленский, Э.А. Памфилова, Л.Н. Проскурякова, А.С. Туманова, М.: НИУ ВШЭ, 2011; Никовская Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) // Вестник Института социологии РАН. 2015. № 1 (12). С. 139–155; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // Политические исследования. 2016. № 5. С. 37–48; Яницкий О.Н. Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. № 2. С. 113–124; Формирование гражданского общества в России: стратегии и управление / Г.И. Авцинова, А.С. Алексанян, И.А. Батанина [и др.]. М.: Аналитик, 2015. 400 с.; Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.] / отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с.; Туманова А.С., Сафонов А.А. Социально-экономические, политико-правовые и финансовые параметры гражданского общества // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 5. С. 106–117.

⁴⁹ Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. № 5 (3). С. 209–223.

⁵⁰ Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25–36.

⁵¹ Савельев Ю.Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 64–71.

В трудах Л.И. Якобсона развивается идея о том, что именно ассоциированное участие, представленное деятельностью некоммерческих организаций, составляет основу демократии и вносит вклад в формирование таких «гражданских добродетелей», как доверие, толерантность, склонность к сотрудничеству и альтруизм, разумеется, в сочетании с умением отстаивать и реализовывать свои и чужие права⁵². В то же время особый интерес представляет рассмотрение гражданского общества через оценку пространства гражданской самоорганизации или неассоциированного гражданского участия. И.А. Скалабан и С.Б. Спенсер справедливо подчеркивают важность выхода за рамки формальных НКО и изучения неформальных групп и объединений, которые могут быть основой роста социального участия, а также источником возникновения новых социальных движений и формальных организаций⁵³.

Теоретическое основание гражданского участия как инструмента развития сообществ впервые получает распространение в научной литературе в начале XX столетия в рамках американской урбанистики. Исследователи Чикагской школы, используя термины «социальное и политическое участие», изучали вовлеченность местных сообществ в процесс социально-экономических преобразований городской среды⁵⁴.

Мобилизационный потенциал участия и самоорганизации в качестве ресурса социального развития стал объектом научного внимания в середине – второй половине XX века в рамках теорий коллективных действий и ресурсной мобилизации (М. Олсон, Дж. Маккарти, М. Зальд, А. Обершол и др.). Социальные потребности и проблемы отдельных людей превращаются в общественные проблемы, которые нужно решать через совместную деятельность, благодаря чему вовлеченные люди приобретают больший контроль над развитием сообщества, развивают свои социальные сети, осознают свою идентичность⁵⁵.

⁵² Якобсон Л.И. «Школа демократии»: формирование «гражданских добродетелей» // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 93–106.

⁵³ Скалабан И.А., Спенсер С.Б. Стратегии общественного участия лидеров формальных и неформальных объединений // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1(17). С. 158–170.

⁵⁴ Парк Р., Томас У. Участие и социальная ассимиляция. Чикагская школа социологии: сб. переводов; [сост. и пер.: В.Г. Николаев]; Рос. акад. наук; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 2015. С. 52–59.

⁵⁵ Flecknoe C., McLellan N. (1994). The What, How and Why of Neighbourhood Community Development. London: Community Matters. 180 p.

Фокусом анализа ученых выступила проблема мобилизации ресурсов социального движения для достижения общих целей⁵⁶. В контексте мобилизационного подхода социальное движение рассматривается не столько как определенный вид коллективного поведения, а как совокупность установок на социальное изменение, один из специфических видов организации, имеющей внутренние и внешние факторы и ресурсы развития⁵⁷. А. Обершол пришел к выводу, что мобилизация – это процесс формирования толп, групп, объединений и организаций для достижения коллективных целей. При этом организации не «возникают стихийно», а требуют мобилизации ресурсов⁵⁸.

Проблема участия как ресурса развития стала предметом анализа в неполитической концепции мобилизации А. Этциони⁵⁹. Он отмечал, что мобилизационные ресурсы коллективов и сообществ реализуются через их активное участие в процессах социального развития с помощью укрепления коллективных ценностей. По его мнению, большинство активов для социальных преобразований контролируются на уровне сообществ (отдельных лиц и микросоциальных единиц и групп), а не общества в целом и больших коллективов (например, армии, церкви)⁶⁰.

Для развития коллективных практик участия сообщества особое значение имеет социальная мобилизация: в первую очередь это солидарность (способность помочь друг другу в общем деле, учесть интересы других участников движения), горизонтальные взаимоотношения между участниками, то есть прочность и развитость взаимосвязей и сетевых отношений внутри движения (коллективная идентичность или чувство принадлежности к сообществу или общей категории)⁶¹. Однако, с другой стороны, можно утверждать, что коллективные практики сами по себе выступают источником развития коллективной идентичности, солидарности, социальной сплоченности в обществе.

⁵⁶ McCarthy I. (1977). Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory. *AYS*, vol. 82. Pp. 1212–1241; Zald M., McCarthy J. (1987). *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transactions books.

⁵⁷ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С. 64.

⁵⁸ Oberschall A. (1973). Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 371 p. P. 169.

⁵⁹ Etzioni A. (1968). Mobilization as a macro sociological conception // *The British Journal of Sociology*. № 19 (3). Pp. 243–253.

⁶⁰ Etzioni A. (1968). *The active society*. New York: Free Press.

⁶¹ Казаринова Д.Б. Теория коллективных действий: политические импликации // *Политология*. 2011. № 3. С. 70–77.

В целом однозначного мнения по поводу того, что же первично – коллективные действия или коллективная идентичность, у исследователей не выработалось. Это дает основание говорить о том, что указанные феномены могут быть описаны как замкнутая самовоспроизводящаяся система⁶².

В последние годы в российской литературе проблематика гражданского участия в русле влияния на социальное преобразование становится особенно актуальной. Исследователи рассматривают различные виды и формы участия, механизмы его воздействия на социально-экономические, экологические и политические процессы местных сообществ⁶³. И.Н. Трофимова при изучении гражданского участия на муниципальном уровне в России констатирует, что именно участие задает направление развития на местах: чем выше активность граждан, тем в большей степени в это направление можно заложить интересы самих местных сообществ⁶⁴. Обозначенный тезис полностью соответствует логике нашего исследования.

Существенный вклад в концептуальные разработки категории участия и его разновидностей как в целом, так и на уровне сообществ вносят труды И.А. Скалабан. В результате исследования автор приходит к выводам, что в современном российском обществе особенностью участия, с одной стороны, выступает ведущая роль государства, наличие доминирующей программы, реализуемой через механизмы административного воздействия и нормативного регулирования, с другой – множественность программ, пространств общественного участия, ценностный плюрализм,

⁶² Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 1. С. 30–45.

⁶³ Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика и гражданское общество (на примере Санкт-Петербургского кейса) // Политическая экспертиза. 2018. Т. 14. № 1. С. 57–67; Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239–252; Яницкий О.Н. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях: теоретические и методические проблемы // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докл. VI Всеросс. социологич. конгр., г. Тюмень, 14–16 октября 2020 года / отв. ред. В.А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов, 2020. С. 5448–5462; Шабанова М.А. Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: результаты эмпирического исследования в России (Статья 2) // Социологические исследования. 2020. № 12; Мерсиянова И.В., Малахов Д.И., Иванова Н.В. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 66–89.

⁶⁴ Трофимова И.Н. Гражданское участие и развитие муниципальной демократии в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4 (132). С. 31–36.

диффузия дискурсов, неустойчивость практик, что стимулирует общественные противоречия, препятствует вовлечению в проект различных групп населения⁶⁵.

Обобщая результаты проведенного нами анализа теоретико-методологических оснований гражданского участия в научном поле эпохи ранней, классической и современной социологии, можно отметить не только плюрализм, междисциплинарность, но и фрагментарность подходов к пониманию изучаемого феномена. Хотя широта спектра привлекаемых к анализу теоретических подходов способствует выявлению разнообразных аспектов участия, но в то же время затрудняет понимание данного явления как целостного. Гражданское участие рассматривается в рамках следующих ключевых концептов:

- 1) социального действия, взаимодействия;
- 2) коллективного действия и ресурсной мобилизации, социальных движений;
- 3) деятельностно-активистского подхода;
- 4) солидарности;
- 5) социального капитала;
- 6) демократии, гражданского общества и гражданственности;
- 7) развития сообщества.

Представляется, что в российских реалиях в условиях поиска новых факторов позитивных общественных изменений актуальным является рассмотрение участия как ресурса развития местных сообществ на основе синтеза подходов, касающихся изучаемого нами предмета.

При исследовании гражданского участия в научной литературе, особенно западной, фокус внимания сосредоточен на дебатах о терминах, используемых учеными для отражения изменений вовлеченности граждан в общественно-политическую жизнь (табл. 1). Как справедливо отмечают Дж. Экман и Е. Амна, наблюдается концептуальная путаница вокруг этого понятия, оно используется авторами для обозначения разных вещей и скорее запутывает, чем освещает⁶⁶. Аналогичная ситуация наблюдается и в российском исследовательском поле: российская (дореволюционная) традиция с наложением на нее советского и западного теоретического инструментария создали терминологическую неразбериху, которая тянется

⁶⁵ Скалабан И.А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. 407 с.

⁶⁶ Ekman J., Amnå E. (2012). Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology // Youth & Society (YeS). № 22. Pp. 283–300.

и по сей день⁶⁷. Между тем, для последующего эмпирического анализа и измерения этого социального феномена важно отойти от расплывчатых и аморфных определений, четко определиться с предметом и границами исследования.

Таблица 1. **Операционализация гражданского участия в зарубежной и российской научной литературе**

Автор, год издания работы	Понимание гражданского участия
С. Верба, Г. Алмонд (1963)	Представляет собой процессы, посредством которых граждане влияют или контролируют тех, кто принимает важные решения, затрагивающие их интересы.
Р. Патнэм (1995)	Проявляется в голосовании, практиках политического участия, доверии политическим институтам, чтении газет, участии в территориальных общественных группах, объединениях, организациях (в том числе религиозных).
Т. Эрлих (2000)	Работа по изменению общественной жизни в сообществах и формирование комбинации знаний, умений, ценностей и мотивации для внесения этих изменений. Это означает улучшение качества жизни в сообществе с помощью как политических, так и неполитических действий.
М. Олсон (2012)	Отражает способность человека влиять на общество. Это может проявляться в организованных или неорганизованных политических и общественных действиях.
С. Гелмон, С. Сейфер (2010)	Использование институциональных ресурсов (например, знаний и опыта студентов, преподавателей и персонала, политической позиции, зданий и земли) для решения проблем, стоящих перед сообществами, посредством сотрудничества с этими сообществами.
Дж. Экман, Е. Амна (2012)	Это действия граждан, осуществляемые в частной сфере (индивидуальная деятельность – помощь соседям, например) и / или в общественной (совместная деятельность – членство в партии или группе по интересам).
Б. Чековэй, А. Алдана (2013)	Это процесс, в котором люди предпринимают коллективные действия по решению вопросов, вызывающих общественную обеспокоенность.
С.Г. Кирдина (2011)	Сфера деятельности граждан за пределами частной жизни, их готовность и возможность активно участвовать в происходящих социальных процессах.
С.В. Патрушев (2011)	Адаптивная публичная активность, связанная с реализацией универсальных прав и свобод и соответствующих компетенций – знаний, умений поведенческих навыков и способностей, обеспечивающая достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях.
Л.И. Никовская, И.А. Скалабан (2017)	Процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата.
В.В. Петухов (2019)	Способ самопроявления граждан и их объединений (формализованных и неформализованных) в разных сферах жизни общества.
Источник: составлено автором на основе научных трудов по теме исследования.	

П. Окли в работе «The Practice of Participation in Rural Development» (1991) приходит к следующему выводу: «Гражданское участие связано с человеческим развитием и усиливает у людей чувство контроля над про-

⁶⁷ Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 53–60.

блемами, которые влияют на их жизнь. По сути, участие – это хорошо, потому что оно мешает изоляции людей и закладывает основу для того, чтобы они не только оказывали существенное влияние на развитие, но и приобретали большую независимость и контроль над своей жизнью»⁶⁸.

Актуальность такого понимания участия населения не утратилась и спустя несколько десятилетий. Несмотря на широкий перечень трактовок гражданского участия, в них все же прослеживается общий критерий – значимый общественный результат⁶⁹.

Б. Ронан акцентирует внимание на историческом корне термина: латинское слово «civis» нашло свое отражение в двух словах – «город» и «гражданин», т. е. «имеющий полное членство в сообществе, включая гражданское право на свободу и справедливость»; «participation» означает «взаимодействие, вовлеченность, сочувствие». В связи с этим автор поясняет, что гражданское участие связано с вовлечением индивидов и групп в деятельность, которая (а) выполняется публично, (б) приносит пользу обществу, (в) делается совместно с другими⁷⁰.

Основная научная дискуссия разворачивается относительно определения границ гражданского участия. Ряд западных политологов использует понятие «гражданское участие» для описания политической вовлеченности, внимания к политике, т.е. традиционных каналов участия в политической жизни⁷¹. С. Верба и Н. Ниэ выделяют четыре формата политического участия: голосование, избирательные кампании, совместная политическая деятельность, гражданские контакты⁷². М. Каас, А. Марш рассматривают также такие формы участия, как посещение демонстраций и присоединение к бойкотам⁷³, тем самым открывая возможности для более широкого подхода. Шерри Р. Арнштейн трактует гражданское участие как синоним гражданского управления. Он поясняет, что «стра-

⁶⁸ Oakley P. (1991). *Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development*. International Labour Organization. 84 p. P. 17.

⁶⁹ Glass L., Newig J. (2019). Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? // *Earth System Governance journal*. № 2. Pp. 100–130.

⁷⁰ Ronan B. (2004). *Testimony at the White House Conference on Aging Public Forum on Civic Engagement in an Older America*. Arizona: Phoenix.

⁷¹ Berger B. (2009). Political Theory, Political Science and the End of Civic Engagement Article // *In Perspectives on Politics*. № 7 (02). Pp. 335–350.

⁷² Verba S., Nie N.H. (1972). *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. Chicago, IL : University of Chicago Press. 452 p.

⁷³ Kaase M., Marsh A. (1979). Political action repertory: changes over time and a new typology. In: Barnes S.H., Kaase M. (eds), *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications. Pp. 137–166.

тегия, с помощью которой неимущие участвуют в определении того, как происходит обмен информацией, формулируются цели и политический курс, распределяются налоговые ресурсы, работают программы и выделяется помощь в виде подрядов и финансовой поддержки»⁷⁴.

Следует отметить тенденцию постепенного расширения понятия политического участия, предназначенного не только для непосредственного влияния на политический процесс, но и направленного на проблему сообщества. К примеру, Й. Теочарис и Дж. Дет при характеристике политического участия наряду с голосованием и протестом анализируют такие новые нетрадиционные формы, как участие в цифровой сети, волонтерство в различных областях⁷⁵.

В последние годы в контексте изучения политического участия пристальное внимание уделяется электронному участию как технологически опосредованному взаимодействию между правительством и гражданами⁷⁶, участию граждан в отрасли электронного правительства по принятию решений в политических и управленческих процессах⁷⁷. В то же время следует учитывать, что электронное участие или участие посредством интернет-технологий может быть связано как с процессами «соуправления», так и с практиками взаимопомощи и кооперации населения в отношении развития общественных благ. Исследования показывают, что зачастую пользователи сети сосредотачиваются на личных и неполитических вопросах и в меньшей степени – на политических⁷⁸.

В целом в политическом ракурсе гражданское участие – это деятельность отдельных граждан, направленная на прямое или косвенное влияние в отношении политики различных уровней власти⁷⁹. Таким образом, согласно представленному подходу, акцент сделан на «вертикальном взаимодействии» индивидов, группы или сообщества с государством.

⁷⁴ Arnshtejn S. (1969). A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Urban Planners. 35(4): 216–224. 216 p.

⁷⁵ Theocharis Y., Deth J. (2018). The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy // European Political Science. № 10 (1). Pp. 139–163.

⁷⁶ Sæbo O., Rose J., Skiftenes Flak L. (2008). The shape of e-Participation: Characterizing an emerging research area // Government Information Quarterly. № 25 (3). Pp. 400–428.

⁷⁷ Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S., Irani Z. (2019). Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community // Government Information Quarterly. № 36. Pp. 536–545.

⁷⁸ Jho W., Jae S.K. (2015). Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? // Government Information Quarterly. № 32 (4). Pp. 488–495.

⁷⁹ Milbrath L.W., La Goel M. (1977). Political Participation. How and Why People Get Involved in Politics. Chicago: RandMcNally.

Часть исследователей концептуализирует гражданское участие, ограничивая его рамки конкретными социальными действиями. Так, в научном дискурсе встречается определение, согласно которому под гражданским участием подразумевается добровольная общественная работа в местном сообществе в контексте гражданских обязанностей. Другие авторы понимают гражданское участие как коллективное действие в форме совместных практик и сотрудничества по улучшению условий в гражданской сфере⁸⁰. В обозначенном контексте признается, что гражданское участие локализуется на горизонтальном уровне в форме различных социальных практик. Анализируя конкретные социальные практики, направленные на решение проблем сообщества, исследователи обращают внимание на сам процесс взаимодействия, формирование и развитие социальных сетей на разных дистанциях окружения⁸¹.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в научной литературе в рамках узкого подхода гражданское участие приравнивается к конкретным практикам вертикального и горизонтального взаимодействия: политическим действиям, общественным работам, коллективной деятельности и т.д.

Значительный вклад в концептуальное осмысление понятия «гражданское участие», его границ и форм внес Р. Патнэм. Согласно его исследованию, гражданское участие означает участие в ассоциациях, как политических, так и неполитических, которые объединяют людей в сети и нормы взаимодействия и доверия⁸². Ученый использует широкий подход к определению границ гражданского участия и охватывает этим понятием как вертикальное, так и горизонтальное взаимодействие: чтение газет, деятельность партий, электоральную активность, ассоциативное членство, неформальное участие, институциональное и межличностное доверие и т.д., то есть все виды вовлеченности населения в жизнь сообщества⁸³. Таким образом, Р. Патнэм при изучении вовлеченности населения в гражданскую сферу останавливается не только на политическом и социальном аспекте, но и ценностном, включающем нормы доверия, сотрудничества, солидарности.

⁸⁰ Adler R.P., Goggin J. What Do We Mean By «Civic Engagement»? // *Journal of Transformative Education*. 2005. № 3 (3). Pp. 236–253.

⁸¹ Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. (2010). Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: Proposed taxonomy of social activities // *Soc Sci Med*. № 71 (12). Pp. 2141–2149.

⁸² Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. № 6 (1). Pp. 65–78.

⁸³ Там же.

П. Норрис также придерживается широкого взгляда на гражданское участие, включая в это понятие любую политическую и общественную деятельность, содействующую развитию социального капитала. Он полагает, что при анализе гражданского участия следует рассматривать любые аспекты социальной включенности, которые прямо влияют на государственные органы и политику, гражданское общество, на социальное поведение⁸⁴.

Б. Бергер при изучении гражданского участия ориентируется на широкий подход, однако критикует излишнее «растяжение» границ участия. Автор рассматривает три компонента: политический, социальный и моральный. По его мнению, политическая вовлеченность включает в себя большинство видов деятельности, которые мы обычно ассоциируем с политическим участием: голосование, связь с политическими представителями, финансовое содействие политическим группам, интерес к политическим вопросам (через любой медиаформат), членство в партии, митинги или демонстрации⁸⁵. Под социальными практиками гражданского участия Б. Бергер понимает вовлеченность в ассоциации гражданской жизни без политического компонента, а также неформальные вертикальные отношения. Как он считает, более спорным и неопределенным в научных кругах выступает моральное участие – внимание и деятельность в поддержку морального кодекса, нравственно-этических норм.

Проблематика понимания гражданского участия и широты его границ присутствует и в российском научном дискурсе, хотя не в таком объеме, как у зарубежных коллег. В.Н. Якимец и Л.И. Никовская в рамках концепции общественно-государственного партнерства изучают гражданское / общественное участие как взаимодействие государства и общества в решении социально-экономических проблем. Отдельное внимание авторы уделяют электронным формам участия, таким как краудсорсинг, сетевые сообщества, электронные голосования, процедуры выработки и принятия управленческих решений в онлайн-режиме⁸⁶.

⁸⁴ Norris P. (2002). *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁸⁵ Berger B. (2009). *Political Theory, Political Science and the End of Civic Engagement* Article // In *Perspectives on Politics*. № 7 (02). Pp. 335–350.

⁸⁶ Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2019. № 5 (3). С. 209–223.

М.Р. Холмская понимает под гражданским участием «конституционно зафиксированную и гарантированную правовыми институтами возможность граждан публично высказывать свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, для пропаганды своих взглядов, для оказания организованного влияния на органы власти, выдвигать свою кандидатуру на выборах и т.п.»⁸⁷. Л.И. Никовская и И.А. Скалабан на основе анализа концептов ведущих ученых предлагают трактовать гражданское участие как процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы⁸⁸. При этом авторы обозначают гражданское участие наряду с политическим и социальным как составную часть общественного участия.

Ряд российских исследователей придерживается широкого взгляда на изучаемый феномен. В частности, В.В. Петухов полагает, что гражданское участие носит «зонтичный» характер по отношению к отдельным видам и практикам его реализации в разных сферах жизни общества (в социальной сфере, в политике, экономике, культуре, религии) и включает политические и социальные действия⁸⁹. По мнению И.В. Щербаковой, гражданское участие – это деятельность индивидов или групп по совместной реализации интересов частного и частно-публичного характера институализированного вида (например, участие в выборах и референдумах) и «обывательского» социального взаимодействия⁹⁰. Исследовательская группа из Белгорода (под руководством Е.В. Реутова) под гражданским участием понимает «проявления гражданами активности в публичной сфере ради реализации субъективно и социально значимых целей»⁹¹.

Условно подходы к рассмотрению гражданского участия и его границ можно схематично представить следующим образом (рис. 1).

⁸⁷ Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования: обзор отечественной литературы // Политические исследования. 1999. № 5. С. 170–176.

⁸⁸ Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.

⁸⁹ Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.

⁹⁰ Щербакова И.В. Особенности территории проживания как фактор гражданского участия // Социологический журнал. 2017. № 23 (3). С. 64–79.

⁹¹ Реутов Е.В. Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества. Белгород: Эпицентр, 2015. С. 8.

Рисунок 1. **Схема теоретических границ гражданского участия в научной литературе**

Источник: составлено автором.

Изучение операционализации гражданского участия в зарубежной и российской научной литературе показало, что при анализе вовлеченности граждан в решение общественных проблем существует методологическое разнообразие используемых терминов: политическое, общественное, социальное или гражданское участие, самоорганизация граждан, гражданская активность и т.д. Эти категории зачастую используются как синонимы, без определения строгих границ и четкого значения.

Обобщая, следует констатировать, что в исследовательском поле проблема концептуализации гражданского участия и осмысления его границ по отношению к политическому и социальному пространству продолжает оставаться дискуссионной. При этом в последние десятилетия в научной литературе обозначилась тенденция расширения смысловых границ гражданского участия за счет появления новых структур, форм и практик.

1.2. Территориальное сообщество как субъект гражданского участия

Для изучения гражданского участия важное значение имеет социально-пространственный дискурс. Так, Дж. Александер, связывая проблему пространства со становлением современного гражданского общества, утверждает, что именно территория обращает пространство

гражданского общества и участия в особое место. В этом смысле гражданское участие может стать уникальным и осмысленным только как особое место, которое отлично от мест, находящихся вне его территории⁹². Действительно, гражданское участие тесно связано с государством и его территорией, что и означает относиться к определенному пространству.

В своем исследовании мы опираемся на предложенную методологию, которая, на наш взгляд, позволит в полной мере учесть суть гражданского участия. Как было отмечено выше, определяющее значение для осмысления гражданского участия имеет деятельностно-активистская парадигма, интегрирующая теоретические идеи зарубежных и российских исследователей, в центре внимания которых активная роль субъекта в конструировании социального пространства и его полей – экономического, политического, социокультурного и т.д. Представляется, что принципиальное отличие понятия социального пространства от физической пространственной формы заключается в том, что его возникновение и функционирование всецело связано с деятельностью социального субъекта. В то же время согласимся с тезисом В.А. Ядова о том, что такой подход не означает отвержения объективных социально-экономических закономерностей, хотя влияние последних заметно слабее, чем в минувшие века, когда человек целиком зависел от природных условий, а позже от созданной им социокультурной среды⁹³. Обозначенное положение берется в основу нашего исследования социального пространства как среды гражданского участия и объекта преобразований в процессе социально значимой деятельности субъекта.

Методология гражданского участия предполагает ее пространственную локализацию на уровне территориального образования (региона, района, города, поселения и т.д.). Я. Щепаньский в труде «Элементарные понятия социологии» (1963) в русле концепции территориального социального пространства использует понятие «территориальные общности» (город, поселок, село, хутор, отдельный район города, в некоторых аспектах и государство), где протекают процессы между индивидами и группами, возникающие из их связи с географической средой. Отличительными свойствами обозначенных территориальных образований выступает то, что их члены объединены узами общих отношений к терри-

⁹² Alexander J. (2000). Contradictions: The Uncivilizing Pressures of Space, Time, and Function // *Soundings*. Vol. 16. Pp. 96–112.

⁹³ Ядов В.А. Современные социологические теории. М., 2006. С. 12–14.

тории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории⁹⁴.

В.Н. Лексин и Е.Н. Андреева используют дефиницию «территориальное образование», отмечая, что среда – это не просто территория, а выделенная для определенных целей исследования часть социального, природного, экономического, инфраструктурного, культурно-исторического, пространственного потенциала существования и развития системы. Причем не просто системы как некоего единства и целостности. Территориальное образование, по мнению ученых, понятие более объемное в силу условности границ объекта, их потенциальной открытости и подвижности⁹⁵.

В исследовании гражданского участия мы рассматриваем проблематику на уровне регионального социального пространства. Следует отметить, что юридическое толкование региона отражено в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (от 16.01.2017 г. № 13), согласно которому регион трактуется как «часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации». По мнению руководителя Центра региональной социологии ФНИСЦ РАН В.В. Маркина, такое понимание региона с чисто праксиологических позиций сегодняшнего дня вполне допустимо, хотя не снимает вопрос о содержательном обосновании данной территориальной составляющей общероссийского пространства как в аспектах образования, функционирования, так и взаимодействия с другими подобными образованиями и центром⁹⁶.

Нормативное оформление региональной структуры социального пространства России обозначено ее Конституцией, определяющей статус субъектов Федерации, федеральными законами и другими правовыми актами. На ментальном уровне границы территориального пространства выражены в феномене региональной идентичности – ощущения своей эмоциональной связи с теми, кто живет в регионе, общности исторического развития⁹⁷.

⁹⁴ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 160.

⁹⁵ Лексин В.Н., Андреева Е.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и методология ее изучения. М.: Прогресс; Эко, 1993.

⁹⁶ Маркин В.В. Диалог с регионами: опыт анализа // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 128–133.

⁹⁷ Голенкова З.Т., Заболотная Г.М. Политическое пространство Тюменского региона: особенности современного развития // Безопасность Евразии. 2004. № 3. С. 138–163.

Нельзя не отметить, что Россия в современных условиях характеризуется высокой степенью межрегиональных социально-экономических диспропорций, что проявляется в существенных различиях в темпах экономического роста и технологического развития и в уровне и качестве жизни населения⁹⁸. Сравнительный анализ валового регионального продукта (ВРП) на душу населения между наиболее и наименее производительными регионами показывает разницу в 25 раз⁹⁹. Региональное неравенство фактически стало причиной того, что жизненные перспективы людей сегодня во многом определяются местом их проживания и теми возможностями, которые существуют на данной территории для развития человека.

Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны необходима реализация комплекса мер, направленных на снижение внутрирегиональных социально-экономических различий¹⁰⁰.

В таких условиях требуется реализация политики, нацеленной на выявление и активизацию различных источников экономического роста регионов. В связи с чем возникает необходимость научного поиска драйверов регионального развития. По мнению Н.И. Лапина, необходимо внедрять стратегию саморазвития регионов – стратегию их интегрированной модернизации, которая реализуется с помощью региональных инновационных систем, организующих и стимулирующих саморазвитие регионов¹⁰¹. Как справедливо констатирует ведущий российский социолог М.К. Горшков, любая социально-историческая реальность складывается, утверждается, развивается как результат взаимодействия экономического и неэкономического, при этом последнее представляет собой мощный человеческий фактор «обратного влияния» на функционирова-

⁹⁸ Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63; Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18; Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>

⁹⁹ Новая география регионального развития. Оценка экономического потенциала российских регионов и возможностей его эффективного использования. Вашингтон (округ Колумбия). М., 2018. С. 5.

¹⁰⁰ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения 15.07.2019).

¹⁰¹ Лапин Н.И. Этапы трансформации и модернизации России на рубеже XX–XXI столетий // Философские науки. 2017. № 7. С. 27–32.

ние общественной экономики¹⁰². Концептуальной идеей нашего исследования выступает положение о том, что гражданское участие – это важнейший нематериальный фактор саморазвития регионов в России.

В рамках парадигмы социального пространства (П. Бурдьё, Г. Зиммель, П. Сорокин) и социопространственного подхода (М.К. Горшков, В.В. Маркин, А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновский) региональное социальное пространство – это не просто «территория», вид географического пространства, где осуществляется жизнедеятельность человека. Под этим термином следует понимать территориальное образование, в котором на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющихся природно-климатических, исторических, общественно-политических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют институциональные акторы¹⁰³. В социологическом дискурсе региональное социальное пространство представляет собой обособленную по определенным критериям часть общего социального пространства, служащую своеобразным трансформатором социально-территориального регулирования в цепи от глобального и общенационального (государственного) к региональному с обратной связью в обоих направлениях¹⁰⁴.

Для изучения гражданского участия в контексте социологии пространственно-локализованной среды (в том числе на уровне регионального социального пространства), на наш взгляд, информативной выступает дефиниция «территориальное сообщество».

А.А. Дрегалю и В.И. Ульяновский при изучении социокультурной динамики социального пространства Севера обосновывают, что парадигма социума территориальных сред открывает возможности: (1) определять воздействующие на самоорганизацию территориального социума средовые факторы; (2) находить вектор сбалансированности элементов – человека, природы, общества в локальной среде; (3) определять роли субъектов самоорганизации социума и управления государственных/муниципальных структур; (4) выходить за административные пределы, в рамках которых находится социум локальной среды¹⁰⁵.

¹⁰² Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3–14.

¹⁰³ Атлас российской модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

¹⁰⁴ Маркин В.В. Диалог с регионами: опыт анализа // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 128–133.

¹⁰⁵ Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социокультурная динамика социального пространства Севера / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с. С. 36.

В исследовательской практике сложилось два основных подхода к пониманию «территориального сообщества»/«community». Один, более ранний, сформировался в традиции структурного подхода, который имеет в своей основе три момента к анализу сообществ: географическую территорию, взаимосвязанные экономические институты и собственные органы управления. Территориальные сообщества, согласно этому подходу, выступают составными частями районов, регионов, областей, государств.

В рамках другого, функционального подхода, территориальное сообщество рассматривается как социальная группировка, в которой определяющим фактором является природа человека. В обозначенном русле рассуждает немецкий социолог Ф. Тённис, развивая мысль о соотношении сообщества – общества, которую обозначил в своей известной формуле перехода от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, то есть от сообщества (тесные эмоциональные социальные контакты) к обществу (публичные общественные отношения)¹⁰⁶.

Проблематика социального пространства и территориального / городского сообщества как взаимосвязи всех сторон жизни жизнедеятельности человека получила развитие в рамках чикагской школы социологии. Э. Берджесс разработал методику «концентрических зон», с помощью которой он выявляет социальную неоднородность пространства города и описывает четыре концентрические зоны социального пространства города и его социальной структуры. Другой представитель чикагской школы Р. Парк, определяя «город как социальный организм», обосновывает «естественность» (объективность, эволюционность) происхождения и развития городского сообщества¹⁰⁷.

Несмотря на свою актуальность в современный период, концепция территориального сообщества зачастую вносит неопределенность, поскольку это понятие может относиться как к месту, так и к людям, соответственно, одновременно выступать актором социального действия и объектом социального управления. В зарубежном исследовательском поле существуют разнообразные трактовки территориального сообщества. Под сообществом («community») обычно понимается как местность, так и реальные социальные группы с особым качеством взаимоотношений, которое «ощущается более непосредственным, чем общество», включает в себя различные виды действия местных организаций и инициатив¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Тённис Ф. *Общность и общество* // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 333–357.

¹⁰⁷ Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. (1925). *The City*. Chicago.

¹⁰⁸ Williams R. (1988). *Keywords*. London: Fontana, 270 p.

Встречается подход, в рамках которого сообщество выступает как сеть личных отношений, групповых связей, традиций и моделей поведения, развивающихся на фоне физического района и его социально-экономического положения. В таком понимании участие сообщества направлено на то, чтобы обогатить эту сеть и укрепить ее нити, развить уверенность в себе и навыки, для того чтобы сообщество (люди) могло начать вносить значительные улучшения в место своего обитания¹⁰⁹.

Достаточно полной представляется трактовка Ф. Кливером понятия местного или «территориального сообщества» как социальных общностей различных форм организованности и формализации, характеризующихся солидарными отношениями, а также социальной и территориальной локализацией и идентификацией¹¹⁰.

Проблематика территориального сообщества рассматривается и в российском научном дискурсе. Нам импонирует методологическая позиция В.В. Маркина, предлагающего понимание сообщества в российских регионах как исторически сложившейся и непрерывно возобновляющейся общности людей, совместно осваивающих и использующих в хозяйственном, социально-бытовом и социокультурном отношениях определенную территорию¹¹¹.

И.Н. Трофимова выделяет ключевые особенности территориальных сообществ: во-первых, сообщество связывает людей, проживающих в рамках определенного географического пространства; во-вторых, сообщество характеризуется определенным качеством отношений между людьми – членами сообщества, объединенными общей культурой и общими ценностями; в-третьих, сообщество предполагает определенный уровень устойчивого социального взаимодействия, выражаемого в отношениях взаимной поддержки, взаимопомощи, взаимопонимания, взаимного доверия, являющихся неременным условием способности к объединению с целью влияния на различные аспекты местного социального порядка¹¹².

¹⁰⁹ Flecknoe C., McLellan N. (1994). The What, How and Why of Neighbourhood Community Development. London: Community Matters. 180 p.

¹¹⁰ Cleaver F. (2001). Institutions, agency and the limitations of participatory approaches to development. Participation: the new tyranny? London: Zed Books. Pp. 36–55.

¹¹¹ Маркин В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 12–13 октября 2017 г.) / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 82–87.

¹¹² Трофимова И.Н. Территориальные сообщества в условиях постсовременности: новые подходы к исследованию // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 2-х т. (г. Иркутск, 15 января 2014 года). Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2015. С. 187–191.

Обобщая, выявленные особенности, автор определяет территориальные сообщества как совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории и осуществляющих совместную деятельность для удовлетворения своих экономических, политических, культурных, социальных и иных потребностей.

М.К. Добрякова в исследованиях, посвященных территориальному сообществу, сочетая различные методологические традиции, понимает под территориальным сообществом: с внешней стороны – любой сознательно организованный агрегат, облеченный политической автономией, поддерживающий существование основных социальных институтов; со стороны внутреннего содержания – процесс социального взаимодействия, порождающего интенсивные или экстенсивные отношения и практики взаимозависимости, кооперации, сотрудничества и объединения¹¹³.

Обращаясь к проблеме территориальных сообществ, И.А. Халий приходит к значимому для нашего исследования выводу, что базовым признаком таких сообществ является не только территориальная замкнутость и общее место проживания. В первую очередь это наличие различных типов и форм взаимодействия, которые обуславливают не столько определенный и устойчивый образ жизни, сколько его изменения. Подобные взаимодействия обязательно должны иметь формы, как разделяющие людей, так и консолидирующие их. Ключевой идеей автора выступает тезис о том, что в современном российском обществе возникает консолидация в виде самоорганизации населения для решения проблем, связанных с местом проживания, что позволяет говорить о процессе преобразования, пусть медленного и неоднозначного, местного населения в некую общность или общности¹¹⁴. Таким образом, И.А. Халий заостряет внимание на важнейших аспектах, характеризующих территориальное сообщество: во-первых, это взаимодействие, направленное на изменение, преобразование социального пространства, во-вторых, в основе такого взаимодействия лежит гражданская низовая самоорганизация.

Тематика территориального сообщества как субъекта гражданского участия приобретает особое значение в западной научной литературе со второй половины XX столетия. Предметом интереса зарубежных исследователей становятся вопросы влияния гражданского общества в целом

¹¹³ Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 125–133.

¹¹⁴ Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью / отв. ред. И.А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006. 312 с.

и практик гражданского участия в частности на развитие местных сообществ, социокультурную среду их обитания и наоборот¹¹⁵. Актуальность исследования участия в обозначенном контексте сформировалась благодаря вниманию к проектам развития сообществ, необходимости поиска методов состояния и оценки их эффективности¹¹⁶.

Концепция участия сообщества становится особо популярной в общественно-политическом дискурсе в 90-х гг. XX века. В 1992 году ООН была принята «Повестка дня на XXI века» / «Local Agenda 21» – программа действий для устойчивого развития стран, в которой центральное место отводится роли активного участия территориального сообщества¹¹⁷.

В последние годы в исследовательской практике проблематика оценки гражданского участия на региональном уровне становится особенно востребованной. Как справедливо отмечает Я. Хонг, местные жители – самая важная и способная группа, которая может активно участвовать в процессах по улучшению повседневной среды и созданию условий, пригодных для жизни сообществ¹¹⁸.

Следует подчеркнуть, что во многих совместных инициативах деятельность выходит за рамки сообщества, ограниченного географическими границами регионов, развиваются сообщества по интересам. Тем не менее именно сообщество с точки зрения людей, живущих и работающих в определенном месте, выступает самой важной группой, которая будет участвовать в деятельности, сосредоточенной на развитии конкретной территории.

Изучение различных подходов позволило выработать авторское определение территориального сообщества *как целостной, устойчивой совокупности людей, объединенных социальными связями и взаимодействиями, возникающими по поводу преобразований условий жизнедеятельности на территории проживания.*

¹¹⁵ Etzioni A. (1968). The active society. New York: Free Press.

¹¹⁶ Alesina A., la Ferrara E. (2000). Participation in heterogeneous communities // The Quarterly Journal of Economics. № 3. Pp. 847–904; Davis J. (1998). Participatory research for development projects: a comparison of the community meeting and household survey techniques // Economic Development and Cultural Change. № 47 (1). Pp. 73–94.

¹¹⁷ Повестка дня на XXI век принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (г. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 15.05. 2021 г.).

¹¹⁸ Hong Y. (2018). Resident participation in urban renewal: Focused on Sewoon Renewal Promotion Project and Kwun Tong Town Centre Project // Frontiers of Architectural Research. № 7. Pp. 197–210.

На наш взгляд, основными характерными чертами территориального сообщества являются: территориальная локализация социума (к примеру, в границах региона или муниципального образования); социально-экономическая и политическая целостность общности; наличие общих интересов, связанных с развитием территории проживания; территориальная самоидентификация.

На рисунке 2 представлено авторское понимание соотношения категорий «региональное социальное пространство» и «территориальное сообщество» как объекта и субъекта гражданского участия.

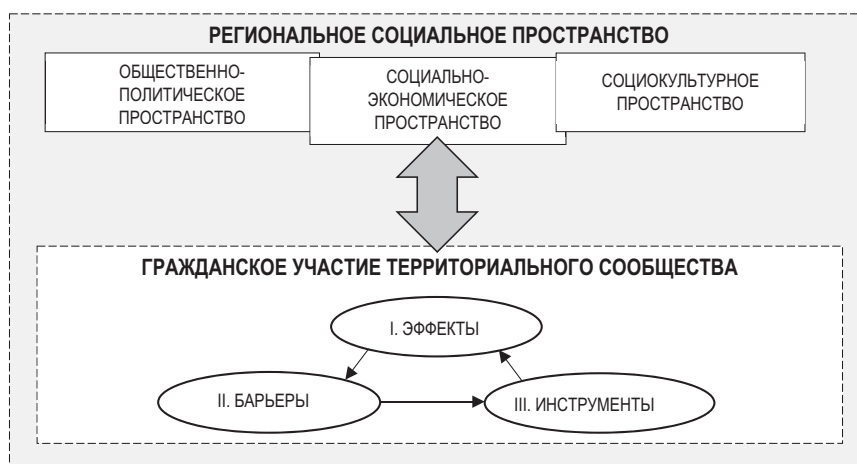

Рисунок 2. **Схема соотношения категорий регионального социального пространства и территориального сообщества как объекта и субъекта гражданского участия**

Источник: составлено автором.

Опираясь в нашем исследовании на деятельностно-активистскую парадигму, интегрирующую теоретические идеи зарубежных и российских исследователей (П. Бергер и Т. Лукман, П. Бурдье, А. Турэн, В.А. Ядов, Т.И. Заславская, И.А. Халий), полагаем, что, во-первых, вовлекаясь в различные формы взаимодействия через гражданское участие, население региона приобретает черты устойчивого сообщества; во-вторых, посредством гражданского участия территориальное сообщество становится важнейшим субъектом в конструировании регионального социального пространства (и его полей – социально-экономического, общественно-политического, социокультурного); в-третьих, социальное пространство выступает не только объектом преобразований, но и средой участия, создавая условия, способствующие развитию или блокирующие его, что необходимо учитывать при получении нового знания о способах стимулирования гражданского участия в регионах с помощью различных инструментов.

В целом проведенный нами анализ демонстрирует эвристический потенциал категорий регионального социального пространства как среды для формирования и реализации гражданского участия и объекта преобразований и территориального сообщества как субъекта этих преобразований и изменений.

1.3. Методологический конструкт исследования гражданского участия территориального сообщества

При изучении гражданского участия территориального сообщества важнейшей задачей выступает не только его теоретическое осмысление, но и определение эмпирического контекста, проработка практических методов измерения этого феномена. Следует подчеркнуть, что если в теоретической социологии комплексное исследование феномена гражданского участия территориального сообщества является новым направлением, то в эмпирической социологии, как западной, так и отечественной, накоплен серьезный опыт.

Анализ научной литературы показал, что с целью измерения отдельных аспектов гражданского участия авторы используют разнообразный методологический инструментарий эмпирического исследования. Большая часть работ базируется на количественных методах: статистическом, индексном, дескриптивном анализе данных, полученных посредством массовых опросов населения¹¹⁹, в том числе онлайн-опросов целевых групп¹²⁰. Количественные исследования (получившие развитие в рамках позитивистской парадигмы) исторически были краеугольным камнем исследований в области социальных наук. В контексте этой стратегии основной принцип исследователей – «устранить свои предубеждения,

¹¹⁹ Chado J., Johar F.B. (2016). Public Participation Efficiency in Traditional Cities of Developing Countries: A Perspective of Urban Development in Bida, Nigeria *Procedia // Social and Behavioral Sciences*. V. 219 (31): 185–192.; Feng Z., Cramm J.M., Jin C., Twisk J., Nieboer A.P. (2020). The longitudinal relationship between income and social participation among Chinese older people. *SSM – Population Health*; Галицкая Е.Г., Иванова И.И., Петренко Е.С. Измерение ценностных ориентаций гражданского мировоззрения: индекс гражданского климата // *Социологические исследования*. 2014. № 2. С. 116–121.; Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 2. С. 145–159.; Аносов С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2018. № 23. С. 47–54.

¹²⁰ Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Cruz-Jesus F., Martins J., Xavier N. (2019). Examining social capital and individual motivators to explain the adoption of online citizen participation // *Future Generation Computer Systems*, 92: 302–311.

оставаться эмоционально отстраненными и не связанными с объектами исследования и проверки или эмпирически обосновать свои выдвинутые гипотезы»¹²¹.

Как количественный метод социологического анализа гражданского участия, опросы общественного мнения, позволяющие определить широкий спектр его проявлений в социальном пространстве, неизбежно затрагивают помимо мнений и настроений людей, их знания и убеждения, смысловые ориентации и установки, ценностные предпочтения, волевые побуждения, готовность следовать тем или иным социальным практикам и многое другое. Таким образом, в изучении конкретных мнений субъектов о тех или иных фактах, событиях, явлениях и процессах действительности определяется и оценочно-ценностное отношение (его устойчивость, глубина, распространённость), которое они проявляют к объекту мнения разной для них важности, ценности, перспективной значимости¹²².

По критичному заявлению О.Н. Яницкого, для изучения гражданских инициатив и социальных движений недостаточно использования метода массовых опросов общественного мнения, т.к. он не позволяет анализировать многие актуальные вопросы: к примеру, лидерство, динамику социального активизма населения, изменения ценностных предпочтений активистов¹²³.

В связи с этим качественные исследования, на наш взгляд, дают возможность отразить нюансы в анализе гражданского участия, которые не могут быть отражены в количественном подходе. Б. Джонсон и А. Онвюгбузи утверждают, что в контексте качественной методической стратегии, которая возникла на базе конструктивистской или интерпретативистской парадигмы, реальность рассматривается как субъективная и социально конструируемая. Логика подобных исследований перетекает от частного к общему, а субъект и объект исследования не могут быть разделены, потому что субъективный знающий – единственный источник реальности¹²⁴.

¹²¹ Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J. (2004). Mixed-methods research: a research paradigm whose time has come // Educational Researcher. № 33 (7). Pp. 14–26.

¹²² Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 232–242.

¹²³ Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 53–60.

¹²⁴ Johnson R.B., Onwuegbuzie A.J. (2004). Mixed-methods research: a research paradigm whose time has come // Educational Researcher. № 33(7). Pp. 14–26.

Как выявлено, для исследования уровня, факторов, потенциала вовлеченности населения в решение социально значимых проблем зарубежные авторы зачастую используют такие методы, как интервью (в частности, с председателями¹²⁵, с рядовыми членами добровольных ассоциаций¹²⁶; контент-анализ нормативных актов муниципалитетов, регламентирующих эту сферу¹²⁷; фокус-группы среди гражданских активистов¹²⁸. В российском дискурсе по изучению гражданского участия также присутствуют качественные исследования, хотя несколько реже, чем у зарубежных коллег¹²⁹. В частности, А.В. Соколов методом опроса экспертов из различных субъектов Российской Федерации (ежегодная выборка составила не менее 14 субъектов Федерации и не менее 155 экспертов) выявил динамику активности коллективных действий в России, особенности их организации, тенденции кооперации, интенсивность протестных действий¹³⁰.

Вместе с тем с учетом сложности, неоднозначности, динамичности изучаемого феномена и для большей глубины анализа приветствуется применение комплексного подхода с помощью смешанной методики. Стратегия смешивания методов («mixed methods research») – направление, при котором исследователь собирает и анализирует как качественные, так и количественные данные, основываясь на исследовательском вопросе; смешивает их параллельно или последовательно, придавая при этом большую значимость одному из них или же обоим; использует эти

¹²⁵ Akermi R., Triki A. (2017). The green energy transition and civil society in Tunisia: Actions, motivations and barriers // *Energy Procedia*, 136: 79–84.

¹²⁶ Kumar N., Raghunathan K., Arrieta A., Jilani A., Agnes R. (2019). Quisumbing Social networks, mobility, and political participation: The potential for women's self-help groups to improve access and use of public entitlement schemes in India // *World Development*, 114: 28–41.

¹²⁷ Stelzle B., Rainer J., Noennig A. (2017). Database for Participation Methods in Urban Development. *Procedia Computer Science*, 112: 2416–2425.

¹²⁸ Pimoljinda T., Siriprasertchok R. (2017). Failure of public participation for sustainable development: A case study of a NGO's development projects in Chonburi province Kasetsart // *Journal of Social Sciences*, 38(3): 331–336.

¹²⁹ Скалабан И.А., Спенсер С.Б. Стратегии общественного участия лидеров формальных и неформальных объединений // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2012. № 1 (17). С. 158–170; Шаталова А.Н., Тыканова Е.В. Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. № 21 (4): 63–84; Соколов А.В., Фролов А.А. Условия гражданской активности в Ярославской области: специфика муниципального уровня // *PolitBook*. 2018. № 4. С. 85–102.

¹³⁰ Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. № 6 (1). С. 30–45.

процедуры в одном исследовании или на множественных фазах исследовательской программы; рассматривает эти процедуры в рамках выбранного теоретического подхода¹³¹. Как поясняет С. Террелл, концепция парадигмального релятивизма предполагает возможность использования любого методологического подхода, который работает в отношении конкретной исследуемой проблемы. Не существует серьезной проблемной области, которую следовало бы изучать исключительно с помощью одного типа методов исследования¹³².

Исследователи выделяют различные стратегии смешивания методов. В работе Д. Моргана описываются три варианта интеграции количественных и качественных методов. Первый вариант – «пересекающихся» («convergent») данных – позволяет сравнивать результаты различных методов, отвечающих на один вопрос. Как правило, качественная и количественная части реализуются одновременно, независимо друг от друга. В то же время данные имеют разный формат, выборка строится совершенно по разным принципам, что затрудняет сравнение. Второй вариант – «дополнительного покрытия» («additional coverage») – также предполагает параллельное исследование, достижение различными методами разных исследовательских задач с целью расширения содержательного контента. Третий вариант – «последовательных вкладов» («sequential contributions») – подразумевает два этапа исследований, что дает возможность выстраивать цепочку преемственности между данными: результаты одного метода послужат данными для входа к следующему методу. С точки зрения Д. Моргана это наиболее продуктивный подход к интеграции результатов качественных и количественных исследований, хотя он предполагает бóльшие временные, финансовые или кадровые затраты¹³³.

За последние 30 лет стратегии смешивания методов (mixed methods research) приобрели устойчивую институциональную форму методологического направления в социальных науках. Обозначены познавательные потребности и ограничения совместного применения качественного и количественного методов, типичные стратегии и модели

¹³¹ Creswell J. (2011). Controversies in mixed methods research // The Sage handbook of qualitative research/ Ed. By N. Denzin. Thousand Oaks, Calif.: Sage. P. 271.

¹³² Tashakkori A., Teddlie C. (2008). Introduction to Mixed Method and Mixed Model Studies in the Social and Behavioral Science // The Mixed Methods Reader. Pp. 7–26.

¹³³ Morgan D. (2014). Integrating Qualitative and Quantitative Methods: a Pragmatic Approach. SAGE Publications. Pp. 14–23.

дизайнов, в которых они реализуются¹³⁴. Вместе с тем, судя по критическому замечанию Г.Г. Татаровой, А.В. Кученковой, в российских реалиях практики такого рода встречаются крайне редко, и остается лишь надеяться, что введение в научный оборот отечественных исследователей привлекательной метафоры «микс-стратегия» для обозначения «старых» проблем приведет к увеличению числа соответствующих материалов¹³⁵.

Стратегия смешивания количественных и качественных методов при изучении российского гражданского общества и участия актуализируется в научном дискурсе. Специалистами ФНИСЦ РАН, Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, Фонда «Общественное мнение», Исследовательской группы «ЦИРКОН» и других структур накоплен богатейший материал по массовым опросам общественного мнения россиян, а также экспертным, глубинным, групповым интервью, который активно использовался в нашей работе для вторичного анализа.

В исследовании гражданского участия мы сделали попытку реализовать стратегию смешивания количественных и качественных методов. Используется последовательная модель смешивания методов: на первом этапе реализуется стратегия применения количественных методов – массовый опрос общественного мнения территориального сообщества, на втором – качественные методы: экспертные, глубинные и групповые интервью. В рамках данной модели последовательное использование методов не отменяет их взаимодействия и взаимовлияния. Так, полученные вначале количественные данные определяют стратегию применения качественных методов, поскольку последние призваны выполнять процедуры интерпретации количественных значений, нуждающихся в дополнительном описании (например, использование последующих интервью для лучшего понимания процентных распределений, построенных на данных анкетирования).

Массовый опрос населения позволил нам получить обширную эмпирическую информацию для оценки уровня, факторов, потенциала ассоциированного и неформального гражданского участия территориального сообщества в исследуемых регионах. Обобщенные в ходе полевого

¹³⁴ Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О.Б. Савинская, А.Г. Истомина, Т.Ю. Ларкина, К.Д. Круглова // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.

¹³⁵ Татарова Г. Г., Кученкова А. В. «Методная» проблематика на страницах журнала «Социологические исследования» (2000–2018) // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 47–56.

исследования массовые социологические данные легли в основу анализа ценностных предпосылок и реальных практик участия регионального сообщества в решении социально значимых задач. Собранный в результате анкетирования материал стал необходимым условием для построения эмпирической модели гражданского участия, его типологизации, анализа структурных компонентов, выявления барьеров развития, разработки научно обоснованного механизма его стимулирования на региональном уровне (в пяти субъектах СЗФО). Принципиально важно то, что опрос проходил среди всего населения региона по репрезентативной выборке, а не только среди общественных активистов, участников каких-либо волонтерских движений, НКО и т.д. Однако для всесторонней, комплексной оценки уровня и потенциала гражданского участия, а также определения барьеров его реализации необходимы экспертный взгляд на проблему, понимание позиции самих общественных активистов, что требует использования совокупности количественных и качественных методов. В этих целях нами было организовано качественное полевое исследование с помощью следующих методов сбора информации:

- глубинное личное интервью, организованное по специально разработанному гайдю, с субъектами институционального (в рамках деятельности НКО) и формального (ситуативного) гражданского участия;
- дискуссионные фокус-группы с общественными городскими активистами, а также жителями малых и крупных городов, эпизодически участвующими в решении общегородских проблем;
- интервью с экспертами (представителями органов власти, бизнеса, «третьего сектора», СМИ, науки).

Проведение полевого исследования на втором этапе применения модели смешивания методов позволило расширить эмпирическую базу, сформированную на первом этапе работ (материалы массового опроса территориального сообщества), качественными данными (результаты глубинного, экспертного и фокусированного интервью) с целью комплексной оценки уровня, потенциала и барьеров гражданского участия на региональном уровне. В результате был скорректирован авторский социологический инструментарий, разработана методика проведения качественного исследования (глубинные и экспертные интервью, фокус-группы), осуществлены социологические полевые работы на территории исследуемых регионов. Обобщенные в ходе полевого исследования качественные данные легли в основу изучения внешней и внутренней среды гражданского участия в

региональном социальном пространстве, выполнения оценки эффектов участия на различные сферы, а также разработки комплексной методики измерения и типологизации барьеров гражданского участия на местах. Нами сформирована база данных качественных исследований: проведено транскрибирование 47 аудиофайлов, кодирование данных. Данные индивидуальных и группового интервью подвергались открытому, осевому и выборочному кодированию. Использовался метод поступательной аппроксимации, предполагающий циклическое возвращение к транскриптам по мере уточнения исследовательских задач.

На основе данных социологического опроса разработана индексная методика измерения участия и его потенциала, оценки социокультурной среды участия, что позволило сравнить сходные друг с другом объекты (и их репрезентанты – индикаторы, выбранные для сравнения) в разных регионах в один и тот же временной период. Социологические индексы, с одной стороны, это способ агрегирования, сжатия информации, представления её в форме, удобной для описания, интерпретации, сравнения; с другой стороны, это способ перехода от теоретического к эмпирическому уровню исследования, способ конструирования эмпирического индикатора некоторого теоретического понятия¹³⁶.

Разработанный нами интегральный индекс участия не претендует на универсальность, но тем не менее может применяться для комплексного изучения рассматриваемого социального феномена на уровне других регионов и страны в целом. Кроме того, возможно проведение социологических наблюдений в мониторинговом режиме, что позволит региональным и муниципальным органам власти, а также представителям общественных организаций (НКО) иметь аналитическую информацию, необходимую для принятия качественных управленческих решений в области повышения результативности гражданского участия на местах. В конечном итоге реализация разработанной методической стратегии нацелена на осуществление социологической диагностики гражданского участия в России как способа обобщения эмпирического исследования, выполненного в регионах.

Согласимся с академиком М.К. Горшковым, отметившим, что при всем многообразии разновидностей выхода итоговой «социологической продукции» среди них не хватает социально-диагностических оценок и

¹³⁶ Дементьева И.Н., Шаклеина М.В. Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 153–173.

суждений (социального диагноза). Ученый приводит три ключевых аргумента актуальности социальной диагностики: во-первых, исходя из общей трактовки «диагностики» как процесса распознавания и оценки свойств, особенностей объекта, заключающегося в целенаправленном исследовании полученных результатов и их обобщении в виде диагноза. Во-вторых, – из свидетельства все более активного взаимодействия различных отраслей знаний, развития междисциплинарности. В-третьих, – из появления фундаментальных работ, в которых обстоятельно раскрываются природа, характерные черты и особенности российского общества в различных аспектах его изучения¹³⁷. Вместе с тем следует констатировать, что относительно гражданского участия попытки организовать социальную диагностику не осуществлялись, что актуализирует развитие обозначенного направления.

Еще одним важнейшим принципом методологической и методической стратегии нашей работы выступает внедрение элементов партисипаторного исследования. Партисипаторные исследования как феномен гражданского общества актуализируются с его развитием и являются показателем степени сформированности партисипативной культуры населения, достаточно активно реализующимся за рубежом, в России они находятся на стадии становления¹³⁸. Основное отличие подобного подхода заключается в том, что одновременно предполагается получение научных результатов и оказание позитивного влияния на общество¹³⁹.

В рамках концепции публичной социологии исследователи поясняют, что в ответ на растущий разрыв между социологическим этосом и миром, который изучается, задача социологии ориентирована на выход за пределы академических ограничений в сферу публичного пространства и активного взаимодействия с обществом¹⁴⁰. При этом подчеркивается особая важность инвестиций социологии именно в сфере гражданского общества и участия. В частности, в рамках парадигмы новых общественных движений А. Турэнном были разработаны акционистские методы («action research») и метод социологической интервенции («intervention

¹³⁷ Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с. С. 15–16.

¹³⁸ Шуклина Е.А. Партисипаторные исследования: методология, методика, опыт применения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 18–34.

¹³⁹ Musch A., Streit A. (2020). (Un)intended effects of participation in sustainability science: A criteria-guided comparative case study // Environmental Science & Policy. № 104. Pp. 55–66.

¹⁴⁰ Burawoy M. (2005) For Public Sociology // American Sociological Review. № 1 (70). Pp. 4–28.

sociologique») – методы «наблюдающего участия», при которых исследователь должен выступать в качестве аналитика и участника социальных действий¹⁴¹. Подобные методы получают активное распространение не только на Западе, но и в России, особенно после 1985 г., когда социологи, изучая демократические движения, одновременно участвовали в разработке их программ, помогали им осознать свою роль в общественно-политическом процессе. По замечанию А. Мелуччи, «социология практически не разработала методов исследования систем социального действия за исключением метода участвующего наблюдения¹⁴². В кабинетах нельзя изучить процесс мобилизации, причины вовлечения людей в коллективные действия. Определенная степень вовлеченности в коллективные действия является необходимым условием изучения движений¹⁴³. Полагая, что это положение справедливо и для изучения гражданского участия как комплексного понятия, объединяющего различные социальные действия/взаимодействия, направленные на достижение общественного блага.

Элементы партисипаторного подхода в анализе общественно полезной деятельности присутствуют в современном российском научном дискурсе. В этом плане особый интерес представляют исследования И.А. Скалабан, которая при выявлении специфики общественного участия местного сообщества в трех районных центрах Новосибирской области использует метод совместного картирования – метод группового интервью с процедурой построения эскизной или масштабной карты, направленный на сбор социально-пространственных данных о сообществе и территории с целью диагностики ситуации и вовлечения участников в проекты развития территории. Методика партисипаторного подхода в этом случае состоит в том, что местное сообщество как участник исследовательского процесса, занимая позицию экспертов, рассказывая не информированным, а любопытствующим модераторам о поселении, выслушивая мнения друг друга о жизни поселения в психологически безопасной среде, проявляют готовность брать на себя ответственность за

¹⁴¹ Touraine A. (1985) *The voice and the eye*. L., 1981; Touraine A. *An introduction to the study of social movements* // *Soc.Research*. Vol. 52, N. 4. Touraine A. *Commentary on Dieter Rucht's critique* // *Research on social movements* // *Research on social movements* / Ed. by D. Rucht. Frankfurt am Main, 1991.

¹⁴² Melucci A. (1989). *Nomads of the present*. N.Y., 235 p.

¹⁴³ Melucci A. (1988). *Getting involved: identity and mobilization in social movements* // *Intern. Social Movement Research*. Vol.1. *From structure to action* / Ed. by B. Klandermans et al.

происходящее¹⁴⁴. Таким образом, участие в картировании, оставаясь исследовательским методом, становится одним из видов общественного участия.

Методическая стратегия партисипаторного исследования в нашей работе использовалась на этапе научного обоснования и разработки механизмов преодоления барьеров гражданского участия в региональном социальном пространстве. При осмыслении одного из важнейших механизмов – развития гражданской грамотности среди подрастающего поколения – к исследовательскому процессу нами были подключены соисследователи (представители территориального сообщества), обладающие знаниями и навыками об особенностях гражданского участия в регионе, заинтересованные в социальных преобразованиях и готовые к их осуществлению в месте своего проживания.

В этих целях мы инициировали и организовали совместно с лидерами гражданских инициатив и некоммерческих организаций разработку и реализацию проекта «Гражданская грамотность: просто о сложном». Затем эта работа, согласно классификации А. Корнуолла и Р. Джьюкса, перешла на стадию коллегиального формата, когда исследователь и территориальные сообщества работают совместно как коллеги, обладающие разными навыками, при этом последние также имеют возможность контролировать процесс исследования¹⁴⁵.

Партисипаторные исследования охватывают множество подходов, объединяя традиционные количественные и качественные методические стратегии. В то же время, как утверждают исследователи, ключевой элемент партисипаторного исследования состоит не в методах, а в отношении соисследователей (представителей территориального сообщества), которые, в свою очередь, вместе с исследователем определяют, как, кем и для кого концептуализируется исследование, причем больший акцент здесь делается на «исследовании совместно с кем-либо», чем на «изучении кого-то» или «для кого-то»¹⁴⁶.

В ходе разработки и реализации социального проекта по гражданской грамотности чередовались исследовательские действия и критическая рефлексия с целью поиска наиболее удачного сочетания методов,

¹⁴⁴ Скалабан И.А. Общественное участие как социальный проект: дисс. ... д.с.н. Новосибирск: НГТУ, 2017. 382 с. С. 253–254.

¹⁴⁵ Cornwall A., Jewkes R. (1995). What is participatory research? // Social Science and Medicine. № 41 (12). Pp. 1667–1676.

¹⁴⁶ Mergler D. (1987). Worker participation in occupational health research: theory and practice, *Int. J. Ind. Hyg.* № 17 (15).

адекватных заявленной исследовательской проблеме. В результате использовались такие «мягкие» методы, как «наблюдающее участие» (согласно концепции А. Турэна), неформализованное интервью, видеобиографии региональных НКО, фотоистории гражданского участия на местах. Полученные в результате исследовательской работы данные совместно комментировались, интерпретировались соисследователями, при этом рефлексия по поводу выявленных проблем не только имела научный и обучающий эффект, но и становилась основой успешности социального проекта, способствовала формированию культуры участия у всех соисполнителей проекта, повышению их гражданской активности, ориентации на социальные изменения.

Подчеркнем, что, несмотря на сильные стороны партисипаторной методологии в диагностике научных и социальных проблем, следует остановиться и на ее ограничениях. Проблема отношений партисипаторных исследований с академической наукой вскрывает основные противоречия данного феномена: одни ученые соотносят подобные подходы с академической наукой и ее базовыми требованиями к получению научного знания; другие говорят об их дистанцировании и от академической науки, и от партисипативных стратегий корпоративного управления¹⁴⁷.

В то же время представляется, что применение элементов партисипаторного исследования в качестве метода сбора и анализа эмпирических данных в дополнение к традиционной социологической методологии обеспечивает широкий доступ к информации, соединяющей в себе представления наиболее активной части территориального сообщества о социальном пространстве как среде и объекте участия, о мотивации участвующих в общественно полезной деятельности, барьерах участия и механизмах их преодоления. Полагаем, что в предметном поле нашего исследования использование партисипаторного подхода как общественно значимого, открытого и гибкого научного процесса, в котором исследовательские цели и методические приемы находятся во взаимосвязи с гражданским участием, что обогащает обе стороны, соответствует авторской методологической и методической стратегии.

При разработке методологического конструкта гражданского участия в исследовании используется комплексный подход, учитывающий

¹⁴⁷ Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик / [М.В. Певная, Е.А. Шуклина, Т.Ю. Быстрова, М.С. Федорова и др.] ; под общ. ред. проф. М.В. Певной; Мин-во науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 244 с.

анализ вовлеченности населения в решение социально значимых задач как при взаимодействии с властью, так и в пространстве повседневности. Исходя из этого под гражданским участием мы понимаем процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач.

Отличительными чертами подобных взаимодействий, по нашему наблюдению, является то, что они:

- могут иметь как политический, так и неполитический (социальный) характер;
- осуществляются в институциональных (в рамках общественных организаций) и неформальных (ситуативных) формах;
- реализуются в индивидуальных и коллективных практиках;
- воплощают альтруистические устремления или потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми и т.п.

Таким образом, согласно предложенному подходу, гражданское участие рассматривается не просто как ресурс решения социально-экономических задач, но и как источник развития коллективных традиций, солидарности, социальной сплоченности в российском обществе.

Полагаем, что следует анализировать не только измеримое гражданское участие – действие (в общественно-политическом и социально-экономическом пространстве), но и учитывать установки к участию, мотивационные убеждения (социокультурное пространство), составляющие резерв для развития практик гражданского участия в будущем (рис. 3). Условно подобные установки мы определяем как потенциал участия. На основе анализа обширного перечня зарубежной и российской литературы для теоретической и эмпирической моделей участия были отобраны такие установки и убеждения, характеризующие его потенциал, как готовность к объединению, гражданская ответственность, осознание возможности влияния на состояние дел. Мы разделяем точку зрения Д. Белла, который считает, что, для того чтобы совместные инициативы стали эффективными, необходимо разделять ответственность за принятое решение, а также понимать способность влиять на вещи и вносить изменения, иначе люди вскоре потеряют интерес к процессу¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Bell D. (1995). *Approaches to Community Participation*. Leicester: Environ, 157 p.

Рисунок 3. **Схема теоретического осмысления гражданского участия территориального сообщества**

Источник: составлено автором.

Гражданское участие на местах в общественно-политическом и социально-экономическом пространстве представлено множеством разнообразных практик, которые в рамках авторского подхода группируются в репертуары участия (с двумя и более практиками), имеющие некоторые схожие характеристики: в отношении (1) их структуры; (2) основного вопроса, который они решают; (3) способов их мобилизации; (3) стиля участия¹⁴⁹. Установки к участию являются потенциалом (резервом) для политической и социальной самоорганизации в будущем.

При разработке и анализе теоретической модели участия необходимо учитывать его важнейшую особенность – динамичный характер. Современное гражданское участие стремительно осваивает новые про-

¹⁴⁹ Stolle D., Hooghe M. (2005). Review Article: Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies // British Journal of Political Science. № 35. Pp. 149–167.

странства, опираясь, в том числе, на интернет-коммуникативные технологии, сетевые форматы. Вследствие этого наряду с традиционными практиками возникают и получают активное развитие качественно новые, зачастую слабо формализованные практики участия, что приводит и к постоянному расширению репертуаров гражданского участия, и стиранию строгих границ между ними.

* * *

Выводы по главе 1. В результате анализа теоретико-методологических оснований гражданского участия в научном поле эпохи ранней, классической и современной социологии нами обозначены плюрализм, междисциплинарность и в то же время фрагментарность подходов к пониманию изучаемого феномена. С одной стороны, широта спектра привлекаемых к анализу теоретических подходов способствует выявлению разнообразных аспектов участия, с другой – затрудняет понимание данного явления как целостного. Представляется, что в российских реалиях в условиях поиска новых факторов позитивных общественных изменений актуальным является рассмотрение гражданского участия как нематериального ресурса общественного развития на основе синтеза подходов, касающихся исследуемого нами предмета.

В научной литературе проблема концептуализации гражданского участия и осмысления его границ по отношению к политическому и социальному пространству продолжает оставаться дискуссионной. При этом в последние десятилетия обозначилась тенденция расширения смысловых границ гражданского участия за счет появления новых структур, форм и практик. Систематизация теоретических подходов позволила сформулировать концепт гражданского участия как процесса, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), другими социально-политическими институтами/между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач. Сущностно-содержательными характеристиками подобных взаимодействий является то, что они могут иметь как политический, так и неполитический (социальный) характер; осуществляются в институциональных (в рамках общественных организаций) и неформальных (ситуативных) формах; реализуются в индивидуальных и коллективных практиках; воплощают альтруистические устремления или потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми и т. п.

На базе классических и современных социологических теорий обосновывается потенциал социально-пространственного дискурса для изучения гражданского участия. Преимуществом социопространственного подхода выступает возможность сосредоточиться на субъектности социально-территориальных групп (общностей и сообществ), что не отвергает объективные социально-экономические или политические закономерности. Методология гражданского участия в нашем исследовании предполагает его пространственную локализацию на уровне региона – территориального образования, в котором на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющихся общественно-политических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют социальные субъекты. Посредством гражданского участия как взаимодействия, направленного на преобразование окружающей действительности, территориальное сообщество выступает значимым субъектом конструирования регионального социального пространства, которое при этом становится не только объектом социальных изменений, но и средой участия, создавая условия, способствующие развитию или блокирующие его.

В построении методологического конструкта социологического исследования феномена гражданского участия определяющую роль играет интеграция различных исследовательских стратегий. С учетом сложности, динамичности феномена участия обосновывается применение таких методологических и методических подходов, как модель смешанной методики («mixed methods research») с использованием качественных и количественных данных, элементы партисипаторного исследования. Методологический конструкт предполагает изучение участия при вертикальном взаимодействии общественности с властью (общественно-политическое пространство), а также взаимодействии индивидов, групп, сообществ и т.д. между собой на горизонтальном уровне (социально-экономическое пространство). Гражданское участие на местах представлено множеством разнообразных практик, в рамках авторского подхода группирующихся в репертуары участия (с двумя и более практиками), имеющие схожие характеристики. Кроме того, учитывается потенциал участия, представленный установками участия и мотивационными убеждениями, что служит резервом для роста вовлеченности территориального сообщества в общественно полезную деятельность в будущем (социокультурное пространство).

ГЛАВА 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

2.1. Гражданское участие в политическом и социальном пространстве стран Запада и России

При изучении гражданского участия первостепенной задачей выступает выявление общемировых и страновых тенденций развития этого феномена. Опасения по поводу разрушения традиционных социальных связей и институтов, снижения включенности населения в общественно-политическую жизнь всегда были в центре внимания социальных наук. Еще в XIX в. классики социологии Э. Дюркгейм и М. Вебер задавались вопросом об уровне и возможностях социальной сплоченности и вовлеченности в условиях политической и экономической модернизации западных обществ.

В современном научном дискурсе, особенно на Западе, разворачивается дискуссия, сосредоточенная на вопросе: «Снижается ли в обществе уровень гражданского участия?». Острые споры по этой проблеме в академическом сообществе начались после выхода научных трудов Р. Патнэма, в которых заявлялось о тенденции снижения гражданского участия, вызванного социальной раздробленностью, политическим отчуждением и размыванием общественной жизни в западном обществе¹⁵⁰.

Вслед за Р. Патнэмом большая часть ученых отмечает подрыв «гражданской приверженности» из-за роста индивидуализации, проявляю-

¹⁵⁰ Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital // Journal of Democracy. № 6 (1). Pp. 65–78.

щейся в ценностях автономии, самореализации и личной свободы; установки «расчетливого гражданина»¹⁵¹. Эти аргументы натолкнулись на жесткую академическую оппозицию. Ряд авторов доказывает, что нет прямого контраста между традиционным альтруизмом и современным индивидуализмом в отношении влияния на готовность к участию в решении общественных дел, а индивидуалистические представления могут стимулировать также просоциальное поведение¹⁵².

Вызывает научный спор вопрос, о каких формах и практиках гражданского участия идет речь в контексте снижения его уровня. По мнению Д. Штолле и М. Хуге, тезис о спаде уровня участия относится к традиционным форматам: это явка избирателей, членство в партии и профсоюзах, в то время как убедительных доказательств тенденции к снижению неполитического участия не получено¹⁵³.

Еще один аргумент против общественного пессимизма заключается в тезисе о том, что снижение гражданского участия не обязательно имеет негативные последствия для социальной и политической стабильности, а массовое участие не выступает основой развития демократии в целом. В частности, политолог Р. Инглхарт доказывает, что уменьшение вовлеченности населения в работу политических партий или снижение избирательной явки не должно вызывать беспокойство о будущей жизнеспособности демократических систем, поскольку это отражает переход от массового, рутинного участия к более рефлексивным и контролирующим формам¹⁵⁴. Иными словами, в современном обществе массовость участия не является основополагающим критерием влияния гражданских инициатив на происходящие в странах политические процессы.

Критические заявления об уровне гражданского участия приводят к необходимости анализа и переосмысления имеющихся эмпирических данных. В настоящее время проводятся различные социологические исследования для сбора сопоставимых и надежных результатов продольных волн для ряда европейских стран. В частности, с 2001 г. осуществляется Европейское социальное исследование (ESS) – многолетний сравнитель-

¹⁵¹ Dekker P., Broek A. (1998). Civil Society in Comparative Perspective: Involvement in Voluntary Associations in North America and Western Europe // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. № 9 (1). Pp. 11–37.

¹⁵² Lipset S.M. (1996). *American Exceptionalism* – New York: WW Norton, 268 p.

¹⁵³ Stolle D., Hooghe M. (2005). Review Article: Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies // *British Journal of Political Science*. № 35. Pp. 149–167.

¹⁵⁴ Inglehart R. (1999). 'Postmodernization Erodes Respect for Authority, but Increases Support for Democracy', in Norris P., ed., *Critical Citizens*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 236–256.

ный проект, направленный на изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы (N = 1500–3000 интервью в каждой стране). С 2006 года в проекте ESS участвует Россия.

На основе информации двух волн ESS проанализирована динамика уровня вовлеченности населения 16 стран в практики участия в политическом пространстве. Анализ показал, что за период с 2006 по 2018 г. уровень политического участия в целом по странам сохраняется без существенных изменений. Несколько возросла общественная активность по подготовке петиций и различных обращений с целью влияния на политические решения (на 4 п.п.: с 21 до 25%). Рост подобной активности подтверждается и другими исследованиями. Еще в начале 2000-х гг. Л. Хастинкс и Ф. Ламмертин пришли к выводу, что граждане, особенно молодое поколение, предпочитают участвовать в неиерархической и неформальной сети, например в регулярном подписании электронных петиций, пересылке обращений, писем¹⁵⁵. Из полученных данных очевидно, что в наибольшей степени население участвует в таких традиционных политических практиках, как выборы (и в 2006-м, и в 2018 г. 70% респондентов ответили, что голосовали на последних выборах), при этом уровень вовлеченности в другие практики значительно отстает (рис. 4).

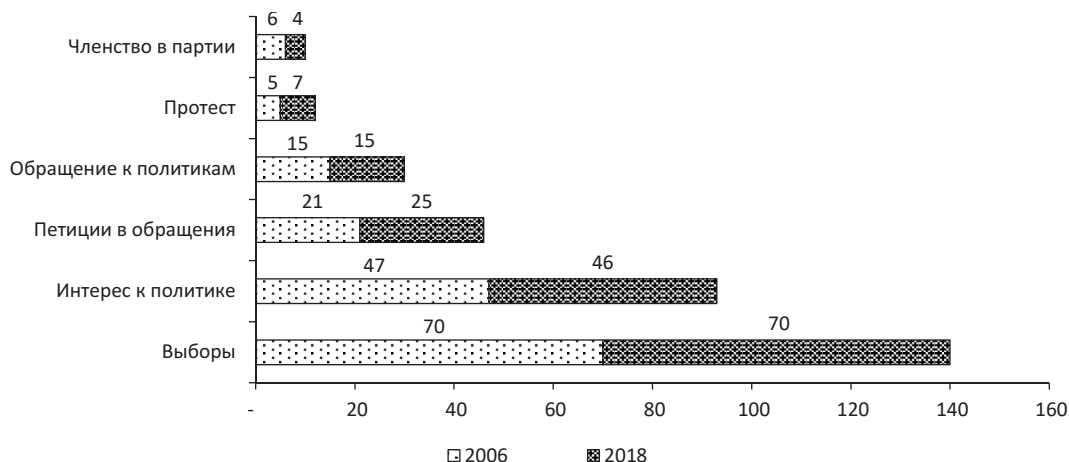

Рисунок 4. Динамика уровня гражданского участия в политическом пространстве (среднее значение по 16 странам за 2006 и 2018 гг.; в % числа опрошенных)

Источники: The European Social Survey (ESS). Round 9 (2018); Round 3 (2006). URL: www.europeansocialsurvey.org (дата обращения: 14.03.2020 г.); рассчитано автором.

¹⁵⁵ Lesley H., Lammertyn F. (2003). Collective and Reflexive Styles of Volunteering // Sociological Modernization Perspective, Voluntas. № 14. Pp. 167–187.

В страновом сравнении заметен значительный разброс уровня вовлеченности в отдельные практики политического участия (табл. 2). По данным девятой волны ESS (2018 г.) наибольшее участие населения в выборах наблюдается в Норвегии (82%), Финляндии (79 %), Германии (79%), Австрии (79%); в деятельности политических партий – в Норвегии (8%), Эстонии (7%); в разрешенных демонстрациях – во Франции (14%), Норвегии (13%). Следует обратить внимание, что наибольшее снижение рассматриваемых показателей за 12 лет произошло на острове Кипр (участие населения в выборах сократилось на 19%, в работе партии – на 5%), в России (доля россиян, голосовавших на выборах, сократилась на 11%). Безусловно, выявление причин этих тенденций требует дополнительного, более глубокого изучения, в том числе институциональных и социокультурных условий развития гражданского участия.

Таблица 2. Уровень гражданского участия в политическом пространстве по странам за 2006 и 2018 гг. (выборы, партии, протест; в % от числа опрошенных)*

Страна **	2006 г.	2018 г.	2018 к 2006 г.	2006 г.	2018 г.	2018 к 2006 г.	2006 г.	2018 г.	2018 к 2006 г.
	ВЫБОРЫ			ПАРТИИ			ПРОТЕСТ		
Австрия	76	79	3	9	5	-4	4	6	2
Бельгия	81	76	-5	6	4	-2	8	7	-1
Болгария	66	74	8	4	1	-3	2	3	1
Великобритания	67	74	7	3	2	-1	4	5	1
Венгрия	74	70	-4	2	1	-1	4	3	-1
Германия	73	79	6	4	5	1	7	9	2
Ирландия	69	72	3	4	4	0	5	10	5
Кипр	86	67	-19	10	5	-5	3	7	4
Нидерланды	77	77	0	4	4	0	3	3	0
Норвегия	78	82	4	6	8	2	8	13	5
Польша	62	64	2	2	3	1	1	6	5
Россия	60	49	-11	3	4	1	5	7	2
Финляндия	75	79	4	5	4	-1	2	5	3
Франция	65	58	-7	3	3	0	17	14	-3
Швейцария	51	48	-3	6	6	0	7	5	-2
Эстония	51	61	10	3	7	4	2	2	0
Среднее значение по странам	69	69	0	4,6	4,1	-0,5	5,1	7	2

* Доля положительных ответов на вопросы: «Вы голосовали на последних выборах?», «Принимали ли Вы участие в работе политической партии?», «Принимали ли Вы участие в разрешенных демонстрациях?».

** Для сравнения отобраны страны, в которых проводился опрос в 2006 и 2018 гг.

Источник: The European Social Survey (ESS). Round 9 (2018); Round 3 (2006). URL: www.europeansocialsurvey.org (дата обращения: 14.03.2020 г.).

Изучение данных ESS выявило, что по уровню развития таких политических практик, как обращение к власти, подписание петиций и интерес к политике, лидируют следующие европейские страны: Великобритания (доля участвующих составляет 21, 42 и 57% соответственно), Норвегия (25, 40 и 53%), Финляндия (22, 41 и 59%; табл. 2). Существенная отрицательная динамика с 2006 по 2018 г. наиболее заметна в ряде стран Восточной Европы: в Болгарии произошло снижение интереса к политике (на 18 п.п.: с 48 до 30%), в Венгрии сократились обращения населения к политикам (на 7 п.п.: с 13 до 7%) и интерес к политике (на 17 п.п.: с 42 до 25%).

Анализируя социологическую информацию по всем представленным практикам политического участия, следует отметить отставание России по сравнению с другими странами. В частности, выявлено, что по данным

Таблица 3. Уровень гражданского участия в политическом пространстве по странам за 2006 и 2018 гг. (обращение к власти, подписание петиций, интерес к политике; в % от числа опрошенных)*

Страна**	2006 г.	2018 г.	2018 к 2006 г.	2006 г.	2018 г.	2018 к 2006 г.	2006 г.	2018 г.	2018 к 2006 г.
	ОБРАЩЕНИЕ К ВЛАСТИ			ПОДПИСАНИЕ ПЕТИЦИЙ			ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ		
Австрия	21	20	-1	21	29	8	50	51	1
Бельгия	17	19	2	30	25	-5	45	45	0
Болгария	3	2	-1	5	5	0	48	30	-18
Великобритания	23	21	-2	40	42	2	52	57	5
Венгрия	13	6	-7	6	4	-2	42	25	-17
Германия	12	19	7	27	38	11	54	66	12
Ирландия	20	16	-4	25	28	3	45	55	10
Кипр	20	16	-4	10	9	-1	38	24	-14
Нидерланды	14	19	5	20	27	7	63	62	-1
Норвегия	21	25	4	37	40	3	48	53	5
Польша	6	9	3	5	14	9	39	36	-3
Россия	9	7	-2	8	13	5	43	46	3
Финляндия	19	22	3	32	41	9	48	59	11
Франция	19	12	-7	32	34	2	45	41	-4
Швейцария	13	16	3	35	35	0	57	53	-4
Эстония	10	17	7	7	12	5	41	39	-2
Среднее значение по странам	15	15	0	21	25	4	47	46	-1

* Доля положительных ответов на вопросы: «Вы Обращались ли Вы к конкретному политику или в общенациональные или местные органы власти?», «Подписывали Вы петиции, обращения, открытые письма?», «Насколько Вы интересуетесь политикой?» (доля ответов «Очень интересуюсь» и «В некоторой степени интересуюсь»).

** Для сравнения отобраны страны, в которых проводился опрос в 2006 и 2018 гг.

Источник: The European Social Survey (ESS). Round 9 (2018); Round 3 (2006). URL: www.europeansocialsurvey.org (дата обращения: 14.03.2020 г.).

девятой волны ESS (2018 г.) Россия относится к странам-аутсайдерам по показателям: участие в выборах (48%; среднее значение по странам – 69%), обращение к политикам (7%; среднее – 15%), подписание петиций (13%; среднее – 25%; табл. 3). При этом некоторая положительная динамика за указанный период заметна по одному показателю – уровню вовлеченности россиян в подписание электронных петиций и обращений (на 5 п.п.: с 8 до 13%).

Обобщая результаты анализа участия в политическом пространстве по странам, можно резюмировать, что эмпирические данные, полученные за последние 12 лет, не дают основания говорить о тревожных тенденциях снижения уровня основных показателей. Выявлено, что в наибольшей степени в различные практики политического участия вовлечено население европейских стран: Норвегии, Финляндии, Великобритании, Германии, где исторически сложилось развитое гражданское общество, способное оказывать влияние на государство и политику.

Определено, что по всем представленным практикам политического участия заметно отставание России по сравнению с другими странами. Во многом это обусловлено тем, что она традиционно принадлежала и продолжает принадлежать к странам, которые больше ориентированы на роль государства, чем на гражданское общество. М. Соломон и В. Соколовски объясняют страновую специфику уровня развития гражданского общества в рамках теории «социальных истоков», в которой акцент сделан на различных конфигурациях отношения власти и ключевых социальных субъектов – социально-экономических классов. По мнению ученых, в России, как и в ряде стран Центральной и Восточной Европы, исторически сильные «земельные» элементы сохраняют власть в современную эпоху, при этом модернизирующие элиты стремятся ограничить рост организациям гражданского общества, которые могут бросить вызов их государственному господству и подорвать программу быстрой модернизации. В результате в этих странах сложилась «статическая структура» гражданского общества, характеризующаяся довольно небольшим количеством гражданских учреждений, работающих в узком диапазоне областей, которые представляют решающее значение для национального развития¹⁵⁶.

Как считают отечественные исследователи, причины слабости российского гражданского общества как субъекта, выражающего интересы

¹⁵⁶ Salamon M.L., Sokolowski W. (2016). The Size and Scope of the European Third Sector, TSI Working Paper No. 12, Seventh Framework Programme (grant agreement 613034), European Union. Brussels: Third Sector Impact.

широких слоев населения (а не только социально уязвимых категорий), также следует искать в политике национальных элит. По мнению В.А. Ильина и М.В. Морева, внутренняя ситуация в стране выстроена таким образом, чтобы минимизировать систему рамок и ограничителей для властвующих политических и финансовых элит, а институты гражданского общества, хотя действительно помогают социально уязвимым и прочим категориям населения жить в тех условиях, которые созданы национальными элитами страны, «выключены» из процесса создания этих условий¹⁵⁷.

Тем не менее, несмотря на то что в России «кризис участия» предшествующих лет не преодолен, в последние годы наблюдается активизация гражданского общества, рост общественного запроса в возврате рычагов влияния на власть, что связывается с развитием многообразных практик политического участия¹⁵⁸.

Важнейшая задача, которая стоит перед исследователем, заключается в сравнительной оценке развития социальных форм гражданского участия в России и мире. Зарубежные авторы (Н. Квак, Д. Шах, Л. Холберт) отмечают значимость ассоциаций как инструмента мотивации к участию¹⁵⁹. Именно практики ассоциированного участия обладают наибольшими устойчивыми связями, требуя определенной регулярности и принадлежности.

Как показал проведенный анализ, наиболее быстрые темпы повышения уровня ассоциированного гражданского участия характерны для Германии и Нидерландов. Это объясняется тем, что сектор некоммерческих организаций (иначе – «третий» сектор или НКС) в указанных странах традиционно считается одним из самых развитых и эффективно функционирующих при поддержке государства в рамках «Welfare Partnership pattern»¹⁶⁰. За исследуемый период наибольшее снижение показателей произошло в Австрии. Уровень вовлеченности австрийцев в деятельность общественных организаций с 2006 по 2018 г. уменьшился на 8 п.п.: с 27 до 19%; табл. 4.

¹⁵⁷ Ильин В.А., Морев М.В. Гражданское общество и транзит власти 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 9–26.

¹⁵⁸ Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.

¹⁵⁹ Kwak N., Shah D., Holbert L. (2004). Connecting, trusting, and participating : the direct and interactive effects of social associations. *Political Research Quarterly*. Vol. 57, iss. 4. Pp. 643–652.

¹⁶⁰ Salamon L.M., Sokolowski W. (2018) The Size and Composition of the European Third Sector. In: *The Third Sector as a Renewable Resource for Europe*. Palgrave Macmillan, Cham. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-71473-8_3. С. 72.

Таблица 4. **Уровень ассоциированного неполитического участия по странам за 2006 и 2018 гг.** (в % от числа опрошенных)*

Страна **	2006 г.	2018 г.	Изменения 2018 к 2006 г.
Финляндия	34	39	5
Польша	24	37	3
Нидерланды	24	34	10
Норвегия	27	32	5
Германия	20	31	11
Бельгия	26	22	-4
Австрия	27	19	-8
Швейцария	14	18	4
Франция	15	15	0
Ирландия	13	12	-1
Кипр	9	8	-1
Великобритания	9	7	-2
Эстония	4	6	2
Россия	5	6	1
Венгрия	1	3	2
Болгария	1	1	0
Среднее значение по странам	16	18	+2
*Доля положительных ответов на вопрос «Принимали ли Вы участие в работе какой-либо общественной организации?»			
** Для сравнения отобраны страны, в которых проводился опрос в 2006 и 2018 гг. Страны ранжированы по уровню показателей 2018 г.			
Источник: The European Social Survey (ESS). Round 9 (2018); Round 3 (2006).			

Это обусловлено в первую очередь отсутствием государственного финансирования, являющегося основным источником ресурсов для большинства НКО в Австрии, а также сокращением частных взносов и размера прибыли от предпринимательской деятельности. Наряду с финансовыми проблемами в Австрии, как и в ряде других европейских стран, актуализируются вопросы мобилизации добровольцев¹⁶¹.

Кроме того, было выявлено, что в России показатели ассоциированного гражданского участия, как и в странах Центрально-Восточной Европы (Эстония, Венгрия, Болгария), занимают позиции существенно ниже средних значений, при этом Россия не демонстрирует значительных изменений, несмотря на активную политику государства по развитию некоммерческого сектора. Как отмечено выше, эти страны отстают от За-

¹⁶¹ The Third Sector. Impact project. 2014–2019. URL: <https://thirdsectorimpact.eu/documentation/tsi-national-report-no-3-third-sector-barriers-in-austria/> TTS – сравнительный европейский проект по исследованию некоммерческого сектора в 10 странах. Проект получил финансирование от Седьмой рамочной программы Европейского союза (FP7) для исследований, технологического развития и демонстрации в рамках грантового соглашения № 613034.

падной Европы в формировании основ гражданского общества. Развитие гражданского участия в России прошло длительный эволюционный путь. При этом, несомненно, условия зарождения форм и практик гражданской самоорганизации имели в России свои специфические черты в отличие, например, от стран Западной Европы. Как представляется, наиболее значимыми являются следующие: 1) большая территория; 2) государственная централизация власти, присутствие государственного начала в политической и экономической жизни; 3) недостаточная развитость частной собственности, предпринимательства, отсутствие стимулов труда, неразвитость рынка, господство крестьянской общины; 4) наличие менталитета покорности, исполнительности перед властью при полном отсутствии инициативности¹⁶². Все это оказывает значительное влияние на особенности развития гражданского участия и в современный период.

Изучая современное состояние гражданского общества, Н.И. Лапин указывает на латентные, имеющие исторические корни проблемы. Первая – это «бессобственность» «христиан/крестиан» – земледельцев, не знавших индивидуальной собственности на землю (а с нею и на всё остальное, вплоть до самих себя как людей). Поверх трансформаций форм собственности она в СССР перевоплотилась в конституционное отстранение/отчуждение подавляющего большинства населения от права на участие в доходах от использования земли и других природных ресурсов, составляющих основной ресурс благосостояния населения огромной страны. Вторая латентная проблема – многовековая, восходящая к эпохе ордынского ига, вседозволенность властных элит (в политике, экономике) по отношению к подданным. Многие граждане воспринимают вседозволенность власть имущих как свою личную от них зависимость и обрекают себя на пассивное безгласие¹⁶³. Обе эти проблемы, по мнению ученого, вместе препятствуют развитию гражданского общества и создают третью проблему, тоже «застарелую», но более очевидную – неразвитость гражданского общества.

Вместе с тем, на наш взгляд, особенности культурно-исторической самобытности России следует рассматривать не только как архаизирующий фактор и препятствие на пути эффективного становления гражданского общества в современных условиях, но и как непреходящую базовую

¹⁶² Киричек Е.В., Коробов В.Б. Исторические этапы и концептуальные предпосылки зарождения и развития гражданского общества и его институтов в России до XX века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 63–69.

¹⁶³ Лапин Н.И. О раскрытии активной гуманистической функции социального государства в России // Власть. 2019. № 2. С. 9–17.

ценность, российскую ментальность, которую необходимо учитывать при выработке национальной стратегии развития гражданского общества и самоорганизации граждан. Представляется, что эта стратегия должна ориентироваться не столько на транслировавшиеся откуда-то извне «правильные» западные образцы, сколько на собственные национальные интересы и проблемы.

Степень развитости сектора некоммерческих организаций является основополагающим показателем для социальных форм гражданского участия. С одной стороны, третий сектор стимулирует гражданское участие в целом, с другой – чем активнее участие граждан, тем лучше развивается НКС. Для оценки различных направлений участия населения в добровольной деятельности НКС были использованы данные Европейского исследования ценностей 2017 года (EVS). Как было выявлено в ходе анализа, наиболее активную вовлеченность можно наблюдать в традиционных практиках: в работе религиозных, спортивных и профсоюзных организаций (более трети опрошенных участвуют в их деятельности; рис. 5). В меньшей степени современное общество участвует в работе таких добровольных ассоциаций, как потребительские союзы и группы самопомощи (4% респондентов дали положительные ответы об участии в этих практиках).

Рисунок 5. Развитие направлений добровольных организаций (среднее значение доли участвующих по 15 странам за 2017 г., в %). Ответ на вопрос: «Пожалуйста, посмотрите внимательно на перечень добровольных организаций и скажите, в каких из них Вы являетесь участником, если являетесь?»

Источники: European Values Study. 2017 г. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 15.01.2020 г.); расчеты автора.

Важно отметить, что репертуар гражданского участия в демократических обществах быстро расширяется и охватывает, наряду с ассоциированными формами, различные виды добровольной социальной самоорганизации. Активно появляются новые и слабо структурированные формы гражданской вовлеченности. Эти неформальные организации взамен сотрудничества в формальных зонтичных структурах (например, профсоюзные организации) развивают гибкие горизонтальные сети, которые лучше адаптированы к потребностям информационного общества¹⁶⁴. Однако возможности для сравнительного измерения новых форм участия в значительной степени отсутствуют в крупномасштабных социологических обследованиях, которые ориентированы в основном на устоявшийся традиционный репертуар участия.

В страновом разрезе Дания, Исландия, Швеция и Нидерланды демонстрируют значения показателя выше среднего по всем направлениям деятельности, Швейцария – точно так же, за исключением профсоюзной деятельности. В России и ряде стран Восточно-Центральной Европы (Болгария, Польша, Словакия) уровень участия ниже средних значений показателя по всем группам (табл. 5).

Таблица 5. Участие населения в добровольных организациях по направлениям (данные по странам за 2017 г.; в % от числа опрошенных)

Страна / направление	Религия	Обр. и культура	Проф. союзы	Полит. партии	Экология	Проф. ассоциации	Спорт	Благотв.	Потреб. союзы	Группы самопомощи
Болгария	4	8	7	4	3	5	8	4	1	3
Германия	24	14	9	3	6	9	30	10	1	6
Дания	61	18	49	6	14	12	44	23	8	5
Исландия	51	18	53	15	10	18	29	22	7	8
Испания	7	8	6	4	5	4	11	8	2	2
Нидерланды	25	22	16	6	21	11	42	16	9	3
Польша	8	5	5	1	2	4	4	4	0.4	2
РФ	4	4	6	2	1	2	3	1	0.4	1
Словакия	8	2	5	1	1	2	5	2	0.3	1
Словения	34	25	12	4	14	15	35	24	4	12
Финляндия	31	21	40	8	8	13	32	16	3	5
Хорватия	21	13	9	8	6	7	22	11	2	3
Чехия	10	16	7	4	11	8	31	9	4	6
Швейцария	36	25	9	7	19	22	38	17	6	4
Швеция	31	19	40	8	14	13	39	26	12	5
Среднее значение по странам	23	15	18	5	9	10	25	13	4	4
Источник: European Values Study. 2017 г. URL: https://europeanvaluesstudy.eu/ (дата обращения: 15.01.2020 г.).										

¹⁶⁴ Castells M. (1997). The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell.

Заканчивая эмпирический анализ ассоциированного социального участия по странам, следует отметить важность развития подобного формата, т.к. членство в какой-либо добровольной ассоциации, даже если это не предполагает активного участия, будет способствовать формированию компетентной гражданской позиции. По мнению американского политолога С. Вербы, с одной стороны, «эффект социализации» влечет за собой, что граждане в ходе участия в общественных организациях приобретают политический интерес и политическую компетентность, с другой – возникает «эффект мобилизации», т.к. граждане, участвующие в работе общественных организаций, рекрутируются в связи с тем, что их организации так или иначе вовлечены в политику¹⁶⁵.

Значимость выявленным особенностям придает потребность в познании общероссийских процессов участия через анализ ситуации на местах. Без исследования региональной компоненты невозможно представить общую картину формирования и развития гражданского участия в России, его проблемы и противоречия. Изучение особенностей участия в пространстве регионов дает возможность увидеть, как в частном проявляется общее, а в общем – частное.

2.2. Исторический опыт деятельности добровольных ассоциаций в России на локальном уровне

В последние годы в России в условиях поиска ресурсов для осуществления «прорыва», направленного в первую очередь на улучшение качества жизни населения, наблюдается актуализация внимания к нематериальным факторам развития¹⁶⁶. Особое значение в реализации общенациональных и региональных приоритетов приобретают гражданская самоорганизация, участие местного сообщества в развитии своих территорий, солидарная активность¹⁶⁷. Для понимания особенностей гражданской самоорганизации, барьеров и перспектив развития в стране этого социального феномена целесообразно апеллировать к историческому опыту, сформировавшемуся в предыдущие периоды.

¹⁶⁵ Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. (1995). *Yoke and Equality*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

¹⁶⁶ Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования 2021. № 2. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250012674-4

¹⁶⁷ Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 41–48.

В настоящем параграфе исторический обзор сделан преимущественно с акцентом на институционализированных формах вовлеченности населения в решение общественно значимых проблем¹⁶⁸. При этом основное внимание в исследовании уделяется структурам, в той или иной степени сопоставимым с ассоциированными социальными практиками в современном понимании (деятельность добровольных ассоциаций – общественных организаций и гражданских инициатив). Именно добровольные ассоциации, на наш взгляд, выступая институциональной основой гражданского участия, призваны совместно с государством решать актуальные проблемы в различных общественных сферах, привлекая существенные человеческие и финансовые ресурсы¹⁶⁹.

При изучении исторического опыта развития общественного сектора в России особый интерес представляет период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX века (условно до 1917 г.), когда была подведена законодательная база под его образование и законную деятельность, а значимость гражданской инициативы и самоорганизации была признана как государством, так и общественными деятелями.

В этот период проблема развития добровольного ассоциированного участия в форме благотворительных и общественных организаций и обществ получила широкое освещение в научной литературе. В дореволюционной историографии большое количество работ было посвящено вопросам общественного попечения и частной благотворительности¹⁷⁰.

Особенности общественного призрения в царской России изучались западными исследователями начала XX столетия, в трудах которых выявлена преобладающая роль императорского дома в развитии социальной помощи и разнообразных форм деятельности российских общественных организаций¹⁷¹.

¹⁶⁸ Исследование выполнено совместно с Н.С. Смирновой. Автор выражает ей благодарность за предоставленные материалы.

¹⁶⁹ Шабунова А. А., Косыгина К. Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6

¹⁷⁰ Дмитриев М.Н. Дома трудолюбия. СПб.: Тип. т-ва «Общественная помощь», 1900. 95 с.; Буксгевден О.О. О совместной деятельности общественного призрения и организованной частной благотворительности. СПб.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. 530 с.; Гогель С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб.: Тип. т-ва «Общественная помощь», 1908. 49 с.; Максимов Е. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся. СПб.: Гос. тип., 1907. 57 с.; Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб.: Тип. т-ва «Общественная помощь», 1901. 78 с.

¹⁷¹ Clark B. Herman. Russia. Modern methods of charity. An Account of Systems of Relief, Public and Private, in the Principal Countries Having Modern Methods. New York: Macmillan Company, 1904. 736 p.; Ford F. C. Poor Laws in Foreign Countries. London: William Heinemann, 1875. 490 p.

Л. Хэфнер считает более адекватным реалиям поздней имперской России понятие «местное общество». Иначе говоря, он признает наличие гражданского общества на местах, в отдельных губернских и уездных центрах, но отказывает ему в существовании в общеимперском масштабе ввиду отсутствия форм и сетей коммуникаций на межрегиональном уровне. Российское местное общество, являвшееся эквивалентом европейского буржуазного общества, не выполнило, по мнению Хэфнера, своей исторической роли. Будучи аморфным и малочисленным (к примеру, по подсчетам автора, всего 1,5–2% от численности городского населения Казани и Саратова) оно не сумело стать интегрирующей третьей силой между властью и массами, в результате чего и «было раздавлено этими жерновами»¹⁷².

В советской исторической науке вопросы организации в царской России призрения нуждающихся, благотворительности, добровольных ассоциаций не представлялись особенно актуальными, однако отдельные сюжеты взаимоотношения власти и общественных организаций, истории развития общественного движения получили освещение в работах исследователей¹⁷³.

В постсоветский и современный периоды в научном дискурсе актуализируется проблематика как в целом развития общественного сектора России второй половины XIX – начала XX века¹⁷⁴, так и общественно значимой деятельности со стороны отдельных сословий¹⁷⁵. В исследовательском поле поднимаются вопросы законодательного оформления

¹⁷² Хэфнер Л. Civil society, bürgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 161–208.

¹⁷³ Степановский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX веков. М.: Московский государственный историко-архивный институт, 1980. 96 с.

¹⁷⁴ Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 77–89; Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.; Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию. Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 89–94; Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века в контексте формирования гражданского общества // *Труды Института российской истории РАН 1997–1998 гг.* Вып. 2. М., 2000. С. 164–217.

¹⁷⁵ Барышников М.Н. Деловой мир России. СПб: Искусство-СПБ; Logos, 1998. 448 с.; Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. 199 с.; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России: конец XIX в. М.: Наука, 1992. 190 с.

деятельности добровольных ассоциаций царской России¹⁷⁶. Целый ряд работ посвящен роли женщин в деятельности добровольных ассоциаций¹⁷⁷.

Несмотря на большой интерес ученых к изучению опыта развития ассоциированного общественного сектора России второй половины XIX – начала XX века, недостаточно внимания уделяется проблеме местного уровня в социально значимой деятельности. В то же время именно на уровне повседневности наиболее заметна роль гражданской самоорганизации.

Рассмотрим деятельность добровольных общественных ассоциаций в российском обществе второй половины XIX – начала XX века на материалах Вологодской губернии. Вологодская губерния была учреждена в 1796 году как самостоятельная административная единица с административным центром – городом Вологдой. В конце XIX – начале XX в. в состав губернии входили 10 уездов: Велико-Устюжский, Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Усть-Сысольский, Яренский и, кроме 10 уездных городов (в том числе губернского), имелись три заштатных: Верховажский Посад, Красноборск и Лальск¹⁷⁸. В своем исследовании мы исходим из понимания того, что деятельность общественных организаций является частью ассоциированного или институционального гражданского участия – процесса, посредством которого объединения, группы и отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения общественно значимых задач. В форме коллективных и индивидуальных действий гражданское участие способствует социально-экономическому развитию, поскольку гражданские инициативы активных, информированных и критически настроенных граждан помогают объединить ресурсы для решения актуальных проблем на местном уровне¹⁷⁹. Представляется,

¹⁷⁶ Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 112–136.

¹⁷⁷ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50–60-е гг. XIX в. Л.: ЛГУ, 1984. 239 с.; Хасбулатов О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 135 с.; Lindenmeyr A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914. *Sings: Journal of Women in Culture and Society*. 1993. № 18 (3). Pp. 562–591.

¹⁷⁸ Исследовательский проект «РУНИВЕРС». URL: <https://runivers.ru/doc/territory/362044/> (дата обращения: 15.02.2021 г.).

¹⁷⁹ Wang L., Graddy E. (2009). Social Capital, Volunteering, and Charitable Giving // *Voluntas*. vol. 19 (1). pp. 23–42; Kiwan D. (2008). Conceptions of Democracy, Citizenship and Diversity. Education, Citizenship and Social Justice. vol. 2. pp. 223–235; Olson M. (1971). The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Harvard University Press. URL: <https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674537514> (дата обращения: 15.02.2021 г.)

что наибольшей значимостью обладают такие формы гражданского участия, как участие в сообществах и объединениях (так называемое ассоциированное участие), т.к. они позволяют реализовать потребность, которая не воплощается в полной мере в других практиках участия, – в частности в идентификации с группой, доверии к ней и лояльности, даже если группа представляет собой лишь «ассоциацию в обыденной жизни»¹⁸⁰. Именно практики ассоциированного участия обладают наибольшими устойчивыми связями, требуя определенной регулярности и принадлежности.

Для изучения деятельности добровольных ассоциаций в России в исторической ретроспективе применяется метод сравнительно-исторического анализа различных источников. Источниковедческий анализ представляет собой использование материалов Государственного архива Вологодской области, ранее не вводимых в научных оборот, следующих фондов: фонд 475 – Вологодская городская управа; фонд 476 – Вологодская городская дума, фонд 376 – Вологодское отделение государственного банка, Ф. 33-54 – фонды земских собраний и земских управ. Особый интерес при изучении деятельности богаделен и по оказанию помощи общественным организациям представляют материалы Вологодских епархиальных ведомостей. При изучении деятельности конкретных обществ использовались Отчеты Вологодского благотворительного общества; Отчеты Вологодского женского благотворительного общества; Памятные книжки Вологодской губернии (издания Государственного статистического комитета: в настоящей работе использовались выпуски с 1861 по 1916 г.).

Имеющиеся исторические источники позволяют проследить историю формирования добровольных ассоциаций как ресурса развития российского общества. Отметим, что в отечественной литературе существуют различные подходы к построению деятельности функционирования в стране общественного сектора. Часть российских исследователей полагает, что благотворительную и общественную деятельность в российском обществе следует рассматривать еще с дохристианской эпохи (IX–X вв.), когда складывались практики взаимопомощи внутри родовой общины¹⁸¹.

¹⁸⁰ De Tocqueville A. (1992). *De La Démocratie en Amérique*. Translated from French; foreword of Laski H.J. Moscow: Progres, 554 p.

¹⁸¹ Тарасова Н.В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 48–51.

Безусловно, на различных этапах отечественной истории (даже самых ранних) имеется немало свидетельств как спонтанных, так и организованных проявлений социальной самоорганизации, однако многие из них с трудом складываются в современное понимание ассоциированного участия. В этой связи мы придерживаемся подхода А.С. Тумановой и вслед за автором обозначаем следующую периодизацию в развитии добровольного ассоциированного участия (рис. 6).

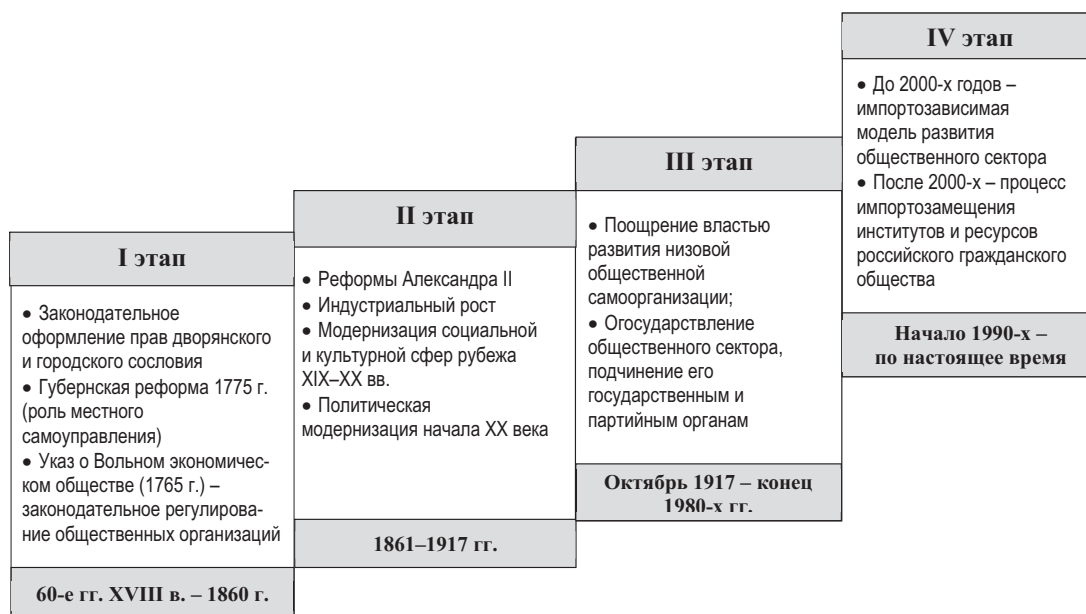

Рисунок 6. Периодизация институционализации сферы добровольного ассоциированного участия в России

Источник: составлено автором по: Гражданское общество в модернизирующейся России / Л.И. Яacobсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 12–20.

На первом этапе (60-е годы XVIII в. – 1860 г.) складывались предпосылки институционального развития ассоциированного общественного участия в России, закладывались законодательные основы для деятельности общественных организаций. Социальная помощь и поддержка признавалось значимым элементом политики «просвещенного абсолютизма»¹⁸².

¹⁸² Гражданское общество в модернизирующейся России / Л.И. Яacobсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.

Второй этап (1861–1917 гг.) характеризовался профессионализацией и демократизацией российской общественности, расширением сферы ее деятельности, интенсивным вовлечением различных социальных групп в общественную самодеятельность¹⁸³. Важнейшее значение в этом направлении имели реформы 1860–1870-х гг., когда целью национального развития становится идея усилить участие общества в значимых социальных проектах и освободить государство от решения части социальных вопросов¹⁸⁴.

На третьем этапе (октябрь 1917 – конец 1980-х годов) развития гражданского участия происходило тотальное огосударствление этой сферы. Наряду с активным развитием различных форм помогающего поведения, общественно-публичное пространство страны наполняется квази-гражданскими организациями, объединениями, движениями, которые строго контролируются государством¹⁸⁵.

Четвертый этап (начало 1990-х – по настоящее время) начался в условиях, когда остро обозначились экономическая стагнация и кризис легитимности власти. При этом, как отмечают Л.И. Якобсон и С.В. Сагович, если для 1990-х годов была характерна импортозависимая модель развития российского гражданского общества, то в 2000-е гг. в стране развивается процесс импортозамещения, когда ведущая роль в финансировании НКО переходит от зарубежных источников к отечественным¹⁸⁶.

Таким образом, на различных исторических этапах происходило постепенное формирование институциональной среды для деятельности общественных организаций, причем, как показывает анализ, для каждого периода была характерна своя специфика в гражданской самоорганизации, преемственности (за исключением первых двух этапов) не наблюдалось.

Особенностью второго этапа (1861–1917 гг. – период, который отобран для настоящего исследования) являлось то, что гражданское участие местного населения заполняло такие ниши в социальной сфере (социальная защита, образование, наука, здравоохранение и др.), кото-

¹⁸³ Clark B. Herman. Russia. Modern methods of charity. An Account of Systems of Relief, Public and Private, in the Principal Countries Having Modern Methods. New York: Macmillan Company, 1904. 736 p.

¹⁸⁴ Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития / В.Б. Беневоленский, В.А. Иванов, Н.В. Иванова и др.; под ред. И.В. Мерсияновой. М.: ВШЭ, 2019. 120 с.

¹⁸⁵ Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни. М.: Мысль, 2012. 536 с.

¹⁸⁶ Якобсон Л.И., Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 21–34.

рые государство не обслуживало либо обслуживало чрезвычайно слабо. Действительно, в дореволюционной России не существовало развитой государственной системы социального обеспечения, в силу чего социальным обеспечением занимались организации взаимопомощи, оказывавшие материальную (выдача ссуд, пособий, пенсий утратившим трудоспособность членам, их вдовам и сиротам и др.), интеллектуальную и просветительскую помощь (обучение, устройство различных форм проведения культурного досуга, таких как спектакли, концерты, вечера и др.) представителям различных нуждающихся групп населения¹⁸⁷. К 1917 году к развитию институционализированных форм конструктивной гражданской активности добавился масштабный спектр политического участия в виде протестных практик, что обернулось формированием массовой базы радикальных партий и разворачиванием революционного движения. По критическому замечанию Дж. Бредли, «в период заката царского режима гражданское общество в России оказалось неспособным не только защитить государство, но и само себя»¹⁸⁸.

Прежде чем перейти непосредственно к проблеме добровольных ассоциаций, представляется интересным рассмотреть некоторые особенности общего социального фона формирования гражданской самоорганизации в Вологодской губернии по сравнению с общероссийской ситуацией. Особое внимание уделено уровням урбанизации и грамотности населения региона, которые, на наш взгляд, являются важнейшими факторами развития гражданского общества и участия в целом. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г. в Российской Империи проживало 125 640 000 чел., преимущественно в сельской местности (доля городского населения составляла всего 13%; для сравнения: по данным Всероссийской переписи 2010 г. – 73,7%; табл. 6). Причем уровень грамотности социума той эпохи был низкий – менее четверти населения (21%) в той или иной степени относились к категории «грамотных». Для сравнения: по данным 2010 года уровень образования населения страны (доля населения от 9 лет, имеющего образование от начального до высшего) составлял 97%.

¹⁸⁷ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.

¹⁸⁸ Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

Таблица 6. **Некоторые показатели социально-демографического развития страны и региона по данным переписей населения 1897 г.**

Территория	Всего численность населения	Из них		Доля городского населения, в %	Уровень грамотности (образования*), в %
		мужчин, в %	женщин, в %		
Российская Империя	125 640 000	49,7	50,3	13,3	21,1
Вологодская губерния	1 341 800	47,4	52,6	4,7	11,3
г. Вологда	27 700	51	49	-	36
Для сравнения: в 2010 г. РФ	142 856 536	46,2	53,8	73,7	97
Вологодская область	1 202 444	46	54	70,7	95,9
* По данным переписи 1897 г. указана доля грамотного населения, 2010 г. – доля населения, имеющего образование от начального уровня и выше. Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года (Губернские итоги). Т. 1-89. СПб.: 1903-1905; Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года // Демоскоп / Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». http://www.demoscope.ru/					

Во второй половине XIX – начале XX в. Вологодская губерния значительно отставала от общероссийских показателей и по уровню урбанизации (доля городского населения составляла не более 5%), и по уровню распространения грамотности (доля грамотного населения – 11%). В губернском городе Вологде удельный вес грамотного населения значительно выше (36%), что было характерно для городских жителей Российской Империи (в целом по стране доля грамотных в городах достигала 45%¹⁸⁹). Таким образом, гражданская самоорганизация в губернии в изучаемый период формировалась в условиях неразвитости урбанизации и низкого уровня грамотности среди местного населения.

Анализ исторических материалов по Вологодской губернии выявил, что наиболее заметной и масштабной деятельностью общественных организаций была в губернском городе Вологде, в силу наличия там широкого слоя образованной интеллигенции, общественных покровителей, а также финансовой поддержки со стороны органов власти и самоуправления. Этот вывод коррелирует и с общероссийскими данными: территориально

¹⁸⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1.: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.

благотворительные учреждения функционировали преимущественно в городской России. Так, к началу XX в. из 11 040 благотворительных учреждений страны в городах располагались 7998 (72,4%), вне городов – 3042 (27,6%)¹⁹⁰.

В Вологодской губернии в XIX – начале XX века, как и в других российских провинциях, общественные организации подразделялись на две большие группы. Во-первых, это отделения центральных добровольных ассоциаций, таких как Российское общество Красного Креста, Правление общества спасения на водах, Совет Попечительства о слепых.

Во-вторых, общественные организации, созданные по инициативе местной власти и общественности. Как показал анализ, наиболее значимыми в губернии являлись следующие организации: богадельни, Вологодское благотворительное общество, Вологодское женское благотворительное общество, Общество вспомоществования нуждающимся в народных (начальных) училищах, общество врачей лечебницы для приходящих больных, Повивальная школа, Воспитательный приют для круглых сирот. Эти добровольные ассоциации играли большую роль в обществе, так как они объединяли значительные интеллектуальные и материальные ресурсы. С их помощью местная власть решала многочисленные и сложные социальные проблемы в губернии.

Каждое общество действовало на основе устава, который разрабатывался инициативной группой, затем обсуждался на заседаниях городской думы, утверждался губернатором, а затем центральными ведомствами¹⁹¹. Как отмечают вологодские краеведы Ф.Я. Коновалов, Л.С. Панов, Н.В. Уваров, устав определял основные цели общества, одна из которых – «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных всех сословий, принятие мер для искоренения нищенства»¹⁹². В 1892 г. был принят унифицированный «Устав общественного призрения» – единственный в истории царской России нормативно-правовой акт, наиболее полно регламентирующий общественную благотворительную деятельность. Он устанавливал общие принципы управления сектором, определял сферу деятельности местного управления, способы

¹⁹⁰ Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М., 2010. 419 с.

¹⁹¹ Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. № 1. С. 112–136.

¹⁹² Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда, XII – начала XX века: Краевед. Словарь. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993. 298 с.

финансирования и возможности принятия пожертвований. Вторая часть данного акта содержала уставы частных заведений общественного призрения, на особых основаниях управляемых¹⁹³.

Таким образом, основными принципами ассоциированной общественной деятельности в те годы были одновременно добровольность, подчинённость и плотное взаимодействие с государственной властью, нормативно-правовая регламентация.

В Вологодской губернии в XIX в. одной из наиболее распространенных форм добровольных ассоциаций, осуществляющих помощь нуждающимся, продолжали оставаться богадельни – благотворительные заведения для содержания нетрудоспособных лиц (престарелых, немощных, инвалидов, калек и т.д.), которые стали открываться еще с XVII в.

Значимым направлением социальной деятельности в исследуемый период являлась забота о пожилых людях, которой занималась первая из богаделен, основанная еще в конце XVII веке архиепископом Симоном и располагавшаяся в Горне-Успенском женском монастыре, в ней призревались 12 престарелых и увечных женщин. Им ежегодно выдавали из архиерейского дома определенное количество хлеба, денег и дров¹⁹⁴.

Заботой о бедных гражданах занималась богадельня близ церкви Николая Чудотворца на Сенной площади, открытая на средства архиерейского дома для призрения бедных граждан г. Вологды обоего пола, получавшая содержание из архиерейского дома и городского общества. В конце 90-х гг. XIX в. в ней находились 25 человек: 7 мужчин и 18 женщин, в том числе 8 детей. Питались мирским подаянием, а малолетние – от дома архиерейского. Как отмечается в источниках, неизвестно когда была основана и упразднена эта богадельня¹⁹⁵.

Социальную помощь женщинам предоставляла богадельня, находившаяся при церкви Николая Чудотворца на Глинках. Кем, когда она была основана и когда упразднена – неизвестно, но в XIX в. она еще существовала. В архиве консистории сохранилось прошение священнической вдовы о «дозволении ей после двадцати восьми лет вдовственной жизни, по старости и ослаблению сил, проводить остаток дней своей жизни в духовной его Преосвященства в Глинковской богадельне»¹⁹⁶.

¹⁹³ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 13.

¹⁹⁴ Старая Вологда XII – начала XX в.: сборник документов и материалов. Вологда: Легия, 2004. 509 с. С. 336, 506.

¹⁹⁵ Старая Вологда XII – начала XX в.: сборник документов и материалов. Вологда: Легия, 2004. С. 509.

¹⁹⁶ Вологодские епархиальные ведомости. 1890. № 2. С. 235–239.

Помощью нуждающимся женщинам также занималась Витушешниковская богадельня, которая была построена и открыта в 1836 г. на средства потомственной почетной гражданки купчихи 1-й гильдии вдовы Афиньи (Евфимии) Петровны Витушешниковой¹⁹⁷.

Отдельную помощь оказывали инвалидам-слерым: ее предоставляла частная богадельня, построенная на средства московского купца 1-й гильдии Николая Васильевича Немирова-Колодкина и открытая в 1880 году. На строительство и содержание призреваемых (25 человек) было пожертвовано 42 тыс. руб. Кроме того, в своей духовной он завещал 30 тыс. руб. неприкосновенного капитала, проценты с которого «повелел употреблять на содержание призреваемых слепых всех сословий женщин и 10 тыс. руб. процентными бумагами на расширение и ремонт зданий той же богадельни»¹⁹⁸.

В 60-е гг. XIX века в Вологде в ведении Приказа общественного призрения находились общественная богадельня и две частные – Витушешниковская и Скулябинская. В общественной богадельне содержались 8 мужчин и 22 женщины, в Скулябинской – 10 мужчин и 14 женщин, в Витушешниковской – 20 женщин. Витушешниковы также выделяли пособие 83 мужчинам и 142 женщинам от 30 коп. до 1 рубля¹⁹⁹.

Богадельни получали значительные средства от Вологодского городского общественного банка (1788–1919 гг.), деятельность которого заключалась в выделении на благотворительные цели процентов, полученных с капиталов жертвователей, в основном на вечные времена. Одними из самых крупных благотворителей были потомственный почетный гражданин купец В.И. Грудин; московский, бывший вологодский, купец, мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин И.А. Колесов; купец И.В. Шапошников. По их духовным завещаниям проценты с капиталов соответственно в 20, 33, 10,5 тысяч рублей поступали на разные благотворительные цели: «на платежи за бедных здешних мещан, малоприходским церквям г. Вологды» и др. Через банк проходили и коллективные пожертвования. Так, в 1861 г. от лиц городского сословия было пожертвовано на призреваемых в общественных богадельнях 2580 рублей²⁰⁰.

¹⁹⁷ Вологодские губернские ведомости. 1848. № 13. С. 147–149.

¹⁹⁸ Государственный архив Вологодской области. Фонд 475. Вологодская городская управа. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

¹⁹⁹ Государственный архив Вологодской области. Фонд 489. Вологодский попечительский совет о городских богадельнях. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

²⁰⁰ Отчеты о действиях Вологодского городского общественного банка за 1867–1903 гг. // Вологодские губернские ведомости. 1870. № 8; 1871. № 6; 1872. № 4; 1878. № 47; 1881. № 32; 1896. № 36; 1903. № 31.

Большую часть капитала богаделен составляли частные пожертвования. Одним из крупных жертвователей был купец 2-й гильдии Василий Алексеевич Леденцов. В его духовном завещании было записано: «Предоставить брату Семену Алексеевичу и жене Ольге Ивановне внести в Вологодский городской общественный банк на «вечные времена» 9 тыс. руб. серебром с тем, чтобы на проценты этого капитала содержать в городской богадельне такое количество призреваемых из природных мещан, какое смотря по количеству капитала будет возможно». Попечительный совет, рассмотрев заявление душеприказчика Василия Леденцова Семена Леденцова, постановил: «Из процентов капитала – 450 руб. в год поместить в городскую общественную богадельню в первый год 8 стипендиатов имени В.А. Леденцова, а в последующие годы – от 8 до 10 человек»²⁰¹.

Как следует из различных источников, значительное распространение в сфере деятельности добровольных ассоциаций в губернии получила социальная поддержка нуждающихся детей. Социальной опекой и воспитанием детей-сирот и детей из бедных семей занималось Вологодское благотворительное общество, созданное в 1874 г. В ведении общества находились «Убежище для мальчиков», открытое в 1876 г., и ремесленный приют (1889 г.). За период деятельности общества наблюдался рост числа воспитанников с 29 (1876 г.) до 72 человек (1901 г.). Принимались дети от 6 до 14 лет. Дети, проживавшие в Убежище, обучались там же, и лишь немногие (3–8 человек) имели возможность посещать городские школы. В ремесленном приюте дети обучались столярному и токарному делу. В 14 лет мальчики получали свидетельства, которые позволяли им работать подмастерьями. Денежные средства в первый период существования общества складывались из добровольных пожертвований, пособий Приказа общественного призрения, членских взносов и от устройства спектаклей и лотерей, пособий от земств, городской думы, Управления Северными железными дорогами и так далее. К перечисленным средствам можно добавить капитал по духовному завещанию вологодского купца Ф.А. Варакина (3 листа 4% Государственной ренты по 1000 рублей).

Особенностью эпохи «великих реформ» было вовлечение в организованную общественную работу женщин, быстро занявших в ней свою нишу. Переход женского движения от салонной к организованной форме,

²⁰¹ Государственный архив Вологодской области. Фонд 489. Вологодский попечительский совет о городских богадельнях. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

ориентированной на помощь ближнему и взаимопомощь, явился важным этапом в его развитии»²⁰².

Активность женщин являлась характерной чертой общественного движения и в Вологодской губернии. Они играли заметную роль как в открытии организаций, так и в налаживании их повседневной практической работы, в поиске источников финансирования. Функции социальной поддержки детей-сирот и беременных женщин выполняло Вологодское женское благотворительное общество. Целью общества являлось предоставление бесплатного приюта и медицинской помощи беременным женщинам из бедных слоев населения, призрение и воспитание детей-сирот, обучение повивальному искусству и прививанию оспы. В ведении женского благотворительного общества находились родовспомогательное заведение, повивальная школа и воспитательный приют для круглых сирот²⁰³. Помощью девочкам из малоимущих семей занималась Повивальная школа, которая была открыта в 1866 г., в ней обучались девушки из малоимущих семей повивальному делу в течение 2-х лет и выпускались со званием повивальных бабок 2-го разряда. Число учениц увеличилось с трех (1866 г.) до 22-х (1914 г.). Так как во многих уездах не было акушеров, то подготовку таких кадров трудно переоценить.

В 1915 г. доходы Вологодского женского благотворительного общества составили 18 300 рублей 45 копеек. Расходы общества шли на содержание служащих – 23%, закупку продовольствия – 51%, одежды и другие нужды – 11%, а также на содержание зданий общества – 15%. За свою полувековую деятельность (с 1864 по 1916 г.) общество оказало помощь 19 184 роженицам, обучило 216 учениц и воспитало 138 круглых сирот²⁰⁴. Как свидетельствуют полученные данные, финансирование общества осуществлялось из разных источников: со стороны государства, органов местного самоуправления, общественности, предпринимательских кругов²⁰⁵.

Заботой о детях-сиротах занимался Воспитательный приют для круглых сирот, открытый в 1871 г. Он осуществлял воспитание и обучение де-

²⁰² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.

²⁰³ Отчеты Вологодского женского благотворительного общества за 1894 г. Вологда: Типография губернского правления, 1895.

²⁰⁴ Отчеты Вологодского благотворительного общества за 1898, 1901, 1902, 1906, 1910, 1911, 1913, 1915 гг. Вологда: Типография губернского правления, 1899, 1902, 1903, 1907, 1911, 1912, 1914, 1916.

²⁰⁵ Государственный архив Вологодской области. Фонд 475. Вологодская городская управа. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

вочек и мальчиков с младенчества до 10–12 лет, а затем их определяли в ремесленные школы или в услужение. В детском приюте с 1874 по 1884 г. ежегодно содержалось от 12 до 20 детей. Денежные средства общества, например, складывались из добровольных пожертвований, пособий Приказа общественного призрения, членских взносов (от 20 копеек и более) и от устройства спектаклей и лотерей (более 1 тыс. руб.), пособий от Земств, городской думы, Управления Северными железными дорогами и так далее.

Для справки: в начале XX в. средний заработок рабочего составлял около 230 руб. в год, учителя начальной школы – около 400 руб. в год. На сельхозработах безлошадный крестьянин зарабатывал в среднем 33,5 коп. в день, а со своей лошадью – 67 коп. в день²⁰⁶.

Пореформенные годы были отмечены усиленным ростом количества обществ помощи развитию образования. Самыми массовыми по числу членов добровольными ассоциациями в этой области стали к концу XIX в. общества для пособия бедным ученикам²⁰⁷. В губернии такие организации существовали при большей части начальных и средних учебных заведений. В частности, в 1898 г. было создано Общество вспомоществования нуждающимся в народных (начальных) училищах г. Вологды с целью поддержки как обучающихся, так и учителей. Только в 1911 г. за помощью в общество обратились 382 человека, из них 307 получили пособия: обувь, одежду, бесплатное питание в школьных столовых. В ведении общества находились детская библиотека, столовые при училищах, детские площадки²⁰⁸. В 1912 г. обществом была устроена выставка школьного дела. Средства общества складывались (как у других обществ) из членских взносов, пособий городской и земской управ, доходов от спектаклей, концертов, от добровольных пожертвований благотворителей (например, пожертвование в 1 тыс. руб. по духовному завещанию Е.Д. Камкиной). Общество получало пособия и от Министерства народного просвещения. Активными деятелями общества были ее многолетний председатель В.Н. Свешников, П.Ф. Клушин (казначей), К.И. Мазалев, А.А. Татаутин.

Следует выделить развитие такого направления гражданских инициатив в провинциальном пространстве, как оказание бесплатной медицинской помощи местному населению. Важнейшую роль в Вологодской

²⁰⁶ Памятная книжка Вологодской губернии на 1915 г. Вологда, 1915. С 3–71.

²⁰⁷ Дьячков С.Л. Благотворительные общественные организации российской провинции во второй половине XIX – начале XX века. Ставрополь, 2005. 278 с.

²⁰⁸ Там же.

губернии в этом деле играло Общество врачей лечебницы для приходящих больных, созданное в 1873 г. Его деятельность была направлена на оказание пользы местному населению, местным общественным учреждениям и на улучшение гигиенических условий жизни населения, что говорит о разнообразном характере деятельности. Капитал общества составляли добровольные пожертвования (в основном от купеческого сословия), субсидии от губернских и уездных земств. В 1882 году на его счету было более 11 тыс. руб. За 35 лет существования обществом была оказана медицинская помощь 211 253 человекам²⁰⁹. Такая плодотворная деятельность была возможна благодаря щедрой поддержке частных лиц, купцов А.Е. и Н.А. Волковых, Н.А. и П.А. Белозеровых, Ф.М. Леденцова, С.Н. Леденцовой и многих других.

Еще одним направлением социальной деятельности можно выделить помощь несовершеннолетним преступникам. В 1886 г. было создано Вологодское исправительное общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. В заведение поступали дети в возрасте от 12 до 18 лет. Срок их пребывания колебался от нескольких месяцев до пяти лет²¹⁰. Функции этой общественной организации заключались в предоставлении несовершеннолетним преступникам хорошего питания, одежды, обуви, в заботе о здоровье, то есть в создании хороших условий жизни. Кроме того, задачей общества выступала помощь в профессиональном обучении несовершеннолетних преступников²¹¹.

Выходя из приюта, воспитанники были готовы к самостоятельной жизни и способны обеспечить себе достойное будущее. Приют заменял воспитанникам семью. Так как количество детей в приюте было незначительным, удавалось находить индивидуальный подход к каждому, поэтому деятельность общества была весьма эффективна.

Особенностью развития общественного сектора в начале XX в. на местах стал тренд на активную деятельность различных просветительских добровольных ассоциаций. В частности, в губернском городе особой популярностью пользовался Северный кружок любителей изящных искусств (основанный в 1906 г.), целью которого было распространение культуры

²⁰⁹ Государственный архив Вологодской области. Фонд 475. Вологодская городская управа. Оп. 2. Д. 120. Л. 2.

²¹⁰ Памятные книжки Вологодской губернии на 1896–1897. Вологда: Типография губернского правления, 1897. 120 с. С. 77–78.

²¹¹ Смирнова Н.С. Организация призрения нуждающихся в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Вологда: ВоГУ, 2019. 79 с.

на Севере, в частности пропаганда искусства путем организации выставок и создания музеев. Кружок планировал также помощь местным художникам, создание библиотеки и художественной школы, изучение местной старины и издание о ней исследовательских материалов. В 1920 г. организация прекратила свое существование. Коллекция и библиотека были переданы в Вологодский краеведческий музей²¹².

К началу XX в. в Вологде действовали 29 различных общественных организаций (из них 15 благотворительных, 6 религиозных и 6 культурно-просветительных, 2 научные и др.)²¹³, осуществлявших свою деятельность по разнообразным направлениям (рис. 7).

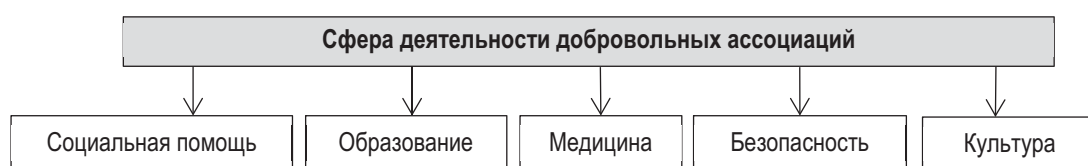

Рисунок 7. **Схема направлений деятельности общественных организаций в начале XX века**

Источник: составлено автором по материалам Вологодской губернии.

По данным Н.В. Фалина, в 1900 г. численность населения г. Вологды составляла 28 238 человек²¹⁴, следовательно, в среднем на каждую тысячу вологжан приходилась 1 общественная организация. Заметим, что в современный период (2018 г.) в Вологодской области количество общественных объединений и некоммерческих организаций на 1000 жителей составляет в среднем по 0,7 соответственно²¹⁵. Различные добровольные ассоциации в губернии на начало XX в. объединяли более 4 тыс. чел., в т. ч. в них входили почти все крупные купцы города и высшие чины администрации. Общества ежегодно публиковали в периодической печати отчеты о своей деятельности, в т.ч. финансовой²¹⁶.

²¹² Непеин А. Северный кружок любителей изящных искусств в Вологде (К 10-летию со дня основания) // Русский экскурсant. 1916. № 2. С. 36–39.

²¹³ Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда, XII – начало XX века: Краевед. словарь. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993. 298 с.

²¹⁴ Фалин Н.В. О численности населения г. Вологды в старину // Жизнь города. 1922. № 11 (март). С. 4–9.

²¹⁵ Уханова Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5

²¹⁶ Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда, XII – начало XX века: Краевед. Словарь. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993. 298 с.

Проведенный нами анализ исторических материалов позволяет выделить наиболее существенные особенности деятельности добровольных ассоциаций на губернском уровне во второй половине XIX – в начале XX века.

1. *Добровольные ассоциации и власть.* Деятельность добровольных общественных ассоциаций осуществлялась в тесной взаимосвязи с публичной властью: посредством ассоциированного участия решались социально значимые проблемы на местах, с которыми государство не справлялось самостоятельно. В то же время губернатору вменялось в обязанность осуществлять наблюдение за состоянием обществ: правильностью и систематичностью ведения ими отчетной документации, своевременностью предоставления информации об их капиталах, заведениях, составе и количестве призреваемых и т.д. Многие организации включали в свой состав чиновников губернской администрации, руководителей общественного и сословного самоуправления. В этой связи есть основания утверждать, что ключевыми принципами деятельности общественных ассоциаций в те годы были одновременно добровольность, подчинённость и плотное взаимодействие с государственной властью, органами местного самоуправления, нормативно-правовая регламентация функционирования.

2. *Финансирование и функционал добровольных ассоциаций.* Общественные организации возникали и осуществляли свою деятельность при финансовой поддержке государства, органов местного самоуправления, церкви, общественности, предпринимательских кругов. Вместе с тем, как показал анализ исторических материалов, общественные организации той эпохи проводили свою работу не только на средства, полученные от государства, частные пожертвования и членские взносы, но и на собственные доходы (к примеру, от реализации производимых продукции и услуг, от процентов с капитала, продажи ценных бумаг, тиражных операций и т.д.). Устойчивая финансовая база позволяла добровольным ассоциациям внедрять принципы многофункциональности – богадельни и различные общества одновременно могли выступать приютом для конкретных целевых групп, оказывать им материальную поддержку, организовывать для них обучение специальностям и просвещение.

3. *Субъекты ассоциированного участия.* Важнейшим субъектом реализации ассоциированного общественного участия в исследуемую эпоху выступала православная церковь: именно при церквях создавались и осуществляли свою деятельность такие благотворительные заведения, как богадельни. Активность предпринимательских кругов (купечества) являлась неотъемлемой чертой общественной деятельности губернии и

страны в целом. Представители купечества играли заметную роль как в открытии обществ, так и в организации их повседневной практической работы, в финансировании. Кроме того, характерной чертой развития ассоциированного участия в Вологодской губернии, как и по стране, являлось вовлечение в организованную общественную работу женщин, быстро занявших в ней свою нишу и развивавших женские благотворительные общества.

В Вологодской губернии, и в первую очередь в городской среде, к началу XX в. функционировала довольно обширная, разнообразная сеть общественных организаций, действовавших в области социальной защиты, образования и здравоохранения, развития культуры, просветительства, безопасности и др. Вместе с тем отсутствие демократических традиций в российском обществе приводило к тому, что, с одной стороны, правительство разрешало развитие гражданских инициатив, которые способствовали удовлетворению материальных и культурных нужд населения. С другой – власть опасалась роста социальной активности, распространения ценностей правовой культуры, гражданского долга и ответственности, что подрывало самодержавные устои. Не случайно в начале XX в. в губернии по решению губернатора ряд видов деятельности общественных организаций был прекращен.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что характерной особенностью организации деятельности добровольных ассоциаций на локальном уровне во второй половине XIX – начале XX в. является внедрение принципов межсекторного взаимодействия (власть, коммерческий сектор, структуры гражданского общества), что, на наш взгляд, служит залогом успеха развития гражданской самоорганизации. Изучение подобного опыта взаимодействия имеет теоретическое и практическое значение для выявления перспектив развития добровольных общественных ассоциаций (организаций) в современной России.

2.3. Условия, установки и уровень гражданского участия в российском регионе

В современной России очевидны серьезные диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов, что проявляется не только в существенных различиях темпов экономического роста, но и негативно отражается на качестве жизни населения²¹⁷.

²¹⁷ Ильин В.А. Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 411 с.

В качестве главной составляющей развития регионов выступают муниципальные образования, так как именно этот уровень позволяет в полной мере учитывать специфику развития территорий, местные ресурсы и условия. Сельские территории традиционно играют важную роль в социально-экономическом развитии России. По данным на январь 2021 г. сельское население страны составляет 36,9 млн человек (25% от общей численности населения, в Вологодской области – 27,3%)²¹⁸. Как отметил Ж.Т. Тощенко, современное российское село (за исключением исчезающих поселений) представляет собой конгломерат различных организаций, связанных не только с сельским хозяйством, но и с промышленной, торговой, туристической и другими несельскохозяйственными сферами, что ранее не наблюдалось²¹⁹.

Вместе с тем и большинство социальных проблем территориально локализованы именно на уровне муниципалитетов как наиболее приближенном к конкретным потребностям и интересам населения. Немалая часть российских малых городов и сельских поселений выживает в условиях сложной социально-демографической обстановки, социального расслоения, дефицита трудовых, финансовых, инфраструктурных ресурсов, что приводит к разочарованию населения этих территорий в идеалах справедливости, росту недоверия и социальной напряженности.

В целом следует заключить, что в стране и регионе, несмотря на государственные затраты по поддержанию жизнеспособности села, продолжается процесс пространственного сжатия и депопуляции населения и, как следствие, падения сельскохозяйственного производства, разрушения материально-технической базы сельского хозяйства и производственной инфраструктуры²²⁰. В частности, в России по данным официальной статистики заметна тенденция сокращения посевной площади сельскохозяйственных культур (с 117,705 млн га в 1990 г. до 78,5 млн га в 2014 г.), поголовья крупного рогатого скота (с 57 до 19,3 млн голов), количество тракторов (с 1345 до 247 тыс.)²²¹. Негативные изменения наблюдаются и

²¹⁸ Оперативная информация Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25.03.2021 г.)

²¹⁹ Тощенко Ж.Т. Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. 2017. № 12. 89–98.

²²⁰ Шестаков С.А. Проблемы устойчивого развития сельских территорий Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5 (17). С. 154–160.

²²¹ Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство в России в 2015 г.: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 201 с.

в Вологодской области: происходит ежегодное сокращение общей посевной площади сельскохозяйственных культур (в среднем с 2010 по 2017 год на 15 тыс. га или на 3,6%), поголовья скота (крупного рогатого скота – на 30,6 тыс. голов или на 15,6%), парка сельскохозяйственной техники (с 2010 года – более чем на треть)²²².

Состояние сельских территорий, безусловно, оказывает отрицательное влияние на экономику страны в целом и региона в частности, уровень жизни населения. По мнению экономистов, обезлюдение сельской России приводит к запустению огромных пространств, к выбытию из хозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий, что не только угрожает продовольственной безопасности страны, но и представляет геополитическую опасность²²³. По замечанию А.А. Шабуновой и Г.В. Леонидовой, в малозаселенной сельской местности формируется «социальная воронка»: снижается численность населения – затухает социально-экономическое развитие этих территорий (сокращаются производство, рабочие места, объекты социальной инфраструктуры). А это в свою очередь выталкивает молодежь из села. Обезлюдение деревень, расширение зон неосвоенного (пустого) пространства содержит и геополитические угрозы²²⁴.

В связи с этим обеспечение устойчивого развития сельской территорий в стране и ее регионах выступает актуальной проблемой. В последние годы основными инструментами государственной поддержки сельской местности выступают федеральные и региональные программы развития сельского хозяйства, которые предусматривают пути решения проблем и устойчивого экономического и социального развития села.

Нормативным документом, регламентирующим перспективное развитие сельских территорий России, является «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» (далее – Программа), в которой отдельным направлением (подпрограммой) выделено «Устойчивое развитие сельских территорий»²²⁵. Для реали-

²²² Вологодская область в цифрах. 2017 г. Вологда : Вологдастат, 2018. 167 с.

²²³ Бондаренко Л.В. Демографическая ситуация на селе и перспективы развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 3. С. 53–57.

²²⁴ Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Сельская жизнь российских женщин // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 14–25.

²²⁵ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Пост. Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/programs/208/events/> (дата обращения: 15.12.2018 г.).

зации данного направления законодатель предусматривает осуществление мероприятий по грантовой поддержке местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности, в рамках государственных программ субъектов Российской Федерации. Следовательно, на федеральном уровне признается, что для достижения поставленных целей в развитии села необходим диалог с местным населением.

Из вышесказанного можно утверждать, что одним из важных ресурсов развития сельских территорий в России выступают инициативы местного населения²²⁶. Тезис о том, что устойчивое развитие сельского пространства невозможно без стимулирования социальной самоорганизации населения, подтверждает и мировая практика²²⁷.

Таким образом, для преодоления обозначенных проблем возникает необходимость в поиске драйверов развития в регионах и их муниципальных образованиях, где наблюдается значительный рост роли нематериальных факторов в пространственном развитии местного общества. В таких условиях именно региональная социология, понимаемая одновременно как социология регионов и социология в регионах, посредством исследования поведенческих практик и массового сознания может дать более объемную и содержательно насыщенную картину жизни региональных и местных сообществ, отдельных сфер жизнедеятельности людей в их повседневной реальности, тех глубинных основ, которые необходимо учитывать в управлении²²⁸.

Акцент сделан на исследовании гражданского участия и установок к нему в муниципальных районах Вологодской области (в том числе в районных центрах), которые представляют собой малые территории (до 50 тыс. жителей). Такие территории в отличие, к примеру, от крупных городов в большей степени испытывают трудности в социально-экономи-

²²⁶ Большакова Ю.А., Суханова Т.В. Опыт регионов России по устойчивому развитию социальной инфраструктуры сельских территорий // Вестник НГИЭИ. 2015. Вып. 7 (50). С. 5–11.

²²⁷ Etzioni A. (1996). The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential address // American Sociological Review. № 61 (1). Pp. 1–11; Quaghebeur R. (2006). Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal and empowerment // Interchange. № 37 (4). Pp. 309–331; Gilchrist A. (2004). The well connected community: a networking approach to community development. Bristol: Policy Press, 248 p.; Vanin P. (2007). Social capital accumulation and the evolution of social participation // Journal of Socio-Economics. № 36. Pp. 128–143; Williams G. (2004). Evaluating participatory development: tyranny, power and (re)politicization // Third World Quarterly. № 25 (3). Pp. 557–578.

²²⁸ Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России: стат. сб. / отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 112 с.

ческом развитии, что обусловлено дефицитом рабочих мест, слабой развитостью инфраструктуры, изношенностью жилого фонда и пр. Поэтому поиск ресурсов развития для этих территорий является особенно актуальным.

При изучении гражданского участия территориального сообщества был использован сравнительно-социологический метод. Основой информации послужили результаты социологического измерения, организованного Вологодским научным центром РАН (ВолНЦ РАН) в мае – июне 2019 года на территории Вологодской области (N=1900). Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. На первой ступени квотного отбора применено территориальное районирование субъектов по уровню социально-экономического развития (использована методика, разработанная группой исследователей под руководством профессора, д.э.н. Т.В. Усковой). Районы области были разделены на пять групп: группа с высоким уровнем развития – Шекснинский, Грязовецкий и Сокольский районы, с уровнем выше среднего – Бабаевский и Чагодощенский, со средним уровнем – Великоустюгский, с уровнем ниже среднего – Тарногский, Междуреченский и Кирилловский, группа с низким уровнем – Устюженский, Белозерский, Вожегодский и Никольский районы. Кроме того, выделены крупные города: Вологда – административный, культурный и исторический центр области; Череповец – крупный промышленный центр Северо-Западного региона. Анализ проведен с учетом распределения ответов респондентов на вопрос «Где Вы живете?». В ходе социологического анализа использован индексный метод на основе разработанного автором инструментария.

Прежде чем перейти к изучению непосредственно гражданского участия, выявим особенности той среды, в которой формируются установки и вовлеченность территориального сообщества в общественно полезную деятельность. Как показывают исследования ВолНЦ РАН, в 2019 г. по сравнению с 2000 г. ситуация ухудшилась в шести районах из 13-ти, в четырех районах – осталась без изменений; только в трех муниципалитетах наблюдается улучшение (табл. 7). Следовательно, можно говорить о накоплении социально-экономических проблем на местах в долгосрочной динамике.

**Таблица 7. Социально-экономическое развитие муниципальных образований
Вологодской области (интегральный индекс*)**

Район	2000 г.		2019 г.	
	Абс. знач.	Место**	Абс. знач.	Место
Шекснинский	1,222	5	1,556	1
Грязовецкий	1,147	7	1,399	2
Сокольский	1,265	4	1,194	5
Бабаевский	0,93	12	1,145	6
Чагодощенский	1,202	6	1,064	9
Великоустюгский	1,141	8	1,042	10
Тарногский	1,861	17	0,920	12
Междуреченский	0,840	19	0,872	14
Кирилловский	0,872	16	0,871	15
Устюженский	0,857	18	0,842	16
Белозерский	0,878	17	0,824	17
Вожегодский	0,818	20	0,745	24
Никольский	0,693	26	0,745	25

* Интегральный индекс рассчитывается на основе 18 статистических показателей, характеризующих различные сферы социально-экономического развития районов области.
 ** Ранжировано по 2019 году, место среди 26 районов области.
 Источник: Социально-экономическое развитие муниципальных районов. 2000–2019 гг. Вып. 7. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. 68 с. (Проблемы эффективности государственного управления).
 Уровень социально-экономического развития районов области в таблице выделен следующей заливкой:

Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
---------	---------------	---------	---------------	--------

При изучении социально-экономической среды гражданского участия следует рассматривать не только объективные показатели (на основе статистических данных), но и субъективные (на основе оценок населения). Хотя в районах по сравнению с крупными городами выявлены более критичные оценки социально-экономического положения места проживания (в малых городах/районных центрах области индекс составил 0,53 против 0,62 в г. Вологде и 0,65 Череповце, отдельные параметры личного социального благополучия оказались не ниже, а в некоторых случаях даже выше (табл. 8).

Так, жители районов в большей степени, чем жители крупных городов области, удовлетворены своей жизнью (0,69 против 0,65 в Вологде и 0,61 Череповце), при этом для них характерен более высокий запас терпения (0,77 против 0,70 и 0,72 соответственно). Таким образом, непростые условия социально-экономической среды не сказываются на ухудшении

социально-психологического климата малых городов, что говорит о необходимости сохранения и развития этих территорий и, следовательно, о востребованности поиска эффективных направлений решения в них злободневных проблем, особенно с привлечением территориального общества.

Таблица 8. **Социально-экономическое положение места проживания и личное социальное благополучие в оценках территориального сообщества** (в индексах*)

Территория	Социально-экономическое положение муниципального образования	Социальное настроение	Запас терпения**	Удовлетворенность жизнью
Вологда	0,62	0,71	0,70	0,65
Череповец	0,65	0,70	0,72	0,61
Районы области	0,53	0,69	0,77	0,69
Среднее по опросу	0,57	0,70	0,75	0,67
* Расчет индексов: на соответствующие вопросы вариантам ответов «Очень хорошее», «Хорошее» и «Среднее» присваивался 1 балл; «Плохое» и «Очень плохое» – 0 баллов. ** Индекс рассчитывается на основе ответа на вопрос «Можно ли терпеть текущее положение дел?». Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.				

Нарастающие на муниципальном уровне социально-экономические проблемы, с которыми в одиночку не справляются ни региональные власти, ни органы местного самоуправления, объективно требуют энергии и ресурсов общественной самоорганизации, готовности территориального сообщества разделять ответственность за развитие своих территорий. Как показывают материалы социологических измерений, ответственными за решение проблем на местах население региона видит в первую очередь муниципальные и региональные органы власти: так ответили 58 и 50% респондентов соответственно (табл. 9). Между тем третье место по популярности (44%) занимает ответ о том, что развитие места проживания во многом зависит от самих жителей. Обращает на себя внимание тот факт, что население районов в большей степени осознает ответственность за включенность в решение проблем на местах, нежели жители областной столицы и промышленного центра (52% в районах против 40% в Вологде и 29% – в Череповце). То обстоятельство, что население воспринимает себя как субъекта, ответственного за развитие окружающей социальной среды, дает основание говорить о серьезном потенциале включенности сообщества в сельской местности в практики гражданского участия как нематериальном ресурсе развития этих территорий.

Таблица 9. Распределение ответственности за развитие территорий в оценках территориального сообщества Вологодской области (в % числа от опрошенных)

Ответ на вопрос «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего места проживания?»	Вологда	Череповец	Районы области	Среднее по опросу
От органов местного самоуправления	72,7	51,8	53,3	57,9
От органов государственной власти региона	61,6	57,9	39,6	50,0
От федеральных органов власти	43,9	45,6	39,0	40,9
От главы муниципального образования	27,1	47,5	40,2	38,7
От самих жителей	40,1	28,5	52,2	43,9
От частного бизнеса	6,5	15,8	11,0	11,1
От общественных организаций	8,5	18,8	9,0	11,4
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.				

Одной из ключевых установок к реальному включению территориального сообщества в практики гражданского участия, наряду с гражданской ответственностью, выступает готовность к объединению для решения социально значимых проблем²²⁹. Выявлено, что в районах несколько отличаются общественные проблемы, для решения которых готово объединяться местное население: в первую очередь это решение повседневных проблем своего населенного пункта (0,61), обустройство территории проживания (0,57), помощь нуждающимся людям (0,55; табл. 10). Вместе с тем в крупных городах наиболее популярные направления, в которых готово участвовать их жители, – защита своих прав (0,61), самоуправление на уровне подъезда или дома (0,52), защита природы, забота о бездомных животных (0,51). Следует заметить, что в целом уровень готовности территориального сообщества к конструктивному объединению в зависимости от типа населённого пункта не показывает значительной разницы.

Таблица 10. Готовность объединения территориального сообщества для участия в различных практиках гражданского участия (в индексах*)

Варианты ответа**	Вологда и Череповец	Районы области
Решать проблемы своего населенного пункта	0,38	0,61
Обустраивать территорию проживания	0,5	0,57
Помогать нуждающимся людям	0,47	0,55
Защитить свои права	0,61	0,47
Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	0,52	0,46

²²⁹ Токвиль А. Демократия в Америке: пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

Варианты ответа**	Вологда и Череповец	Районы области
Защищать природу, заботиться о бездомных животных	0,51	0,43
Включиться/поддержать в экологическое движение (раздельный сбор мусора, сохранение зеленых насаждений и т.п.)	0,43	0,38
Протестовать против неправильных действий властей	0,35	0,33
Участвовать в принятии решений по застройке населенного пункта (градостроительный совет и т.п.)	0,27	0,3
Бороться с преступностью, пьянством, наркоманией	0,3	0,27
Защищать право на свободу собраний и шествий	0,25	0,24
Разрешать трудовые споры (незаконное увольнение, т.п.)	0,3	0,2
* Индекс рассчитан на основе ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы...»; 1 балл – варианты ответа «Да» и «Скорее да», 0 баллов – варианты ответов «Нет» и «Скорее нет» по каждому предложенному варианту. ** Ранжировано по ответам респондентов районных центров (малых городов). Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.		

При изучении гражданского участия в социокультурном поле важнейшим вопросом является изучение не только установок сообщества к участию, но и его мотивов участия/неучастия к подобной деятельности. Немецкий социолог М. Вебер впервые вводит и научно обосновывает понятия «социальное действие» – действие (включая невмешательство или терпеливое приятие), ориентированное на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других²³⁰, и «общностно-ориентированные действия», когда действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей²³¹, что по сути и отражает смысл гражданского участия. Отдельное внимание ученый уделяет мотивам вовлеченности индивидов в социальные действия и выделяет: 1) целерациональные – в основе лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) ценностно-рациональные – основаны на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) аффективные – обусловлены аффектами

²³⁰ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. С. 625.

²³¹ Там же. С. 509–511.

или эмоциональным состоянием индивида; 4) традиционные – основаны на длительной привычке²³². Типология социального действия Вебера позволяет рассматривать гражданское участие как деятельность, имеющую осознанную направленность с ценностными ориентирами и поставленной целью.

Большая часть рассмотренных научных трудов посвящена выявлению внутренних факторов участия (мотивирующих причин), к примеру, таких как отсутствие/наличие интереса к общественной деятельности²³³, чувства общности, идентичности²³⁴. При этом в литературе встречается позиция, что основным барьером для развития гражданского участия является именно несформированная мотивация людей к общественной деятельности, которая связана с интересом, пониманием цели, значения и смысла действий, в то время как институциональные условия важны, но имеют второстепенное значение²³⁵. В контексте этого констатируют необходимость в разработке средств повышения мотивации, полагая эффективным направлением рост осведомленности общественности о преимуществах и результатах гражданского участия²³⁶.

Согласно результатам проведенного нами социологического исследования треть населения региона (32%) связывает основные мотивы участия с солидарными установками («с каждым может случиться беда»); еще треть респондентов (28%) через участие стремится получить общественное признание; для каждого пятого (20%) это способ для расширения социальных связей (табл. 11). Важнейшая причина неучастия по самооценкам населения кроется в убеждении, что помощь должно оказывать государство, а не благотворители (51%). Кроме того, низкая мотивированность к вовлеченности в общественно полезные практики определяется недоверием к их результатам: 37% респондентов не верят, что их помощь действительно дойдет до адресата.

²³² Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. С. 628–630.

²³³ Why M.T. (2019). E-participation systems fail: The case of Estonia's Osale.ee. / *Government Information Quarterly*. № 36 (3). Pp. 546–559.

²³⁴ Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Cruz-Jesus F., Martins J., Xavier N. (2019). Examining social capital and individual motivators to explain the adoption of online citizen participation // *Future Generation Computer Systems*. № 92. Pp. 302–311.

²³⁵ Задорин И.В. Власть и общество в России: развитие взаимодействия и повышение эффективности гражданского участия. М.: Циркон, 2010. 48 с.

²³⁶ Chado J., Johar F.B. Public Participation Efficiency in Traditional Cities of Developing Countries: A Perspective of Urban Development in Bida, Nigeria *Procedia* // *Social and Behavioral Sciences*. 2016. № 219 (31). Pp. 185–192.

Таблица 11. **Мотивы участия/неучастия в общественно полезной деятельности по самооценкам территориального сообщества (Вологодская область)**
(в % от числа ответивших по каждому суждению, среднее по опросу)*

Мотивы участия	%	Мотивы неучастия	%
С каждым может случиться беда	32	Помощь людям должно оказывать государство, а не благотворители	51
Желание заслужить одобрение общества (друзей, знакомых, близких)	28	Я не верю, что моя помощь действительно дойдёт до адресата, будет использоваться по назначению	37
Возможность получить связи, контакты	20	У меня и моей семьи много своих проблем, нет времени заниматься общественной деятельностью	20
Мне хочется сделать что-то полезное, помочь людям	15	Мне это не интересно	12
Потому что сам(а), мои родные, близкие когда-то оказывались в тяжёлой ситуации	12	Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	11
У меня много свободного времени, мне нечего делать	5	Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи	9
Получить материальное вознаграждение	3	Такая деятельность не даёт мне возможности личностного роста	9
* Распределение ответов респондентов на вопросы «Почему Вы участвуете в общественно полезной деятельности?» и «Почему Вы не участвуете в общественно полезной деятельности?». Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.			

На основе анализа материалов количественного и качественного социологического исследования мы условно выделяем два типа мотивационных убеждений к участию: ценностно-рациональные и целерациональные (по терминологии М. Вебера). Первые связаны с желанием людей изменить мир к лучшему, не оставаться безразличными к другим, создать более комфортные условия жизни для своих детей и внуков: *«Пришло то время, когда у меня уже дети есть, мне небезразлично, в каком они обществе будут дальше жить. Есть какие-то нереализованные свои желания делать добро, и быть нужным людям»* (эксперт 9). Многие активисты начали свою общественную деятельность, имея за плечами большой опыт работы и значимые достижения: *«Передо мной, как перед человеком, встал вопрос: что дальше? что я хочу еще иметь в этой жизни? Ведь не хлебом единым жив человек. Эти размышления привели к тому, что надо что-то делать на общественной ниве, не связанной с предпринимательской деятельностью. Заняться работой, которая бы приносила пользу другим людям»* (эксперт 1). *«Общественной деятельностью я решила заняться, когда, работая в муниципальной организации, мы с коллегами увидели ряд проблем, которые ресурсы нашей организации не позволяют решить. Соответственно мы решили задуматься о дополнительных источниках финансирования для решения проблемы»* (эксперт 33). Нравнодушие, невозможность пройти мимо (эксперт 35), понимание, что *«своими действиями*

ты каким-то образом меняешь мир» (эксперт 36), осознание, что путем конструктивного участия можно добиться результата (эксперт 19), по мнению экспертов, заложены у человека в крови: «Это гены, которые не дают спокойно жить. У меня и бабушка, и дедушка, и родители были очень активными в жизни поселка. Поэтому я сама, видя какие-то недостатки в деревне, хочу чем-то заниматься и решать эти проблемы» (эксперт 14).

На формирование ценностно-рациональных мотивов большое влияние оказывает среда, в которой человек растет. Так, многие эксперты связывают начало своей общественной деятельности с советским прошлым: *«Это все еще было с комсомольской деятельностью, это, конечно, и сплачивало, и придавало много энергии от общения с людьми, когда отдачу видишь, когда видишь, что все, что ты делаешь, это нужно, это важно» (эксперт 8); «Вот эта вот возможность почувствовать себя нужными, она предоставлялась и в общественных организациях, и энтузиастами-учителями» (эксперт 8). Организации, созданные в рамках реализации советских государственных программ, и в настоящее время ведут активную работу: «ВОСВОД, ВДПО, Красный крест, Общество охраны природы, защитников культуры и т.д.» (эксперт 9).*

Активная гражданская позиция зачастую формируется на основе примеров, которые человек видит в своем окружении. *«У каждого человека заложены будущие успехи. Главное – вовремя их заметить и развивать. Мне кажется, это надо делать с самых ранних лет. Они обязательно проявляются, у кого-то умело, у кого-то не очень, у кого-то со знаком плюс, а у кого-то со знаком минус. Лидер может быть и в драке. Может быть лидер по защите каких-то интересов, не всегда правильных. То есть надо это разглядеть (для этого существуют родители и учителя) и направить в нужное русло, обеспечивать поддержку и помощь. За руку этих людей водить не надо, но работать с ними нужно» (эксперт 7).* В настоящее время глобализации и распространения интернет-технологий такой пример необязательно может быть из ближайшего окружения человека: *«Вот и там показывали про мужчину, который в одиночку убрал пляж. Ну вот этот пляж там дикий, там люди ездили, кидали мусор. Он просто ездил, убирал, убрал весь. Я подумал и решил убрать двор» (эксперт 43).* В связи с этим очевидно, что на развитие мотивации к участию можно оказывать влияние. Некоторые общественные объединения проводят специальные занятия, тренинги с волонтерами (эксперт 11).

Вторым условным типом мотивов участия можно назвать целерациональные (утилитарные), в основе которых лежит желание получить

необходимые опыт, навыки или выстроить систему нужных контактов. *«Подрастающее поколение – более меркантильное. Заниматься общественной деятельностью им выгодно с точки зрения поступления. За эту деятельность начисляются баллы. В то же время, когда они начинают что-то делать, они делают это добросовестно»* (эксперт 16). Утилитарные мотивы не отменяют пользы, которую человек приносит обществу, все же предполагают наличие морально-нравственной мотивации в определенной степени, которая позволяет оценить обратную связь *«от людей, для которых мы делаем проекты»* (эксперт 33).

Анализ результатов социологического измерения выявил общее и особенное в развитии гражданского участия в районах по сравнению с Вологдой и Череповцом. Среди населения районов, как и крупных городов, наиболее распространенной практикой выступает участие в политических выборах (индекс – 0,84–0,85) – традиционный способ выбора власти и соответственно политического курса на центральном и местном уровне (табл. 12).

Таблица 12. **Вовлеченность территориального сообщества в различные практики гражданского участия** (в индексах)

Репертуары	Практики	Вологда и Череповец	Районы области
Общественно-политическое пространство			
Электоральное участие	Выборы	0,6	0,55
	Избирательная кампания		
Политическое сообщество	Деятельность политической партии	0,08	0,045
	Деятельность политической группы		
Протестное участие	Митинги, демонстрации, пикеты	0,1	0,05
	Забастовки		
Общественное мнение и контроль	Общественные слушания, общественный контроль	0,16	0,06
	Подписание обращений, петиций в органы власти		
	Обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде		
Нормированный индекс		0,23	0,14
Кооперация по благоустройству места проживания	Коллективное благоустройство, субботники	0,5	0,47
	Работа домового комитета, совета дома		
Благотворительное участие	Сбор пожертвований, вещей для нуждающихся	0,25	0,235
	Волонтерская работа		
Ассоциированное участие	Деятельность общественных организаций	0,297	0,19
	Работа родительского комитета (в школе, д/с)		
	Деятельность профсоюзной организации		
	Деятельность интернет-сообщества		
Нормированный индекс		0,34	0,29
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2021 г.			

Между тем, следует констатировать, что включенность в электоральные практики все больше носит формальный характер. На втором месте по популярности, но с большим отрывом выступает включенность территориального сообщества (и малых городов, и крупных) в коллективное благоустройство на уровне места проживания, однако заметно отставание малых территорий (0,62 против 0,68 соответственно). По остальным перечисленным практикам гражданского участия также наблюдается более низкий уровень включенности населения районов по сравнению с областной столицей и г. Череповцом – крупным промышленным центром региона и округа.

Таким образом, если по уровню готовности к гражданскому участию не выявлено существенных различий между районами и крупными городами, то относительно реальной вовлеченности в общественно полезную деятельность заметен разрыв. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что независимо от территориального критерия в целом готовность территориального сообщества к включенности в общественно полезную деятельность выше, чем реальное участие, что говорит о концентрации на местах нереализованных возможностей для дальнейшего расширения гражданского участия как основного нематериального фактора развития российского общества.

Анализ материалов качественного социологического исследования позволяет констатировать, что существуют проблемы с гражданской активностью в зависимости от территории. Как отмечают представители муниципальной власти, *«мы даже пытались ТОСЫ создавать, но активность минимальная. Люди не идут. В городах совсем другое дело. Бьются за благоустройство территории какого-то квартала или района. У них площадь заселения большая. В двух-трех двенадцатиэтажных домах живет народу больше, чем у нас во всех деревнях, вместе взятых. Понятно, что и бюджет у города другой, и возможности в плане доступности власти»* (эксперт 15). В то же время эксперты, как правило, с оптимизмом относятся к развитию общественного сектора в сельском пространстве: *«Гражданское общество похоже на неограниченный камень. Мы его только-только начинаем огранять. Раньше не могли понять, что такое волонтерство, и с чем его едят. Только сейчас пришло осознание, как это хорошо и даже выгодно. Я думаю, что в будущем появится и взаимопонимание, и взаимосвязь. Но сейчас общество на селе не до конца понимает, зачем нужно добровольчество. Но за этот год понимание и уважение к волонтерской деятельности сильно возросли»* (эксперт 16).

Материалы мониторинга общественного мнения, организованного ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, позволяют выявить динамику показателей гражданского участия за десятилетний период, в том числе охватывая 2019–2021 годы, что дает возможность рассмотреть специфику состояния общественной сферы в период коронакризиса²³⁷.

Социологические данные показывают, что уровень субъективной ответственности граждан за состояние дел в городской и сельской среде региона оставался примерно одинаковым на протяжении 2011–2016 гг. (рис. 8). Однако с 2017 года он подвержен колебаниям,

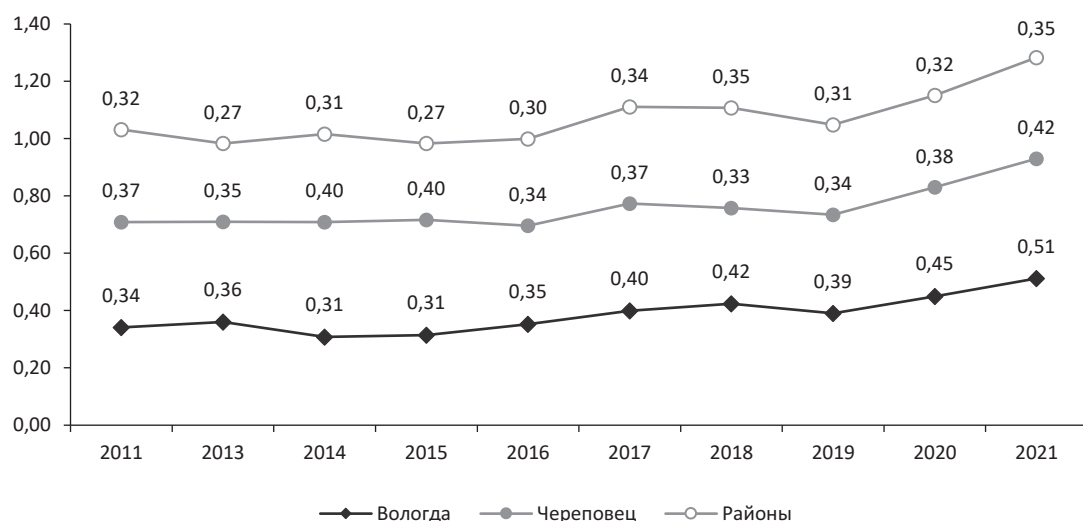

Рисунок 8. Динамика уровня гражданской ответственности территориального сообщества; Вологодская область, 2011–2021 гг. (в индексах)*

* Индекс «Ощущение ответственности за состояние дел» рассчитывался по вопросу «Ответьте, пожалуйста, чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел в городе, районе, в регионе?».

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

²³⁷ Мониторинг осуществляется 6 раз в год. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов (N=1500). При этом респондент самостоятельно заполняет анкету и затем возвращает ее анкетёру. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки – это выделение типичных субъектов Вологодской области, которое включает города Вологду, Череповец и 8 районов: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведётся отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Величина ошибки выборки не превышает 3%.

с заметным усилением чувства ответственности за состояние дел в городе, районе, в регионе последние три года – с 2019 по 2021 г. – кризисный период, вызванный распространением COVID-19. Наибольшие значения индексов и наиболее быстрый темп их увеличения характерны для областной столицы – города Вологды.

Для динамики уровня гражданского влияния характерны колебания с периодами снижения в 2013–2015 гг. и заметным ростом с 2019 года (для крупных городов; рис. 9). При этом в городе Череповце и муниципальных районах области уровень 2021 года сравнялся со значением 2011 года, а в Вологде – превзошел его, позволив городу сохранить более высокий уровень гражданского влияния, наблюдаемый с 2016 года.

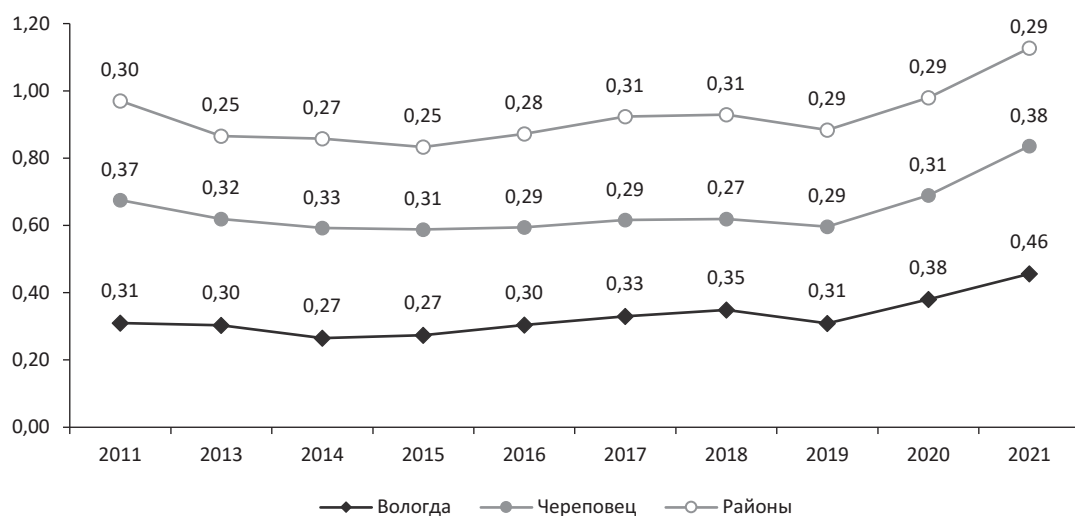

Рисунок 9. Динамика уровня гражданского влияния территориального сообщества; Вологодская область, 2011–2021 гг. (в индексах)*

*Индекс гражданского влияния рассчитывался по вопросу «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел в городе, районе; в регионе.?».

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

Численность территориального сообщества, готового объединяться с другими для каких-либо совместных действий, в 2021 году является примерно такой же, как в 2014 году (рис. 10). Резкий спад готовности к объединению зафиксирован в 2016 г., после чего наблюдается равномерная динамика, характеризующаяся устойчивым ростом с 2019 года. Таким образом, в период пандемии наблюдается увеличение уровня готовности территориального сообщества как в городской, так и сельской среде для совместных действий.

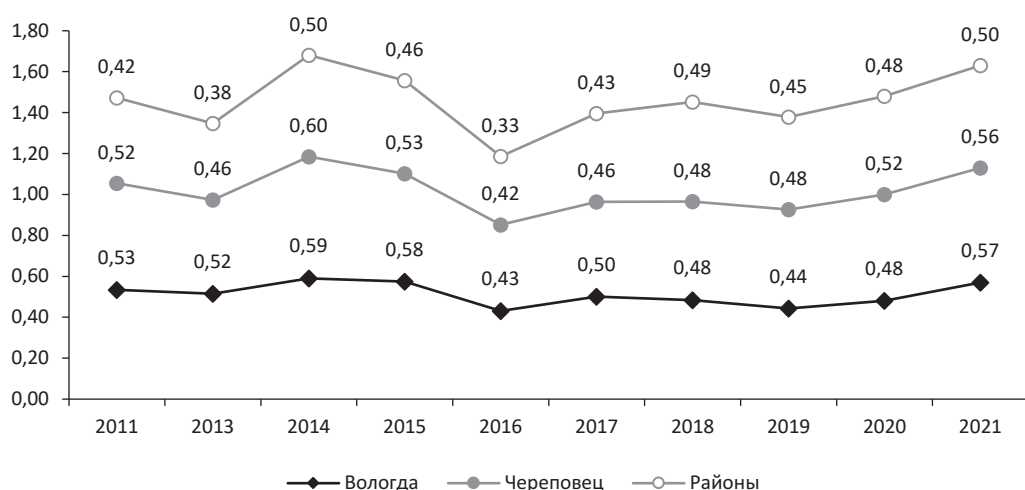

Рисунок 10. Динамика уровня готовности к объединению территориального сообщества для совместных действий; Вологодская область, 2011–2021 гг. (в индексах)*

* Индекс «Готовность к объединению» рассчитывался по вопросу «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?».

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

Расчет интегрального индекса установок территориального сообщества к участию в течение 2011–2021 гг. показал, что его максимальное значение, составившее выше 0,51, зафиксировано в городе Вологде в 2021 году (рис. 11). Минимальные значения индекса зафиксированы в районах области в 2013 г. (0,29), в городах – в 2016 г. (Череповец – 0,35, Вологда – 0,36). В период пандемии (2019–2021 гг.) итоговый показатель установок к участию увеличился в областной столице на 0,13 пункта, в г. Череповце на 0,08 пункта, в районах на 0,03 пункта.

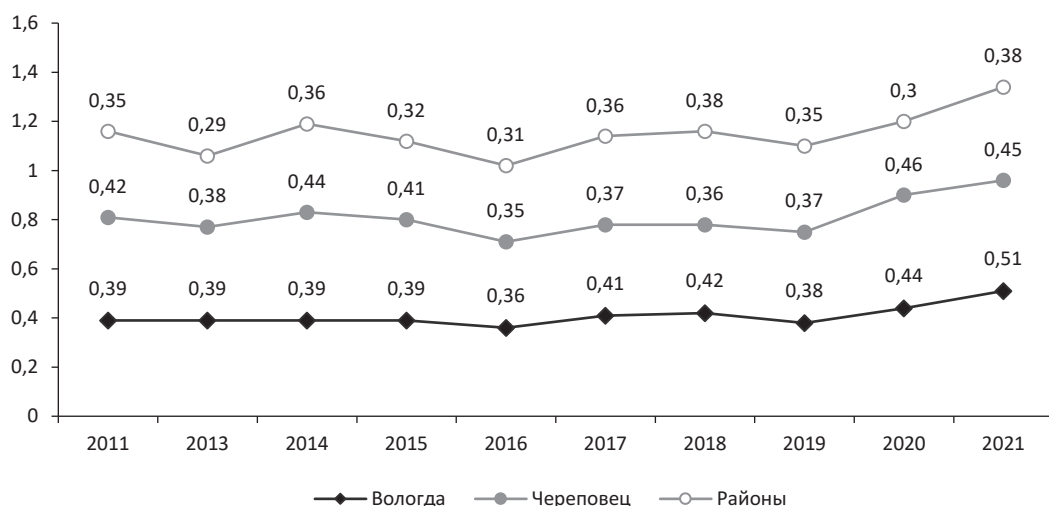

Рисунок 11. Динамика уровня интегрального индекса установок к участию территориального сообщества; Вологодская область, 2011–2021 гг. (в индексах)*

* Итоговый индекс установок к участию рассчитывался как среднее арифметическое из трех индексов: «Ощущение ответственности за состояние дел», «Возможность лично повлиять на состояние дел» и «Готовность к объединению», каждый из которых принимает значения от 0 до 1. Таким образом, минимальное значение этого индекса также равно 0, максимальное – 1.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

Оценка динамики итогового индекса гражданского участия за период 2011–2021 гг. позволила выявить, что максимальное для районов области значение составило 0,28 и зафиксировано в 2013 г.; после спада в 2016 г. наблюдается постепенный рост, наиболее стабильный в последние три года (2019–2021 гг.; рис. 12). В Череповце максимальное значение итогового индекса зафиксировано в 2015 г. После резкого спада в 2016 году значение индекса не превышало 0,24, несмотря на постепенный рост. В Вологде динамика итогового индекса менее равномерна: стабильный рост наблюдался с 2011 по 2015 г., резкий спад зафиксирован в 2016–2017 гг. (минимальное значение индекса составляло 0,14 и 0,13 соответственно); увеличение индекса возобновилось в 2020–2021 годах и достигло максимального значения в 2021 г. (0,28). В целом и в городском, и сельском пространстве с 2019 г. наблюдается рост уровня гражданского участия.

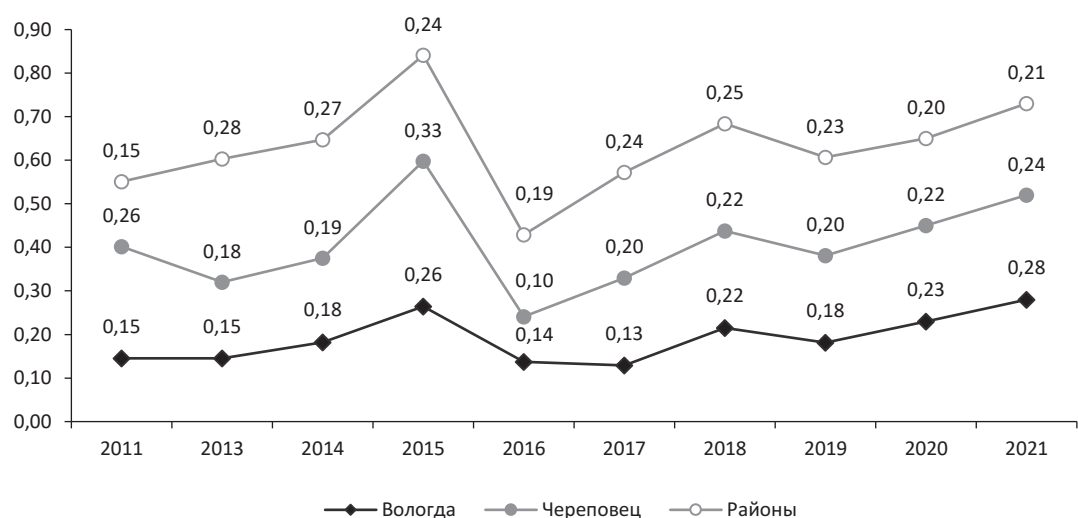

Рисунок 12. **Динамика уровня гражданского участия территориального сообщества; Вологодская область, 2011–2021 гг. (в индексах)***

* Итоговый индекс гражданского участия рассчитывался по перечисленным в вопросе мероприятиям общественной и политической жизни.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

Анализ социологических данных за десятилетие демонстрирует позитивную динамику оценок сплоченности территориального сообщества: в период с 2011 по 2021 г. рост в городе Вологде составил 28,8%, в городе Череповце – 19,5%, в районах области – 5,7% (рис. 13). Существенный

рост показателя заметен к 2015 г., что, вероятно, связано с событиями «Крымской весны», вызвавшими всплеск патриотических настроений в российском обществе. С 2015 года наблюдается устойчивое усиление сплоченности территориального сообщества; в 2021 году 48,1% опрошенных считает, что в сообществе больше согласия, чем разобщения. Для Вологды характерен постоянный рост значений показателя в 2011–2015 гг. (до 41%), затем следуют спад (до 38,4 в 2016 г. и 38,5% в 2017 г.) и некоторая стабилизация с 2018 года. В Череповце максимальное число респондентов, считающих, что в сообществе больше согласия и сплоченности (47%), зафиксировано в 2017 году; за 2019–2020 гг. этот уровень снизился до 34,6% опрошенных. В 2021 г. в регионе как в городской, так и сельской среде, не выявлено значительных изменений уровня сплоченности. Таким образом, очевидно, что пандемия в целом оказалась полной неожиданностью, причем не столько медицинской и эпидемиологической, сколько социальной²³⁸.

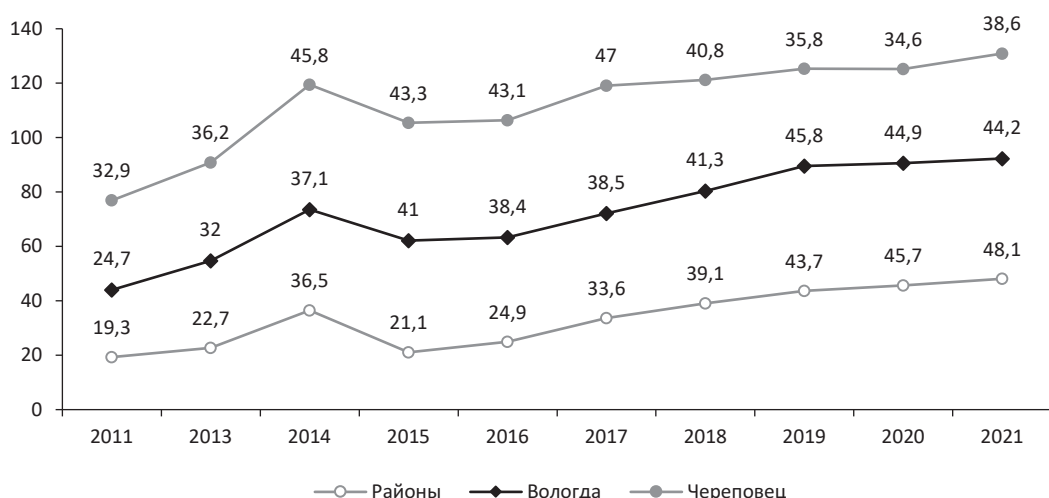

Рисунок 13. **Динамика оценок сплоченности территориального сообщества; Вологодская область, 2011–2021 гг.** (в % от числа опрошенных)

* Вопрос – «Как Вы считаете, чего сегодня больше в месте Вашего проживания: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?», ответы – «Больше согласия, сплоченности».

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

²³⁸ Горшков М.К. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии Covid-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 739–754.

Уровень и потенциал (установки) гражданского участия неравномерно распределены среди различных социально-демографических групп, представители которых по-разному оценивают как степень актуальности стоящих перед ними проблем, так и эффективность своего участия в их решении. В первую очередь показатели гражданского участия определяются отношением территориального сообщества к месту проживания: среди территориального сообщества, не готового уехать из своего региона, значительно выше уровень установок и реального участия (среднее значение индексов 0,6 и 0,44).

Анализ социально-демографического портрета респондентов показал, что значения индекса гражданского участия и установок также выше среди граждан, имеющих высшее образование, активно пользующихся возможностями Интернета, молодежи.

Образование выполняет интегрирующую функцию, которая заключается в приобщении граждан к культурным ценностям, что способствует формированию, в том числе, активной гражданской позиции. Ученые приходят к выводу, что чем выше уровень образования индивида, тем более активную гражданскую позицию он занимает²³⁹. В частности, Р. Патнэм отмечает, что образование – это важнейший фактор различных форм социального участия²⁴⁰. Как полагают М.К. Горшков и И.Н. Трофимова, образование влияет на качество и уровень гражданской активности населения²⁴¹. Согласимся с их тезисом: чем выше уровень образования индивида, тем больший интерес он проявляет к политике и общественной жизни и тем выше его способность к пониманию происходящих процессов²⁴².

Так, среди респондентов с высшим образованием итоговый индекс установок составляет 0,51, итоговый индекс участия – 0,35 (против средних значений по опросу 0,35 и 0,29 соответственно; рис. 14 и 15). На уровень участия и установок к нему оказывают влияние и цифровые

²³⁹ Dewey J. (2011). *Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education*. L-A.: Indo-European Publ., 421 p.

²⁴⁰ Putnam R.D. (2001). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster, 541 p.

²⁴¹ Горшков М.К., Трофимова И.Н. Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1 (13). С. 7–18.

²⁴² Уханова Ю.В. Российская интеллигенция: образование как фактор формирования гражданской позиции // Интеллигенция и мир. 2018. № 1. С. 72–90.

коммуникации: среди активных пользователей интернет-ресурсов (пользуются Интернетом ежедневно) выше показатели готовности и реального включения в общественно полезную деятельность (значения индексов – 0,49 и 0,35; среди неактивных пользователей Интернета соответствующие показатели составили 0,32 и 0,28). Вместе с тем выявлено, что на показатели установок к участию воздействует возрастной критерий, хотя в меньшей степени, чем образование: соответствующий индекс выше среди респондентов от 30 до 60 лет. Отметим, что среди экспертов наибольшие опасения вызывают проблемы низкой степени участия людей среднего возраста, поскольку они показывают «среднюю температуру» общества, как наиболее работоспособное, создающее благосостояние поколение: *«Они должны играть первую скрипку. На самом деле все получается по-другому. Именно эти люди из общественной жизни выброшены абсолютно»* (эксперт 29).

Рисунок 14. Итоговый индекс установок (социально-демографический портрет)

Рисунок 15. Итоговый индекс участия (социально-демографический портрет)

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2021 г.

Выводы по главе 2. Таким образом, исследование показало, что гражданское участие в современном мире воспринимается как один из важнейших ресурсов общественного развития, хотя отмечается обеспокоенность снижением его уровня и недостаточным использованием потенциала. На основе сравнения международных данных обосновано, что полученные эмпирические данные за последние годы, не дают основания говорить о тревожных тенденциях снижения уровня основных показателей. Выявлено, что в наибольшей степени в различные формы и практики участия вовлечено население таких европейских стран, как Норвегия, Финляндия, Великобритания, Германия, где исторически сложилось развитое гражданское общество, способное оказывать влияния на государство и политику.

Определено, что по всем представленным практикам политического и социального участия заметно отставание России при сравнении с другими странами. Во многом это обусловлено тем, что Россия традиционно принадлежала и продолжает принадлежать к странам, которые больше ориентированы на роль государства, чем на гражданское общество.

Обращение к изучению исторических аспектов развития гражданского участия локального сообщества выявило, что в дореволюционный период, особенно с середины XIX века, наблюдается процесс институционализации вовлеченности населения в решение социально значимых проблем на местах. К началу XX в. в губернском городе Вологде, как и в целом по стране, функционировала довольно обширная, разнообразная сеть общественных организаций, действовавших в области социальной защиты, образования и здравоохранения, развития культуры, просветительства, безопасности и др. Общественные организации возникали и осуществляли свою деятельность при поддержке государства, органов местного самоуправления, общественности, предпринимательских кругов. Однако сделан вывод, что отсутствие демократических традиций в российском обществе, приводило к тому, что с одной стороны правительство разрешало развитие гражданских инициатив, а с другой – опасалось роста социальной активности, распространения ценностей правовой культуры, гражданского долга и ответственности, что подрывало государственные устои.

Проведенный нами анализ показал, что в современный период в России на региональном уровне особенностью потенциала участия является высокая степень готовности территориального сообщества к объедине-

нию для решения социальных проблем в сочетании со средним уровнем гражданской ответственности и низким уровнем осознания гражданского влияния. Активность гражданского участия распределена неравномерно между его практиками и, соответственно, типами репертуаров в общественно-политическом и социально-экономическом контекстах. Высокий уровень определен для таких типов репертуаров, как электоральное участие и неформальное благотворительное участие. В среднем уровень установок к участию выше, чем показатели реального участия, что свидетельствует об имеющемся, но слабо реализованном потенциале для развития гражданского участия в регионе. Уровень и потенциал гражданского участия неравномерно распределены среди различных социально-демографических групп, представители которых по-разному оценивают как степень актуальности стоящих перед ними проблем, так и эффективность своего участия в их решении.

В целом непростые условия социально-экономической среды не сказываются на ухудшении социально-психологического климата сельских территорий и малых городов, что свидетельствует о необходимости сохранения и развития этих территорий, в том числе с привлечением ресурсов общественной самоорганизации. Территориальное сообщество на уровне районов постепенно вовлекается в процессы развития своих территорий (особенно относительно их благоустройства), избавляя государственные структуры и органы местного самоуправления от функции регулирования социально-бытовых проблем. В то же время исследование показало, что население малых территорий демонстрирует более низкий уровень непосредственной вовлеченности в практики участия по сравнению с крупными городами.

Вместе с тем выявлено, что население районов области в большей степени осознает ответственность за включенность в решение проблем на местах, нежели жители областной столицы и промышленного центра, т.к. уровень их готовности к подобной деятельности не ниже, чем в крупных городах. Это дает основание говорить о серьезном потенциале включенности территориального сообщества малых городов в практики гражданского участия как нематериальном ресурсе развития этих территорий и соответственно требует выработки эффективных управленческих решений для реализации выявленного потенциала. В динамике за десятилетний период наблюдается рост показателей гражданского участия, в том числе позитивные изменения заметны в 2019–2021 гг., в условиях новых вызовов и рисков, связанных с пандемией COVID-19.

ГЛАВА 3

ЭФФЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ, БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

3.1. Эффекты гражданского участия в региональном пространстве

В исследовательском поле важнейшей проблематикой является выявление не столько уровня развития отдельных показателей гражданского участия, а сколько его эффектов (результативности). Ученые обосновывают, что заинтересованное участие общественности усиливает законность и подотчетность политики²⁴³, расширение прав и возможностей субъектов участия²⁴⁴, социальное обучение²⁴⁵, социальные преимущества (расширение социального и человеческого потенциала). Значительно реже исследования сосредоточены на материальных выгодах участия: в частности, было признано, что участие может переложить бремя расходов с государства на добровольные усилия местных жителей²⁴⁶. Кроме положительных оценок результатов участия в литературе встречаются и критические подходы: участие, сотрудничество и

²⁴³ Cornwall A. (2008). Unpacking «Participation»: models, meanings and practices // *Community Development Journal*. № 43 (3). Pp. 269–283.

²⁴⁴ Okali C., Sumberg J., Farrington J. (1994). *Farmer participatory research: rhetoric and reality* – London: Overseas Development Institute.

²⁴⁵ Blackstock K.L., Kelly G.J., Horsey B.L. (2007). Developing and applying a framework to evaluate participatory research for sustainability // *Ecol. Econ.* № 60. Pp. 726–742.

²⁴⁶ Hallett C. (1987). *Critical Issues In Participation Association of Community Workers* – Sheffield.

эффективность могут противопоставляться, может встречаться «притворное» участие²⁴⁷. В меньшей степени, чем эффекты, в научных кругах поднимаются вопросы стоимости участия. Добровольное участие рассматривается зачастую как бесконечный ресурс, причем поднимаются в основном вопросы нематериальных затрат²⁴⁸. С практической точки зрения возникает справедливый вопрос, кто должен нести расходы при реализации различных практик гражданского участия: государство, общественный сектор или бизнес. Безусловно, в идеале должна быть взаимная ответственность в рамках общественно-государственного партнёрства, однако в реальности это далеко не всегда достигается²⁴⁹. Представляется, что в исследовательском дискурсе, несмотря на сложность измерения, вопросы как материальной, так и нематериальной выгоды и стоимости участия заслуживают особого внимания для понимания эффективности этих процессов.

В настоящем параграфе рассматриваются позитивные изменения (эффекты) в общественно-политической, социально-экономической и социокультурной сферах, происходящие в результате вертикальных и горизонтальных взаимодействий субъектов в контексте гражданского участия.

Общественно-политическое пространство. Одной из основных функций политического формата гражданского участия является его способность выступать в качестве механизма обратной связи, обеспечивать передачу сигналов в политические властные институты, т. е. это деятельность, направленная на прямое или косвенное влияние в отношении политики различных уровней власти. Гражданское участие позволяет корректировать, модифицировать, изменять институциональные формы, программы, правила таким образом, чтобы они более соответствовали интересам населения.

Анализ практик показал, что при вертикальном взаимодействии широкомасштабно реализуются только три первые ступени гражданского участия (согласно подходу Ш. Арнштейн): информирование, консультирование, умиротворение, на которых граждане могут слушать и быть услы-

²⁴⁷ Musch A., Streit A. (2020). (Un)intended effects of participation in sustainability science: A criteria-guided comparative case study // *Environmental Science & Policy*. № 104. Pp. 55–66.

²⁴⁸ Anggraeni M., Gupta J., Hebe J.L., Verrest M. (2019). Cost and value of stakeholders participation: A systematic literature review *Environmental Science & Policy*. № 101. Pp. 364–373.

²⁴⁹ Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов и механизмов муниципальной публичной политики (на примере Республики Татарстан) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2020. № 2. С. 26–37.

шанными, имеют право совещательного голоса, но при этом за властью сохраняется право принимать решения. Другие ступени гражданского участия – партнерство, делегирование полномочий, контроль не осуществляются в полной мере²⁵⁰.

Однако сам факт гражданского участия, независимо от эффекта взаимодействия с властями, создающими институциональные возможности либо ограничения для участия, в целом более позитивно сказывается на восприятии своего контрагента, чем отчуждение, отказ от взаимодействия, что приводит к напряженности в обществе (*«Вместо того, чтобы что-то делать, решать, участвовать, лежат на диване и ругают власть»* (эксперт 6)).

Среди способов эффективного влияния на местную власть территориальное сообщество предпочитает формы прямого диалога с местными властями (личное обращение жителей в органы власти – доля положительных ответов в среднем по регионам составила 47%, коллективные письма и жалобы – 45%), а также привлечение внимания к проблеме СМИ (блогеров, журналистов, размещение постов в соцсетях; 41%; рис. 16). Гораздо менее популярны во всех исследуемых регионах массовые акции (согласованные с властью демонстрации, митинги, акции протеста). Исходя из этого можно заключить, что наиболее востребованная «ниша» для гражданского участия в политическом пространстве связана с институтом обращений в инстанции. Именно этот институт среди политических институтов унитарного устройства, доминирующих в России, выполняет функции обратной связи. Как справедливо отмечает С.Г. Кирдина, трансляция обращений в инстанции иерархической политической структуры и через эту деятельность – включенность в процесс управления и выполнение необходимых контролирующих функций может служить одной из важнейших форм гражданского участия в России²⁵¹.

В ходе экспертного опроса было выявлено, что уровень гражданского участия в последние годы заметно повышается. По словам представителей органов власти, *«сейчас население, я не знаю, как раньше было, но вот именно в последние 5–7 лет оно стало более активным, потому что оно отзывается на любой, так сказать, призыв, то есть, и органов*

²⁵⁰ Смолева Е.О. Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хабиутализация или институционализация «сверху» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 244–260.

²⁵¹ Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социологические исследования. 2012. № 2 (334). С. 63–73.

исполнительной власти. И мы собираем руководителей предприятий, и с населением проводятся работы, и управляющие компании работают с населением, да. Если нам нужно что-то сделать, то мы это делаем совместно» (эксперт 31).

В то же время нельзя сказать, что это процесс развивается только в положительном контексте. В ходе интервьюирования было высказано мнение, что «самые активные люди – это те, когда кто-то чем-то недоволен. А когда требуется хорошее дело поддержать, то все разбегаются. В этом плане активность очень недостаточная» (эксперт 3); «люди пытаются решить эту проблему исключительно путем жалобы либо во властную структуру, либо в надзирающие органы. Пишут в газеты, ведут блоги» (эксперт 27).

Рисунок 16. **Оценки способов эффективного влияния на местную власть со стороны территориального сообщества** (в % по каждому суждению)

При оценке возможности участия в протестной деятельности большая часть респондентов (51%) в анализируемом регионе СЗФО отметили, что готовы к участию, если причиной акции станет проблема, значимая на индивидуальном уровне (лично для человека; рис. 17). Четверть территориального сообщества декларирует готовность к протестному участию в случае угрозы сохранению государства (25%). Наименее стимулирующими к протестному участию (8–13% опрошенных) являются требования работодателя, призывы в социальных сетях и прочие причины.

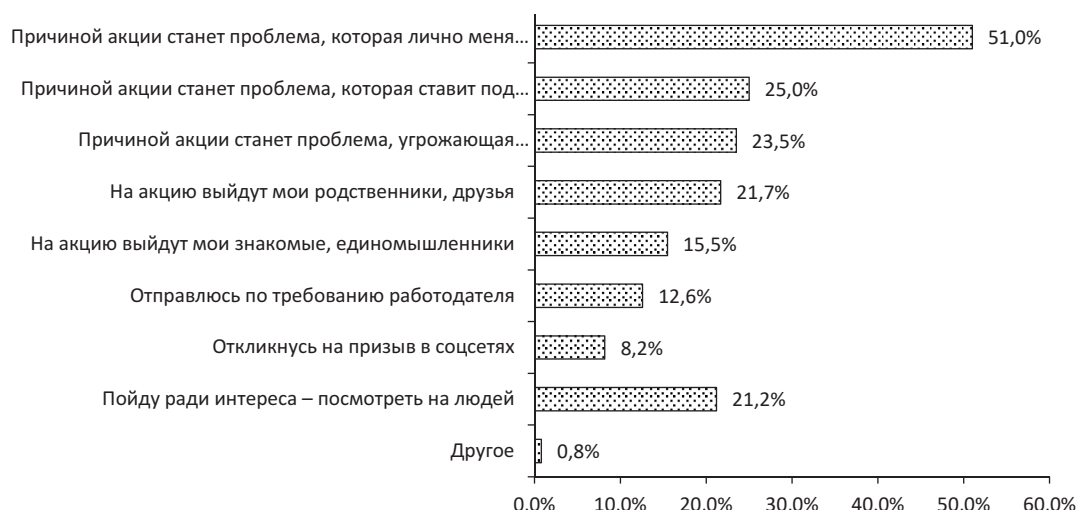

Рисунок 17. **Причины участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста для территориального сообщества** (в % по каждому суждению)

Социологические данные демонстрируют, что среди гражданских активистов меньше доля тех, кто считает неконвенционные (непринятые в обществе) практики гражданского участия эффективным способом решения общественно значимых проблем: 11% респондентов, часто участвующих в жизни сообщества, согласны с тем, что неразрешенные акции протеста эффективны при влиянии на власть; противоположного мнения придерживаются 87%, тогда как среди редко участвующих эти показатели составили 29 и 71% (табл. 13).

Таблица 13. **Оценки территориальным сообществом эффективности неразрешенных акций протеста в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности, в %***

Показатели		Считаете ли Вы эффективным способом влияния на власть участие в неразрешенных акциях протеста?	
		Да, считаю	Нет, не считаю
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	29	71
	7...10 баллов – часто участвую	11,4	88,6
* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете».			
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.			

Большинство жителей области убеждены, что они способны повлиять на состояние дел в семье, причём доля подобных оценок примерно одинакова в обеих исследуемых группах (84–87%; табл. 14). Среди «активных» жителей области по сравнению с «пассивными» больше распространены положительные мнения о влиянии на состояние дел в других сферах: на работе (на 14 п.п.: 57% против 43%), во дворе (на 17 п.п.: 39% против 22%), в населенном пункте (почти в 3 раза: 23% против 8%), в регионе и стране (тоже почти в 3 раза: 16% против 6%).

Таблица 14. **Оценки гражданского влияния территориального сообщества в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности, в %***

Показатели		Как Вы считаете, влияете ли Вы лично сегодня на состояние дел в указанных сферах?				
		В Вашей семье	У Вас на работе	В Вашем доме, дворе	В Вашей деревне, посёлке, городе, районе	В области, в стране
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	86,6	42,6	22,2	7,6	5,6
	7...10 баллов – часто участвую	83,5	56,7	38,8	23	16,1
* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города)».						
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.						

Таким образом, анализ эмпирических данных выявляет, что территориальное сообщество, включенное в те или иные практики участия, в большей степени доверяет институтам местной власти, чаще декларирует возможность влияния на властные решения, менее настроено на неконвенциональное протестное поведение.

Неравнодушие и активное участие населения в решении социальных проблем создает возможность диалога, и *«чем активнее горожане, тем лучше их слышат власти и выполняют их потребности»* (эксперт 25). Как отмечают респонденты, в настоящее время существует достаточно возможностей для совместной работы местных жителей и власти, *«много различных программ, которые предполагают вовлеченность граждан»* (эксперт 36). Участие населения в решении социальных вопросов территории возможно как в индивидуальном порядке, так и в форме общественных объединений. Влияние гражданского участия на развитие

территории становится возможным благодаря разработанным механизмам, в частности, действуют программы поддержки местных инициатив, проект комфортной городской среды и пр. Инициативные группы и общественные объединения *«могут транслировать определенные идеи до органов власти, местного самоуправления, которые могут быть воплощены в жизнь»* (эксперт 4), а *«если власть понимает, что нужна народу, народ поддерживает и говорит о том, что ему нужно, и вот когда идет это взаимодействие, когда идут какие-то обсуждения, договариваются люди, то, я думаю, что тогда это самая комфортная обстановка в городе и в округе»* (эксперт 35).

Несмотря на наличие сложностей в выстраивании межсекторного взаимодействия, в ходе исследования были выявлены примеры довольно эффективного сотрудничества власти, бизнеса и общественников. Так, в Вологде один из активных жителей – водитель с хорошим стажем направил в Департамент городского хозяйства 26 предложений по улучшению ситуации на дорогах. Его пригласили на встречу для их обсуждения, по итогам которой часть предложений была реализована: *«Человек написал свои предложения конструктивно, его пригласили, обговорили – вопросов нет. Когда люди конкретно пишут, всегда это рассматривается, учитывается в работе, если есть предложения, пожелания»* (эксперт 3). Иногда действия представителей власти приводят к более осознанному отношению к участию со стороны граждан. Например, после того как в селе Никольский Торжок на заброшенном участке по инициативе главы и при поддержке промышленных предприятий был оборудован новый пруд, люди *«уже сами вышли с инициативой посадить деревья, потом Глава нашел средства и сделали мостик, беседки. В результате запущенный участок превратился в место отдыха»* (эксперт 27).

В ходе интервьюирования большинство экспертов отметили большое значение интернет-технологий в современном мире. Условия, в которых оказались регионы в период пандемии коронавируса, форсировали использование онлайн-ресурсов как органами власти, так и общественными активистами. Как отмечают эксперты, гражданская активность в социальных сетях выше, чем в каких-либо других форматах. Создаются сообщества, которые формируют повестку дня, и *«соответственно, органы власти не могут игнорировать такие вещи, должны с ними [участниками сообществ] сотрудничать, отвечать на вопросы, реагировать на их проблемы»*. *«Применительно к сегодняшнему участку работы, мы фиксируем, что у нас 98% всех обращений граждан, которые к нам поступают, – это*

обращения в социальных сетях. Формат работы с гражданской активностью уходит в виртуальный» (эксперт 4).

Наиболее явно эта тенденция проявляется в среде молодежи: *«Иногда понимаешь, что одним эфиром по какой-то теме ты привлекаешь гораздо больше участников, чем если бы ты их привлекал воочию»* (эксперт 5), хотя и среди населения пожилого возраста онлайн-практики развиваются: *«У нас в основном группа ВКонтакте, где люди пожилого возраста активно просматривают все новости, наблюдают за жизнью и в нашей и в других»* (эксперт 34). Социальные сети стали мощным инструментом для информирования о мероприятиях, проводимых общественниками: *«Мы везде рассказываем о нашей деятельности, анонсируем мероприятия, пишем, как это все прошло»* (эксперт 35); *«Я думаю, что это непосредственно инструмент работы стал, социальные сети, потому что основное информирование идёт через них»* (эксперт 3), благодаря сетям *«с информационным освещением деятельности нашей организации у нас проблем нет»* (эксперт 33). Интернет-коммуникация позволяет расширить географию проектов и охват участников, происходит *«тиражирование акций, идей ... Поставил хештег «О тебе знает Россия»* (эксперт 36). Многие крупные мероприятия перенесены в онлайн-формат, что позволяет поддерживать коммуникацию среди активистов (эксперт 8).

Другим важным инструментом повышения гражданского участия посредством интернет-технологий становятся специальные сервисы для обращений граждан к представителям органов власти. Один из примеров – площадка «Активный горожанин» на сайте администрации Петрозаводска: *«Мы регулярно там запускаем и опросы, и голосования. В частности, вот сейчас проходит на площадке обсуждение программ экономического развития Петрозаводска до 2025 года»* (эксперт 37). По мнению активистов, *«все органы местного самоуправления, органы исполнительной власти должны быть социально активными в социальных сетях»* (эксперт 45).

В то же время наличие таких сервисов или присутствие органов власти в социальных сетях не позволяет гарантировать эффективное использование этих ресурсов, поскольку *«тут общение с властью чисто формальное. Руководитель структурного подразделения тебе не отвечает, отвечает статист. У него есть набор фраз, которые он знает. В онлайн нет прямого общения. Прямое общение отсутствует»* (эксперт 27).

Важным положительным эффектом от использования интернет-технологий становится повышение уровня финансовой активности граждан. Так, онлайн-платформы упрощают механизм сборов средств: *«Люди*

стали активнее развиваться, то есть онлайн мы стали больше собирать средств, чем раньше» (эксперт 42), «... и когда он эти пятьдесят рублей перечисляет, там на помощь детям, пожилым, животным – не важно, кому, он уже помогает. То есть это уже его гражданская активность» (эксперт 45).

По мнению трети респондентов, онлайн-формы гражданского участия в основном аккумулируют информацию об имеющихся проблемах (33%; рис. 18). Чуть менее распространено суждение, что онлайн-формы позволяют не только информировать о проблемах, но и решать их (28%). Каждый пятый считает, что онлайн-формы не способны решать общественно значимые проблемы (21%), а 18% опрошенных убеждены, что они лишь имитируют активную деятельность, не имея реального положительного эффекта. Можно констатировать, что территориальное сообщество пока в целом не определилось с оценкой эффективности онлайн-форм гражданского участия, что может быть связано с их «новизной».

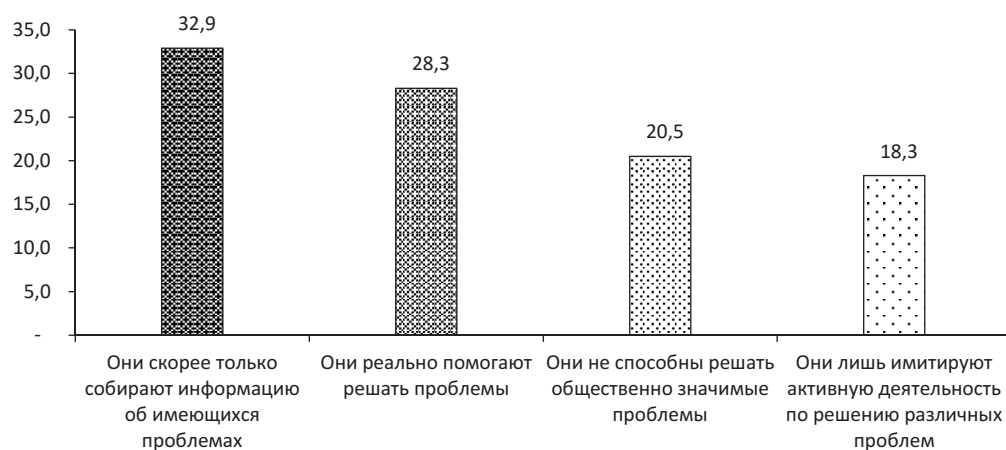

Рисунок 18. Оценка эффективности территориальным сообществом онлайн-форм гражданского участия (среднее по опросу, в % от числа опрошенных)

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2021 г.

Эффекты гражданского участия территориального сообщества проявляются в социально-экономической сфере, в первую очередь при реализации социальной политики, которая, по определению И.А. Григорьевой, представляет поле взаимодействия основных субъектов – государства, бизнеса, организаций некоммерческого сектора, местного населения. Переход от «государства благосостояния» к «обществу благосостояния» в России связан с повышением роли гражданского общества

в социальной политике²⁵². В условиях ограниченности возможностей государственных институтов и экономики обеспечить широкий спектр общественных потребностей (теории «провалы государства» и «провалы рынка» / «government failure», «market failure») некоммерческие организации прочно занимают свою нишу в производстве социальных услуг в сфере образования, культуры, спорта, здравоохранения и особенно социальной защиты²⁵³.

Контент-анализ материалов веб-сайта Фонда президентских грантов показал, что региональные некоммерческие организации активно участвуют в реализации социальной политики на местах, в том числе привлекая федеральные средства для своих проектов, участвуя в грантовых конкурсах, однако выявляется территориальная неравномерность в результативности деятельности НКО и гражданских инициатив. Судя по данным за 2019 г., по основному направлению конкурса «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» среди регионов СЗФО лидируют Республика Карелия (14038,6 руб. на тыс. чел.), Псковская область (12905,9 руб.). В Вологодской и Калининградской областях данный показатель отстает от среднего значения по СЗФО, но опережает общероссийский уровень (5459,1 и 4889,3 руб. на тыс. чел. соответственно против 3985,1 руб. на тыс. чел. в среднем по стране); Мурманская область не представлена²⁵⁴.

Роль участия граждан в трансформации социальных и экономических институтов, в росте уровня жизни и благосостояния населения заключается не только в форме создания общественных организаций, но и в самоорганизации по месту возникновения проблем, в неформальной общественно полезной деятельности, которая распространена гораздо больше, чем участие в работе зарегистрированных НКО.

Социологическое исследование выявило, что в большей степени в регионах оценивается вклад гражданских инициатив в работу с детьми и молодежью (среднее значение по регионам – 45%), здравоохранение, в том числе работа с тяжелыми больными (40%), работу с семьей (39%), в

²⁵² Григорьева И.А. Современная социальная политика: возможности и ограничения. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. 304 с.

²⁵³ Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7

²⁵⁴ Рассчитано по: Фонд президентских грантов / Официальный сайт. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>; Уханова Ю.В. Гражданское участие в российских регионах: сравнительный анализ // Вопросы территориального развития. 2019. № 5 (50). С. 6–15.

защиту природы, в том числе бездомных животных (29%), спорт и здоровый образ жизни (28%; рис. 19). На основе анализа результатов интервью с активистами получен вывод о том, что это неформальное участие – зачастую вынужденное, вызванное недовольством работой региональных и муниципальных властей.

Рисунок 19. **Оценки территориальным сообществом роли гражданского участия по направлениям** (в % по каждому суждению, среднее по опросу)*

* Ответ на вопрос «В каких направлениях, на Ваш взгляд, наиболее заметна роль участия граждан в решении важных общественных проблем?»

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2021 г., среднее по опросу.

Проведенный анализ позволил выявить значительный вклад граждан в развитие территорий и улучшение качества жизни населения. В целом, можно отметить достаточно высокую гражданскую активность в различных областях жизнедеятельности. Одно из приоритетных направлений – социальная поддержка. Как отмечают представители власти в регионе, высокая активность граждан фиксируется в случаях «... если осуществляется какой-либо проект, все, что касается объектов социальной структуры» (эксперт 39) и в ситуациях, когда речь идет о «контроле за тем, что происходит в любых сферах жизнедеятельности города» (эксперт 38). К традиционным формам участия можно отнести благотворительность, безвозмездную помощь наиболее уязвимым категориям населения. Так, например, в Вологодской области действует региональная общественная организация «Ареопаг», созданная в целях содействия молодым инвалидам в реализации установленных законодательством льгот и преимуществ, в получении образования, трудоустройстве, улучшении

материального положения, жилищных и бытовых условий. Организация является одним из позитивных примеров, *«которые показывают силу общественных организаций и их возможность ... расширительные их возможности»* (эксперт 8).

Другим примером успешного и важного проекта в регионе служит созданный в 2002 году дом ночного пребывания (ночлежка), единственный на Северо-Западе России: *«Два года были без статуса, содержали дом на собственные средства и средства благотворителей, а в 2004 г. мэр Якутска сделал его бюджетным учреждением. ... Я всегда, когда работала в колледже, водила туда студентов, чтобы показать, с одной стороны, как можно опуститься, с другой – изменить отношение к бомжам. Потому что не все они опустившиеся люди»* (эксперт 11).

Одним из наиболее активно развивающихся направлений деятельности активистов можно считать защиту окружающей среды и благоустройство территорий. Так, общественники положительно оценивают программы, связанные с народным бюджетом, *«когда ТОСы предлагают благоустроить территории. Это все сопряжено с личным участием человека, это большая работа. Одну часть средств самим подтвердить, привлечь спонсоров, другую получить из бюджета. Соответственно, деньги из бюджета сложно получить и нужно подготовить проектную документацию. Это большая организационная работа, которая не видна обычному человеку, который не связан с общественной работой. Я считаю, это положительный опыт, в городе много неблагоустроенных площадок»* (эксперт 4).

Проблемы благоустройства часто решаются силами граждан при поддержке власти и бизнеса или под контролем общественников. В частности, в областной столице *«есть такой институт, как институт общественных контролеров, которые при ремонте, кладке асфальта, покрытия на дорогах контролируют качество. Поэтому вот несколько было таких случаев, когда общественные контролеры приезжают на место и им не нравится качество асфальта, и подрядчики переделывают»* (эксперт 37).

Представители власти также положительно отзываются о сотрудничестве с общественниками: *«Раньше за каждой деревней была свалка, все туда таскали мусор, диваны и т.д. У нас была такая цель, в которую вложились все. Администрации поселений вложились тем, что привели в порядок эти территории, что-то вывезли, закопали, выровняли. В общем сделали техническую часть рекультивации. И тогда возник вопрос,*

что сейчас все чисто и красиво, а завтра придет кто-нибудь и опять мусора навалит. Тогда от нашего активиста возникло такое предложение. У него были дички яблонь, груш, культурных растений. Мы попросили у него помощи, чтоб он просто отдал эти саженцы. Потом мы сделали такую инициативу, привлекли местных жителей, администрации сельских поселений, инициативных граждан, школьников, советы ветеранов. И посадили там яблони и груши. Потому что человек, который участвовал в облагораживании участка, сам приложил усилия, навряд ли у него рука поднимется выкинуть мусор. А если повезет, то и других будет предупреждать» (эксперт 27).

Большое влияние на усиление вклада граждан в решение социальных проблем оказала пандемия коронавируса. «Ведь эта проблема коснулась всех. Транспортные предприятия заявляли, что готовы помочь автомобилями и даже водителями. Это и говорит о том, что уровень развития общества встает на следующую ступень. Когда ситуация складывается так, что уже и просить не нужно, потому что люди сами предлагают помощь. Это просто наивысшая оценка. Пандемия перевернула сознание, люди вновь объединились и стали добрее и внимательнее к окружающим, прежде всего» (эксперт 25).

Быстрыми темпами развивается волонтерство, особенно в кризисных условиях пандемии коронавируса. «Этот год показал, помощь жителям – это продуктовые наборы, маски, больницам – с аппаратами вентиляции легких – помогают в этом плане. У нас активизировалась очень помощь малоимущим семьям. Это сбор вещей, создание гуманитарного склада» (эксперт 3). Растет количество добровольцев, в том числе в благотворительных фондах: «Например, фонд «Во имя добра» много лет помогает больным детям, собираем деньги на приобретение оборудования, необходимых лекарств» (эксперт 7).

Деятельность волонтеров приобретает более организованный характер: «Пожилые люди, особые категории людей находились на самоизоляции, у нас появился волонтерский штаб. У нас много взрослых людей, сознательных, с машинами, оперативно осуществляли доставку продуктов» (эксперт 36), люди стали чаще проявлять собственную инициативу и готовность объединяться с другими. «У нас такие люди активные все равно в Карелии. И они как-то могут объединиться, когда необходима вот именно какая-то реальная помощь, находится всегда человек, организация некоммерческая или что-то, которая может повлиять на изменения» (эксперт 47).

Одним из ярких примеров является спонтанная организация пошива масок для больниц: *«У меня было тридцать швей ... мы закупали ткани, сперва спонсоры, потом – через проекты. И одна организация, которая осталась без работы, денег... Написали мне и сказали, что мы можем вам бесплатно выкройки делать этих масок, просто так вообще. И вот они очень реально помогли, потому что мы шили потом и брюки одноразовые в инфекционную больницу»* (эксперт 47).

Большую роль играет межсекторное партнерство в вопросах благоустройства территорий. Как отмечают эксперты, *«в развитии города роль бизнеса также важна, потому что есть многие социальные объекты и проекты, которые невозможно решить, осуществить без привлечения каких-то дополнительных средств»* (эксперт 39). *«Есть, к счастью, положительные примеры отношения социально ответственного бизнеса к решению городских проблем. Здесь мы также стараемся бизнес информировать о тех вещах, которые необходимы городу, о тех вещах, о которых говорят наши люди, проживающие в городе»* (эксперт 38).

В рамках реализации таких проектов были благоустроены парк и зона отдыха в областной столице, установлены теплые окна в дошкольных учреждениях и домах нуждающихся (эксперт 39), оказана поддержка местному приюту для животных: *«У нас есть постоянные спонсоры из числа предпринимателей, которые помогают нам, либо просто в фонд приюта дают определенные деньги, либо помогают по каким-то конкретным направлениям, оплачивать часть стерилизации, и мы им очень глубоко благодарны. Ну, например, даже приобретение, ремонт единственного нашего приютского автомобиля, без которого вообще как без рук, это только благодаря одному из спонсоров»* (эксперт 42). В ответ на финансовую поддержку бизнеса органы власти оказывают помощь в формировании положительного имиджа таких организаций: *«Когда мы организуем мероприятия, и мы получаем какую-то поддержку от бизнеса, и в то же время мы помогаем, скажем, их продвижению, рекламе и так далее»* (эксперт 40).

В маленьких населенных пунктах общественные активисты находятся в еще более сложных условиях. Масштаб проектов в деревнях меньший, чем в городах, но не менее важный. Так, местные предприниматели, например, помогают восстановить церкви, обустроить помещения клубов или мест отдыха для жителей: *«Есть бизнесмен, который занимается лесом. У него оборудование по обработке бревен. Он дает нам горбыль бесплатно. Делает лавочки по очень заниженной цене. Всегда охотно идет на контакт»* (эксперт 28).

Несмотря на сложности в выстраивании межсекторного партнерства, современные условия жизни все же оказывают положительное влияние на процесс сплочения власти, бизнеса и гражданского общества. В период пандемии поддержка со стороны бизнеса оказалась исключительно нужной: *«В общей сложности нам помогло около 40 компаний. За все годы общественной работы я не видела такой консолидации, как в период пандемии»* (эксперт 5). В Шексне в новогодних мероприятиях, организованных для детей с ограниченными возможностями здоровья, некоторые предприниматели *«просили, чтоб с нами выйти и поздравить. Надевали костюм Деда Мороза, покупали подарок и шли поздравлять»* (эксперт 18). Там же в рамках акции «Новогоднее настроение» представители НКО закупали конфеты, но *«однажды кто-то из волонтеров рассказал об этой идее администрации, и они предложили помощь. Закупили несколько килограмм мандаринов. ... Таксисты даже рассказывали стихи за эти мандарины. Поэтому акция и называется «Новогоднее настроение» – чтоб хотя бы на миг люди забыли о суете и улыбнулись»* (эксперт 19).

Большая часть опрошенных экспертов отметили, что запрос на участие населения в решении территориальных проблем есть, и в числе ключевых направлений деятельности находятся социальная сфера, работа с молодежью, благоустройство территорий. Как отмечают общественники, приоритетные направления работы общественных активистов задаются государством: *«НКО нужно развиваться в тех секторах, которые поддерживаются государством и бизнесом через гранты, субсидии, спонсорскую помощь, пожертвования юридических лиц и граждан. Потому что нужны источники финансирования. Направления деятельности возникают от возможности получения финансирования. А государственные субсидии и гранты даются по тем направлениям, которые государство считает приоритетными в данной населенной местности»* (эксперт 1).

Традиционно высок запрос на гражданское участие в видах деятельности социальной направленности, что *«видно и по конкурсу президентских грантов. Больше количество поданных и поддержанных заявок именно в сфере социальной помощи, социального обслуживания населения. Мы видим востребованность этих услуг. Именно работа с людьми ОВЗ, работа по профилактике социального сиротства. Эти направления самые востребованные»* (эксперт 2).

В ходе работы с детьми и молодежью в Вологде совместно с центром социального питания был реализован проект по подготовке и размещению в социальных сетях видеороликов в формате «Ревизорро» (про-

веряли чистоту кухни, чистоту зала, температуру еды). Всего на конкурс было подготовлено 16 роликов. Второй этап проекта включал съемку домашних видеоблогов на тему «Школьное блюдо моей мечты». Как говорит один из организаторов, *«пришли 62 ролика, в которых авторы готовят блюдо, которое бы хотели видеть в школе. В рамках этого проекта мы работаем совместно с центром социального питания, и один из рецептов этот центр отправил 31 школе (пельмени). Учащимся очень понравилось»* (эксперт 5).

Большое значение имеют спортивные мероприятия, позволяющие вовлекать разные группы населения: *«Когда проводятся соревнования, все от мала до велика идут на лыжную Россию, – может он лыжах кататься, не может он на лыжах кататься, все идём. И вот годик, два годика, три годика, и он стоит с номером на лыжах, да. И 70–80 лет, если вот сейчас вот не было времени, подняться на лыжную базу, где у нас бегают люди в таком возрасте, они поддерживают свою спортивную форму»* (эксперт 31).

Позитивное влияние гражданского участия прослеживается в контексте социокультурного развития регионального пространства. Общественно полезная деятельность (независимо от формального или неформального характера) рассматривается нами не просто как ресурс решения политических или социально-экономических задач, но и как источник развития коллективных традиций, солидарности, социальной сплоченности в российском обществе.

Вовлеченность населения в практики гражданского участия способствует развитию территориальной (региональной) идентичности – в социогуманитарном дискурсе это социальные представления о принадлежности к локализованному социальному пространству, определенной общности, имеющей свои социальные интересы. Гражданское участие предполагает осознание этих интересов. Через совместную деятельность в решении проблем регионального значения у территориального сообщества формируется образ «Я – Мы». Важным параметром качества региональной идентичности выступает отношение к месту проживания. Выявлено, что территориальное сообщество, более активно участвующее в общественной жизни, гораздо позитивнее воспринимает региональное пространство как место проживания (55 и 60% составили ответы «Я рад, что живу здесь» и «В целом я доволен, но многое не устраивает»; среди менее активной части населения положительные оценки выбрали 38 и 30% респондентов соответственно; табл. 15). Обращает на себя внимание

то факт, что среди тех, кто более активно участвует в жизни местного сообщества, значительно меньше доля равнодушных к территории проживания. Полученные данные доказывают, что вовлеченность в практики гражданского участия благоприятно воздействует на восприятие регионального пространства как благоприятного места для жизнедеятельности.

Таблица 15. Отношение территориального сообщества к региональному пространству как месту проживания в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности, в % *

Показатели		Какие чувства Вы испытываете по отношению к месту проживания?			
		Я рад, что живу здесь	В целом я доволен, но многое не устраивает	Не испытываю особых чувств по этому поводу	Мне не нравится жить здесь, но привык
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	38	30	21	15
	7...10 баллов – часто участвую	55	60	6	4
* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете».					
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.					

В обеих группах, выделенных в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности, преобладают те, кто не уехал бы из региона даже при наличии возможности. Однако среди респондентов, редко участвующих в общественно полезной деятельности, по сравнению с часто участвующими доля потенциальных эмигрантов в два раза больше (35% против 17%; табл. 16).

Таблица 16. Оценки территориальным сообществом своей готовности уехать из региона в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности, в % *

Показатели		Уехали бы Вы из региона, если бы могли?	
		Да	Нет
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	35	65
	7...10 баллов – часто участвую	16,5	83,5
* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете».			
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.			

Значимость фактора территориальных инициативных сообществ проявляется в росте социальных взаимосвязей, межличностной коммуникации, что позитивно отражается на уровне доверия и в целом на нормализации общественного климата. Установлена положительная корреляция между степенью участия и социальным доверием. Нами учитывалось, что взаимосвязь гражданского участия и социального капитала характеризуется двусторонним процессом: социальные связи и отношения выступают ресурсом участия, а участие, в свою очередь, является механизмом аккумуляции социального капитала (Р. Патнэм). Как можно констатировать, «активные» жители области по сравнению с «пассивными» больше доверяют органам власти различного уровня. В частности, доверие Президенту РФ выше на 15 п.п. (61% против 46%), Правительству РФ – на 21 п.п. (51% против 30%), главе региона – на 18 п.п. (52% против 34%), главе муниципального образования – на 19 п.п. (47% против 28%; табл. 17).

Таблица 17. **Доверие власти территориального сообщества в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности** (в % по каждому суждению*)

Показатели		Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете..?			
		Президенту РФ	Правительству РФ	Губернатору	Главе муниципального образования
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	45,6	29,7	34,3	28,0
	7...10 баллов – часто участвую	61,3	51	52,4	47,2
* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете». Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.					

Представители регионального сообщества доверяют в первую очередь родственникам и друзьям, во вторую – соседям и коллегам, в последнюю – большинству людей и прохожим на улице. Уровень доверия родственникам несколько выше в группе тех, кто редко участвует в общественно полезной деятельности (93% против 87%; табл. 18). Напротив, соседям и большинству людей чаще доверяют «активные» жители области (на 4–5 п.п.). Других значимых различий не зафиксировано.

Таблица 18. **Социальное доверие территориального сообщества в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности** (в % по каждому суждению*)

Показатели		Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете...?					
		Членам семьи, родственникам	Друзьям	Соседям	Коллегам	Большинству людей	Прохожим на улице
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	92,5	76,8	43,1	43,6	20,5	17,9
	7...10 баллов – часто участвую	86,9	77,6	48,2	41	24,7	18,5

* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса: «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете?».

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.

Приведем главные жизненные ценности для обеих исследуемых групп территориального сообщества: здоровье (93–95%), дети (89–90%), счастливая семейная жизнь (для 85% «пассивных» и 91% «активных»), материально обеспеченная жизнь (87–89%; табл. 19).

Таблица 19. **Жизненные ценности территориального сообщества в зависимости от степени участия в общественно полезной деятельности** (в % по каждому суждению*)

Показатели		Что для Вас самое важное в жизни?*								
		Здоровье	Дети	Счастливая семейная жизнь	Материально обеспеченная жизнь	Наличие друзей	Общественное признание	Развитие (работа над собой)	Развлечения	Успешная карьера
Насколько активным участником жизни своего сообщества Вы себя считаете?	1...4 балла – редко участвую	94,7	88,9	84,8	86,9	66,7	47,7	46,6	43,6	53,9
	7...10 баллов – часто участвую	93,4	90,0	90,8	89,1	84,4	77,1	73,6	65,7	78,4

* Среди тех, кто редко участвует (1–4 балла), и тех, кто часто участвует (7–10 баллов). Баллы рассчитаны на основе вопроса «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете?».

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.

Другие ценности имеют гораздо большую значимость для тех жителей региона, кто часто участвует в общественно полезной деятельности, по сравнению с «пассивными» респондентами: наличие друзей – на 17 п.п. (84 и 67% соответственно), общественное признание – на 29 п.п. (77 и 48%), развитие (работа над собой) – на 27 п.п. (74 и 47%), развлечения – на 22 п.п. (66 против 44%), успешная карьера – на 24 п.п. (78 и 54%).

Следует констатировать, что в процессе вертикального и горизонтального взаимодействия через различные практики гражданского участия, независимо от того, приводит ли это к формированию новой общественной повестки, территориальное сообщество приобретает признаки субъектности в социальном развитии: определяются цели взаимодействия и стратегии их достижения, круг потенциальных партнёров, вырабатывается порядок действий, повышается уровень социальной компетентности участвующих субъектов за счет необходимости знания правил или процедур взаимодействия с органами власти. Вовлекаясь в публичные отношения с властью, субъекты гражданского участия (индивиды, группы, организации, сообщества) могут приобретать известность, возможность влиять на общественное мнение, в результате меняется не только сообщество гражданских активистов, но и социум, в котором они действуют.

В этой связи позитивным моментом является довольно высокий уровень готовности активистов к профессиональному обучению общественной деятельности. Так, в рамках реализации проекта Совета женщин по подготовке молодых лидеров наблюдается значительный рост числа заявок: *«Вот на третий год заявок на 40 мест было 400 с лишним, как в театральный вуз. Заявки были не только из Вологодской области, но и из близлежащих Архангельской, Ярославской, Петербургской областей. То есть это люди, которые хотят научиться работать общественниками»* (эксперт 8).

Схематично систематизация и обобщение эффектов гражданского участия по трем направлениям (общественно-политическому, социально-экономическому, социокультурному пространствам) представлены на рисунке 20.

Рисунок 20. **Эффекты гражданского участия в региональном социальном пространстве**

Источник: составлено автором.

Таким образом, социологическое исследование продемонстрировало, что в результате вертикальных и горизонтальных взаимодействий субъектов в контексте гражданского участия проявляются позитивные изменения (эффекты) в общественно-политической, социально-экономической и социокультурной сферах.

3.2. Барьеры на пути формирования и развития гражданского участия территориального сообщества

В параграфе осуществлена авторская типологизация барьеров гражданского участия. Под барьерами гражданского участия понимаются факторы/препятствия, блокирующие и (или) ограничивающие реализацию и развитие гражданского участия в решении общественных проблем. Специфика различных практик гражданского участия обусловлена институциональной, социально-экономической и социокультурной средой, в связи с чем изучаемые барьеры подразделяются на три группы: связанные с институциональной, социально-экономической и социокультурной природой. Дальнейшая систематизация барьеров в выделенных группах осуществлялась по однородным признакам. Представляется, что подобная

типологизация позволяет достаточно полно охарактеризовать барьеры гражданского участия, возникающие как при вертикальном (с органами власти), так и горизонтальном (между общественными структурами и населением) взаимодействии.

Институциональные, нормативно-правовые барьеры: связаны с законодательным обеспечением создания и деятельности формальных и неформальных структур гражданского участия. Во-первых, в сферу законодательного обеспечения деятельности попадают преимущественно формализованные организации – НКО, неформальное участие в основном находится вне нормативного поля, стимулирование комплексной общественной самоорганизации не вписывается в программы местного развития. Во-вторых, в российском законодательстве чаще всего речь идет о государственной поддержке НКО, однако отсутствуют инструменты участия НКО в законотворческом процессе, лоббирования своих интересов. При этом в определенной степени проработаны вопросы участия институциональных общественных объединений в общественном контроле, но в целом граждане остаются за пределами законотворческой деятельности и общественного контроля. В-третьих, показатели уровня и потенциала участия, закрепленные в нормативной базе, чаще направлены на формальную отчетность, а не решение конкретных проблем. В-четвертых, нормативно-правовые барьеры обусловлены зачастую разночтением и непониманием общественниками правовых норм, регулирующих гражданское участие; нескоординированностью нормативных документов разных уровней. В-пятых, недостаточно развито нормативно-правовое обеспечение механизмов электронного участия, которое предполагает активную роль граждан в современном процессе управления.

В то же время существуют очевидные пробелы в федеральном законодательстве, регулирующем сферу гражданского участия. Первое: основное внимание законодатель уделяет прежде всего ассоциированному участию – правовой регламентации деятельности и мерам поддержки некоммерческих организаций, оставляя за скобками неформальное участие, юридически неоформленные гражданские инициативы, неорганизованное (ситуативное) волонтерство и благотворительность. Второе: слабо представлены в нормативно-правовом поле такие актуальные в современном обществе направления, как, например, экологическое участие и электронное участие (в основном эти виды участия косвенно регулируются в рамках экологического и информационного права). Третье: действующие сегодня законодательные акты были приняты в разное время,

в связи с чем зачастую не совпадают по терминологии, что приводит к путанице и расхождениям в трактовке законодательных норм. Четвертое: большинство документов (концепций, программ и т. д.) относительно развития отдельных сторон гражданского участия декларативны по своему содержанию, что порождает недоверие к ним со стороны населения.

В ходе экспертного опроса было выявлено несколько видов барьеров, препятствующих более активному вовлечению населения в практики гражданского участия. В первую очередь речь идет о несовершенстве законодательной базы. Среди основных положений критики находится слабое регулирование количества и организационно-правовых форм некоммерческих организаций, отсутствие однозначных правил игры в отношении грантовой поддержки, чрезмерные требования к отчетности (эксперт 9). *«На территории Вологодской области более 300 НКО. Из них реально работает меньше 200. Многие, конечно, стали подавать на гранты. Но выживать только на них нереально»* (эксперт 11).

Организационные барьеры связаны как с процедурами взаимодействия органов власти и общественности при реализации практик гражданского участия, так и с деятельностью самих НКО и инициативных групп, в том числе в рамках межсекторного взаимодействия. В первом случае выявляются административно-организационные барьеры, такие как чрезмерный контроль со стороны властей на всех этапах реализации гражданского участия, что приводит к формированию у населения с властью не партнерских, диалоговых отношений, а вертикальных, строго иерархических отношений господства/подчинения. Сюда же относится порой отсутствие интереса и стратегического понимания важности участия со стороны представителей местной власти, а также в ряде случаев нехватка профессиональных навыков, знания, опыта специалистов государственных и муниципальных структур в выстраивании взаимодействия с общественностью. Во втором случае речь идет о социально-организационных барьерах которые проявляются в нехватке профессиональных кадров среди лидеров и участников НКО и низовых гражданских инициатив при реализации социальных проектов, отсутствии у общественных активистов навыков менеджмента, социального модераторства, работы в публичной сфере и взаимодействия со СМИ, в поиске информации в т.ч. о грантовой поддержке и тендерах, финансовой и организационной компетентности. Серьезными препятствиями для развития гражданского участия на местах выступают слабое развитие межсекторной коммуникации, незаинтересованность бизнеса в участии в социальном проектировании.

Главной проблемой в плане организации и развития общественных инициатив эксперты считают отсутствие системности, не позволяющее НКО выстраивать работу в долгосрочной перспективе: *«Чтобы была система, должно быть управление этой системой. Значит, должна быть структура, через которую можно управлять. Это азбучные истины, которые сегодня, к сожалению, забываются в партийной, общественной работе. Вот почему сильны, почему мы живём 35 лет. Потому что у нас организация очень чётко структурирована»* (эксперт 7).

Эксперты отмечают, что при ограниченном штате сотрудников вынуждены разбираться в юридических, бухгалтерских, кадровых вопросах: *«Одна из главных трудностей в нашей организации, это, конечно, же все, что связано с бухгалтерским учетом, с отчетностью, с взаимодействием с налоговыми инстанциями и так далее»* (эксперт 33): *«Я должна регулярно получать бумажки от пожарных, что я прошла у них курсы, причем это я должна делать регулярно»* (эксперт 44). *«На мой взгляд, это слишком большие требования, слишком много, я должна была бы только этими бумажками заниматься, всякими отчетами, оформлением документации и тому подобное»* (эксперт 11).

Отношение к бюрократическим процедурам зависит от вида деятельности, возраста общественников, опыта в подготовке документации. Серьезным организационным барьером выступает недостаточная проработанность некоторых правовых основ функционирования системы социального обслуживания. Так, система льгот пенсионерам нуждается в корректировке – в настоящее время некоторые льготы предоставляются только по месту регистрации, а не проживания: *«В Москву он приезжает, может бесплатно пользоваться метро, ощутимая добавка в пенсии. Я приезжаю с ним и должна деньги платить. Он живет большую часть здесь и не пользуется теми льготами. Мы уже с ним не равны. Он здесь не может пользоваться картой «Забота», так как прописан в Москве. Получается мы с ним граждане разных государств. Какой будет интерес у человека, на которого смотрят как на неполноправного?»* (эксперт 29).

Взаимодействие трех секторов – власти, бизнеса и НКО, созданных инициативными гражданами, крайне важно для выработки наиболее оптимальных и эффективных путей решения острых социальных проблем. Как показало проведенное исследование, мнения относительно существующих форм сотрудничества зачастую являются полярными: некоторые общественные объединения выстроили систему взаимовыгодной

кооперации с другими акторами, другие – испытывают сложности в работе с органами власти или коммерческими предприятиями. *«Президент пишет: поддерживать активность граждан России, помогать им, только в консолидации народа и власти мы можем победить наши проблемы. Этой консолидации я вообще не вижу»* (эксперт 47). По мнению общественников, *«не все во власти готовы к этой роли (взаимодействовать с общественниками), иногда они мыслят слишком узко»* (эксперт 7), *«им лишь бы ничего не делать»* (эксперт 28).

Информационные барьеры воздвигаются как при вертикальном взаимодействии с органами власти, так и самими активистами. В первом случае информация поступает дозированно или по определяемым органами власти каналам (например, относительно таких форм гражданского участия, как общественные слушания и общественные обсуждения, публичные отчеты власти). Другой проблемой является то, что *«вертикальная власть спускает нам циркуляры, которые могут быть непонятны гражданскому обществу»* (эксперт 31). Это актуализирует необходимость разъяснительной работы, связанной с просвещением, информированием населения о тех возможностях, которые им доступны в плане решения общественных проблем. Аналогичная потребность существует и в выстраивании непосредственной коммуникации между населением и властью или бизнесом. Медиатором в данном случае могут выступать депутаты или активисты, *«которые пользуются авторитетом, которые имеют ресурс административный организовать всех специалистов и обсудить по-человечески проект ... Самое главное, чтобы это был один человек, чтобы всё в одной точке сходилось»* (эксперт 3). Во втором случае не проводится работа по повышению престижа общественной деятельности, демонстрации опыта позитивных достижений. Отсутствие трансляции положительного опыта работы со стороны самих общественников приводит к ситуации, когда активисты и общественные объединения не обладают необходимой легитимностью в глазах населения.

Такое неверие тесно связано с общим непониманием механизмов взаимодействия с органами власти и общественными организациями, причем в разной степени со стороны всех акторов: *«Сейчас же все органы власти заставляют сотрудничать с общественными организациями. Они сотрудничают, но многие недопонимают ... общественную деятельность, у них все не так, у них все четко, приказы»* (эксперт 9). В силу слабой осведомленности, граждане не пользуются тем спектром законодательных возможностей и инструментов, которые находятся в их распоряжении:

«Если бы они активно участвовали в обсуждении городского плана, изменения планов городской застройки, а также участвовали бы во всех мероприятиях, куда публично все приглашаются, то проблемы не было бы вообще. Каналы есть, их слушают, протоколируют и конечно все учитывается» (эксперт 26). Общественники делятся мнением, что «рядовые граждане слабо осведомлены о том, что такое НКО» (эксперт 2); «Возникают сложности с донесением информации всеми способами, чтобы она была услышана. Иногда слышим, что о мероприятии не знали, поэтому не пришли» (эксперт 21).

Проектный характер общественной деятельности и фрагментарность информационного поля негативно влияют на гражданскую активность населения: *«Прошел проект ... как один огонек вот этот, вспыхнул и прошел, и его не видно, не слышно. И очень сложно на таком информационном поле к общественной организации, к некоммерческой организации привлечь каких-то последователей» (эксперт 8).*

Социально-технологические барьеры связаны с ограничением доступа к интернет-технологиям при реализации практик гражданского участия. Современные цифровые технологии создают среду с широкими возможностями коммуникации и объединения внутри нее, тем самым позволяя вовлечь большое количество лиц в практики гражданского участия. В целом следует констатировать, что активное пользование Интернетом характерно в первую очередь для более высокоресурсных групп.

Согласно полученным результатам, в 2019 г. в среднем по области доля респондентов, пользующихся Интернетом, составила 67%. Наиболее активными пользователями являются такие социально-демографические группы, как молодежь (95%), люди с высшим образованием (85%), более обеспеченные категории населения (86%), а также жители городов (Вологды и Череповца; 78 и 75% соответственно). По нашим наблюдениям, наибольший разрыв в освоении Интернета наблюдается среди старшего поколения: всего 35% респондентов в возрасте «55+» ответили, что пользуются им.

Следовательно, возраст служит основным критерием, оказывающим влияние на степень вовлеченности в интернет-пространство. Этот факт несет в себе негативный оттенок, поскольку свидетельствует о неравных возможностях доступа к новым информационно-коммуникативным технологиям. Зарубежные исследователи доказывают: поскольку пользователи интернет-ресурсов – это наиболее обеспеченная ресурсами во всех сферах часть общества, Интернет не выступает агентом развития

гражданского общества и демократии, а вместо всего этого еще более укрепляет положение элитарных групп²⁵⁵.

Электронные средства массовой информации, социальные сети, блоги и иные средства онлайн-коммуникаций позволяют в кратчайшие сроки аккумулировать значительные человеческие и финансовые ресурсы как при вертикальном, так и горизонтальном взаимодействии. Выявлено, что ограниченность использования интернет-технологий оказывает негативное влияние на готовность регионального сообщества к гражданскому участию (среди тех, кто регулярно пользуется Интернетом, значительно выше уровень вовлеченности в общественно полезную деятельность и готовности к ней в будущем).

Полученные данные показывают, что готовность жителей Вологодской области к участию в развитии местных территорий отличается в зависимости от их интернет-активности. Так, на вопрос «Что Вы готовы сделать для развития родного города (села)?» самый популярный ответ среди респондентов, которые пользуются Интернетом, – «все, что в моих силах (34%), а среди тех, кто не пользуется, – «ничего». В целом в регионе готовность населения к решению общественных проблем и отстаиванию своих прав не отличается высоким уровнем. По результатам социологического опроса 2019 г. самым популярным ответом на вопрос «Могли бы Вы стать общественником, который пытается организовать других людей, чтобы решить общие проблемы?» стал ответ «не мог(ла) бы ни в какой ситуации». В то же время из полученных данных видно, что среди тех, кто не пользуется Интернетом, общественная пассивность выше (37% против 24% среди тех, кто пользуется различными интернет-ресурсами)²⁵⁶. В связи с этим есть основания не согласиться с позицией С. Boggs, полагающего, что с развитием сетевых технологий следует ожидать роста потенциала разобщенности и отчуждения граждан от общественной жизни²⁵⁷. Ресурсы Интернета влияют на результативность деятельности НКО, создание положительного образа общественных организаций в сознании общественности.

²⁵⁵ Hill K., Hughes J. (1998). *Cyberpolitics: Citizen Activism in the Age of Internet*. Oxford: Rowman and Littlefield, 149 p.; Margolis M., Resnick D. (2000). *Politics as Usual: The Cyberspace 'Revolution'*, London: Sage, 113 p.; Norrs P. (2001). *Digital Divide*, Cambridge: Cambridge University Press, 165 p.

²⁵⁶ Уханова Ю.В. Интернет-технологии как фактор развития гражданского участия регионального сообщества // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 4 (14). С. 411–418.

²⁵⁷ Boggs C. (1997). The great Retreat: decline of the public sphere in late 20 century America // *Theory and society*. № 26. Pp. 118–125.

Выявлено, что по использованию информационных ресурсов некоммерческими организациями Россия в сравнении с зарубежными странами существенно отстает. Отечественный некоммерческий сектор на сегодняшний день прилагает недостаточно усилий по применению возможностей интернета. В частности, не в полной мере используются социальные сети, такие как «Twitter» и «Facebook». Также значительное количество НКО не обладают собственным веб-сайтом (особенно в регионах), что негативно сказывается на информационной открытости. Вследствие чего доверие к НКО населения, сторонников, государства и других институтов растет медленными темпами²⁵⁸.

Вместе с тем зачастую переход в виртуальное пространство способствует разрастанию формальных практик, когда «лайки» заменяют полноценное активное участие в жизни местного сообщества. Основным результатом подобной деятельности – удовлетворенность от причастности и самоуспокоение²⁵⁹.

Эксперты с осторожностью высказываются о перспективах развития онлайн-коммуникации. Несмотря на то что она сближает, первичными все же являются личные связи внутри сообщества (эксперт 2), а Интернет – это вспомогательный инструмент (эксперт 1). Многие эксперты считают онлайн-формат менее эффективным, так как *«люди работают в отрыве друг от друга. Это недостаточно правильно. Что касается общественных организаций, они на то и общественные, чтобы могли встречаться и взаимодействовать друг с другом физически. Необходимо видеть живого человека, разговаривать с ним. Необходимо создать общественную энергию, которая бы сплачивала людей. Онлайн-работа разъединяет»* (эксперт 1), *«он такой бездушный ... [общение] должно быть живым. Ты должен чувствовать человека»* (эксперт 41). Очевидно, что отношение к интернет-технологиям обусловлено и возрастными характеристиками населения. Для людей среднего и пожилого возраста важно *«встретиться, обговорить, для человека важно общение человека с человеком. У нас в России это так, что лучший психолог – это друг, с которым ты сидишь на кухне и чай пьешь»* (эксперт 41). Молодежь упрекают в том, что большую часть

²⁵⁸ Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Интернет-технологии как платформа для коллективных действий в развитии местных территорий // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития : матер. Всеросс. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 года / отв. ред.: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 228–229.

²⁵⁹ Смолева Е.О., Уханова Ю.В. Онлайн и офлайн-форматы гражданского участия: возможности и риски // Caucasian Science Bridge. 2021. 4 (3). С. 66–77.

времени она проводит в социальных сетях, что, в частности, негативно отразилось на деятельности сельских клубов: *«Сейчас клубы стали пустовать и интерес к общению у молодежи очень снизился»* (эксперт 14). Кроме этого, не всегда очевидна серьезность участия: *«Сложно отличить человека, который хочет реально пиариться, от человека, который хотел бы что-то сделать. Вроде и фоточки красивые, и слова правильные, а действий нет. Собирают, челленджи устраивают, но выхлоп-то какой?!»* (эксперт 27). Эксперты признают, что интернет является эффективной платформой для развития бизнеса, однако этот подход неприменим к общественной деятельности: *«Мы должны показывать результаты, в первую очередь, надо работать и действовать. А не заниматься бесконечными обсуждениями в интернете»* (эксперт 22).

Аналогичное мнение эксперты высказывают и в отношении онлайн-мероприятий – семинаров, конференций и пр.: *«Быть лектором не интересно, поскольку, когда семинар проходит в очном формате, есть возможность ответить на все вопросы и почувствовать обратную связь и заинтересованность слушателей. А когда мы работаем в интернете, иногда даже непонятно, подключен ли компьютер, слушает тебя человек или не слушает»* (эксперт 2).

Говоря о перспективах использования онлайн-коммуникации, необходимо отметить, что сеть «Интернет» довольно слабо контролируется, и поведение пользователей не поддается влиянию извне, *«поэтому и общество там будет соответствующее, в нем будут участвовать разные люди, и адекватные и нет»* (эксперт 23). В настоящее время включение интернет-технологий в деятельность общественников является во многом вынужденной мерой, рассматривается ими как временное решение, и в ближайшей перспективе *«скорее всего, очный формат онлайн-формат не заменит ... он помогает сократить расстояние, он сближает участников этого общения, этой группы и делает ее более насыщенной событиями, но вот говорю о том, что в ближайшей перспективе – нет, не заменит»* (эксперт 8). В общественной деятельности многое строится на личном взаимодействии участников, *«онлайн-форма позволяет, в общем, выцепить людей, которые чем-то интересуются, но потом нужно все равно с конкретными людьми связываться, кто, чем может помочь ... очень много специфики, которую нельзя онлайн решить»* (эксперт 42).

Социально-экономические барьеры: связаны с финансовым, материальным, инфраструктурным обеспечением деятельности формальных и неформальных структур гражданского участия. В первую очередь речь

идет о нестабильности финансирования из государственного и муниципальных бюджетов, сокращении и так незначительного объема поступлений бюджетных источников в некоммерческий сектор (для сравнения: в европейской структуре доходов от некоммерческой деятельности по данным 29 стран (2014 г.) государственная поддержка составляет 34%²⁶⁰, в Российской Федерации по данным официальной статистики (2018 г.) поддержка от органов власти всех уровней – 13,8%). Выявлены ограничения развития краудфандинга, финансовой и материальной поддержки со стороны бизнеса и частных лиц, что во многом обусловлено непрозрачностью финансовой отчетности общественных объединений, организаций, инициативных групп. Кроме того, обозначены проблемы с инфраструктурным обеспечением, например отсутствие площадок для совместных разработок проектов гражданских инициатив, общественного обсуждения, дискуссий.

С точки зрения финансового положения на протяжении последних десятилетий большая часть активных НКО реализуют свои проекты через систему грантов разных уровней: *«Союз идёт на развитие организаций и учреждений через гранты. Но опять же, эти гранты мы заработали в самом начале: в 2012 г. мы написали проект «Психолого-педагогическая реабилитация лиц с ментальной инвалидностью». Хотели открыть своеобразный детский сад для психически больных. Выиграли областной и муниципальный грант»* (эксперт 11). В то же время эксперты отмечают, что есть неравномерность в распределении средств – объем финансирования на федеральном уровне значительно выше, чем на региональном или муниципальном. В зависимости от организационно-правовой формы НКО это может стать ограничением при реализации некоторых инициатив: *«Возникла другая проблема: став общественно-государственной организацией, мы потеряли право участвовать в федеральных проектах, а они как раз нормально финансируются, «полным рублём». Т.е. если мы расписываем проект на 1,5 млн, то нам и дают 1,5 млн, если проект принят. В областных грантах не так: например, мы подаём заявку на 500 тыс., а нам дают 200»* (эксперт 7).

Вторая подгруппа барьеров связана с материальным благополучием локального сообщества. Выявлено, что улучшение материального благополучия ведет к росту запросов практически во всех сферах жизни, а для обеспеченных граждан характерно стремление к достижению максималь-

²⁶⁰ Salamon L.M., Sokolowski W. (2018). The Size and Composition of the European Third Sector. In: The Third Sector as a Renewable Resource for Europe. Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 8–40.

ных результатов во всем, в том числе общественно-политической и социальной деятельности. Напротив, нежелание населения принимать активное участие в общественно-политической и социальной жизни во многом обусловлено низким уровнем материального и финансового благополучия. Неблагоприятное материальное благосостояние влечет за собой необходимость людей концентрировать усилия на решении материальных проблем, неверие в возможность повлиять на сложившуюся ситуацию и эффективность своего участия в общественной деятельности, недоверие государственным и общественным институтам.

Социокультурные барьеры подразделены на две подгруппы: внешние и внутренние. Внешние определяются общими культурными ориентирами в обществе: отсутствием традиции гражданского общества и либерального государства в России, низкими и уровнем гражданской политической культуры населения и степенью распространенности правового поведения граждан. Кроме того, этот вид барьеров связан с неразвитостью ступеней гражданского воспитания и образования.

По словам экспертов, гораздо более сложной проблемой является то, что *«наша общественность – это общественность по проблеме: если меня не затрагивает лично то, что собираются делать городские власти, я к этому безразличен, меня это не трогает, я не хочу в этом участвовать»* (эксперт 26). Активисты отмечают, что, когда речь идет о положительном опыте взаимодействия населения, власти и бизнеса, он, как правило, остается незамеченным, но *«если что-то плохое, то люди тут же реагируют, тут же у них гражданская позиция, тут же пробуждается»* (эксперт 35). У граждан сформировано представление о том, что все функции должны выполнять специализированные организации. *«У многих в предпочтениях пассивная позиция: лучше отдохнуть дома и т. п., не затрачивать дополнительные усилия для общества»* (эксперт 24). По мнению общественников, *«нужно менять что-то в сознании людей, рассказывать, что нет ничего постыдного выйти на тот же субботник, или еще какой-то вид общественной деятельности. Всё очень зависит от того, как мы преподносим то или иное занятие. Все же склонность к общественной деятельности больше на уровне мировоззрения»* (эксперт 24).

Негативизм общественности (эксперт 45), недоверие к власти (эксперт 41), низкая значимость участия: *«У нас ребята, которые, например, волонтеры, они часто встречаются с буллингом именно за то, что они – волонтеры. Типа ой, мы вот спортом занимаемся, а ты вместо этого спорта там кому-то там, бабушкам помогаешь»* (эксперт 45) называ-

ются в числе наиболее существенных барьеров, препятствующих вовлечению населения в общественную жизнь.

Внутренние барьеры обусловлены ценностно-мотивационными и социально-психологическими ориентирами субъектов участия и межличностными коммуникациями при реализации общественно полезной деятельности. Ценностно-мотивационные барьеры связаны со сформированной системой личных ценностей (интериоризированных) и компонентами мотивационной готовности к действию. Они проявляются в отсутствии эмоционального подтверждения потребности, сформированности интереса, понимания цели, значения вовлеченности в практики гражданского участия. Наиболее популярными причинами демотивационного гражданского поведения, по самооценкам жителей региона, стали нехватка времени, отсутствие интереса, сил и здоровья.

Можно констатировать, что население утрачивает желание и возможность объединяться ради общественно полезных целей; при этом ценность выживания, сохранения личного благополучия и благополучия своей семьи зачастую вытесняют ценности коллективного действия и альтруистической солидарности. Основная причина неучастия в общественно полезной деятельности заключается в том, что население рассматривает в первую очередь государство, а не местное сообщество в роли коллективного агента, ответственного за обеспечение благосостояния общества. Интерпретация этих результатов состоит в том, что постсоветское российское общество парадоксальным образом характеризуется сочетанием недоверия к альтруистическим устремлениям других людей и в то же время ожидания государственного альтруизма²⁶¹. Следовательно, исторические институты бывшей советской России обладают высокой степенью преемственности и в современный период.

Выявлен несформированный интерес регионального сообщества к саморазвитию гражданской грамотности и правовой компетентности, культуры и накоплению опыта коллективных действий. Необходимо говорить о непонимании населением (особенно актуально для молодежи) того, что навыки и знания, приобретаемые в результате вовлеченности в практики гражданского участия, пригодятся в самостоятельной жизни, будут способствовать развитию социальных связей, накоплению опыта социального модерирования, ведения дискуссий, переговоров.

²⁶¹ Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Яковсона. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2010. 419 с.

По мнению респондентов, основные барьеры гражданского участия включают неверие в возможность что-то изменить (51% опрошенных; рис. 21). Около трети респондентов в числе серьезных препятствий также называет разобщенность людей (32%), нехватку ресурсов (32%). В меньшей степени барьеры участия население связывает с отсутствием желания что-то делать для других (18%) и возможностью пользоваться тем, что сделали другие (16%).

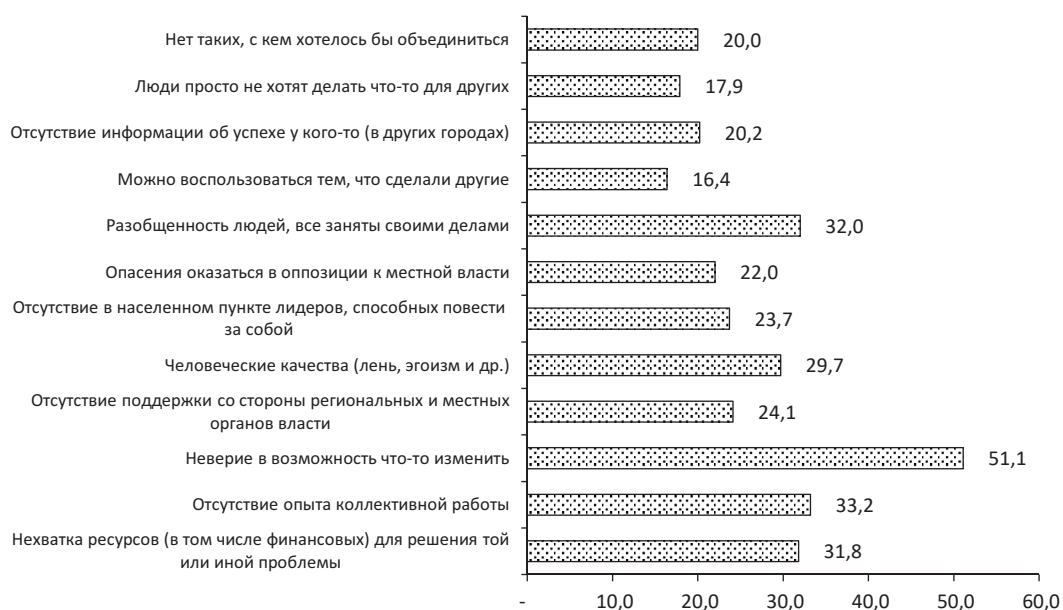

Рисунок 21. Оценка территориальным сообществом препятствий к объединению для решения волнующей их проблемы (в % по каждому суждению)

Региональные данные позволяют оценить динамику мнения респондентов относительно главных причин недостаточно активной гражданской позиции. Так, главным барьером, препятствующим проявлению гражданской позиции на протяжении практически всего периода 2008–2021 гг., респонденты считают индивидуализм и безразличие к общим делам (табл. 20). Исключение составляют 2013, 2015 и 2017 годы, когда лидирующую позицию занимало неверие в возможность оказывать влияние на решения властей. Значительную долю ответов составляет мнение опрошенных, заключающееся в том, что люди привыкли надеяться на готовое – с 2017 года доля этих ответов стабильно возрастает. В 2019–2021 гг. увеличивается доля респондентов, отмечающих недостаток знаний и чрезмерную занятость в числе основных барьеров участия.

Таблица 20. **Динамика оценок территориальным сообществом препятствий к объединению для решения волнующей их проблемы** (в % по каждому суждению) *

Препятствие	Год										
	2008	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	19,6	24,5	19,5	22,3	29,9	33	32,8
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22	21,9	19,5	19,6	19,2	21,5	24,6	30,4	32,3
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	15,4	19,7	16,4	17,8	27,5	27,5	28,6
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	21	22,3	20	21,1	28,1	27,7	27,4
Недостаток времени, чрезмерная занятость	9,9	12,3	15,5	15	14,4	18,5	14,8	17,2	27,3	24,4	26,5
* Данные по Вологодской области, приведены 5 основных причин. В 2009–2010 гг. и в 2012 г. вопрос респондентам не задавался.											

Наибольшие опасения вызывают проблемы низкого уровня участия людей среднего возраста: именно они показывают «среднюю температуру» общества, как наиболее работоспособное, создающее благосостояние поколение. Как правило, эти люди загружены повседневными обязанностями, рабочими и домашними (эксперт 37). *«Молодежь активизировали благодаря работе с молодежью, это всё здорово. Пенсионеры, потому что привыкли. Они люди другого поколения, они воспитаны на совсем других делах. А вот середина у нас пропадает. Хотя вот, родители, выйдите, покажите пример своим детям, как надо делать. Воспитывать детей мы должны своим примером. Вместе с ребенком дерево посадите, потом ребенок никогда не сломает это дерево, потому что он его посадил»* (эксперт 3). У детей *«среднего поколения пап и мам, безучастных, неактивных в общественной жизни, у них нет примера»*, который они в свою очередь не передают своим детям. *«Получается „порочный круг“. Это спираль, ведущая не в том направлении. Это как в романе „Вверх по лестнице, ведущей вниз“»* (эксперт 29). Основные барьеры, препятствующие вовлечению этого поколения в общественную жизнь, включают недостаток

свободного времени – *«Представьте себе работающего человека 45+. Он работает на сельхозпредприятии у него весна/осень две горячие поры. Он с 5 утра до 8 вечера отработал, а если у себя хозяйство держит, то за скотиной поухаживал. А к нему в 9 вечера постучится во двор какой-то активист с просьбой бесплатно что-то поделать. Может возрасти травматизм на селе»* (эксперт 15). *«Потому что здесь все по науке, пока люди не удовлетворят свои основные потребности по пирамиде Маслоу, они не перейдут к потребностям более высокого класса, и здесь уже Костомукша ничем не отличается от другого мира»* (эксперт 33).

В то же время активисты отмечают, что речь идет скорее о нежелании прилагать усилия, о некоторой пассивности населения: *«Когда слушаешь это, ты понимаешь прекрасно, что и раньше, когда у людей были коровы, овцы, свиньи, стирка со стиральной доской, не было дома ничего, то люди находили время куда-то идти, чем-то заниматься дополнительно ... Я думаю, что нет достаточного желания, чтобы что-то сделать, время всегда можно найти»* (эксперт 35).

Еще одной причиной, по словам экспертов, является то, что *«люди не верят, что они могут что-то изменить, они считают, что их сил недостаточно, и даже если их силы объединяет общественная организация какая-то, этого тоже недостаточно, что все решается сверху, и соответственно, их дело ничего не будет значить»* (эксперт 33). Такое неверие тесно связано с общим непониманием механизмов взаимодействия с органами власти и общественными организациями, причем в разной степени со стороны всех акторов: *«Сейчас же все органы власти заставляют сотрудничать с общественными организациями. Они сотрудничают, но многие недопонимают... общественную деятельность, у них все не так, у них все четко, приказы»* (эксперт 9).

Социально-психологические барьеры связаны с низким уровнем доверия государственным (прежде всего региональным) и, особенно общественным институтам. К примеру, на стабильном уровне сохранилось только доверие армии, профсоюзам и Российской академии наук; доверие остальным институтам (включая органы власти, СМИ, политические партии, общественные структуры и т. д.) снизилось. Но главное даже не негативная динамика, а тот факт, что среди многочисленных государственных и общественных структур институты гражданского общества пользуются наименьшим доверием среди населения (по данным за 2019 г. в Вологод-

ской области уровень доверия населения Президенту РФ составил 51%, в Карелии – 64%; армии – 40 и 58% соответственно, церкви – 38–39%, общественным организациям – 21–22%). Как показывает исследование, в отношении институтов гражданского общества можно говорить скорее о неверии в их возможность оказывать реальное воздействие на лиц, принимающих управленческие решения. Низкий уровень доверия населения к НКО отрицательно сказывается на степени вовлечения некоммерческими организациями в свою деятельность граждан, не являющихся их членами.

Попытки государства сформировать формальные механизмы, позволяющие выстроить взаимодействие между населением и органами власти, в настоящее время сложно считать эффективными. В частности, созданные в регионах общественные советы не оправдывают ожиданий представителей органов власти: *«По общественному совету я не вижу особого взаимодействия. В основном это бывшие руководители каких-то районных властей. В его составе бывший руководитель администрации района находится, заместитель руководителя администрации города по общим вопросам. Понимаете, это люди, которые всегда были у власти. Людей, заинтересованных в работе общественного совета, особо нет. Это инструмент власти. Он собирается в Администрации. Нести туда свои чаяния нет толку. Народ не очень доверяет общественному совету. Это все равно, что пойти во власть»* (эксперт 27); *«Что касается общественных советов, я понимаю, что они созданы практически во всех федеральных, региональных учреждениях. Могу оценить их работу и работу нашего общественного совета неудовлетворительно. По большому счету они носят формальный характер»* (эксперт 15). Некоторые общественники считают, что обращение в подобные организации нецелесообразно в силу временных затрат: *«Вопрос не в том, что мы не можем заставить [власть]. Просто пока мы будем ждать, пройдет два месяца. Смысл какой, когда там работы, грубо говоря, на полчаса. Такие вот мелочи, связанные с благоустройством, мы в состоянии самостоятельно решить»* (эксперт 3).

Второе важное препятствие вовлеченности территориального общества в общественно полезные практики – недоверчивое отношение населения к общественным организациям, опасение того, что помощь не дойдет до адресата. В этой связи острой проблемой для имиджа российских НКО является борьба с мошенничеством. К примеру, в последнее

время учащаются случаи призывов к сбору частных пожертвований, за которыми стоят недобросовестные люди²⁶². Безусловно, каждый такой случай уменьшает доверие к общественным организациям и в целом дискредитирует саму систему некоммерческого сектора.

Социально-коммуникативные барьеры связаны с отсутствием согласованности действий между участниками. Выявлен низкий уровень межличностной коммуникации при реализации общественно полезной деятельности, что во многом обусловлено отсутствием опыта совместных действий, выстраивания договоренностей, определения целей и средств для их достижения. В условиях ограниченных государственных ресурсов существует запрос на участие населения в благоустройстве территорий, как городских, так и придомовых (эксперт 32). Это, однако, сопряжено с неоднозначным отношением жителей к проблеме: *«Я считаю, что таким образом нужно следить за порядком. Благоустройство территории, мусор. У нас поставили закрытые контейнеры, но все равно много бросают. Я кошу траву, мой дом на набережной, а рядом соседи не хотят»* (эксперт 28). На взгляд экспертов, *«сейчас существует такая проблема, что люди, живущие в одном доме, совершенно не знают друг друга. По мнению многих, их личная ответственность – только их квартира, все, что находится за порогом, не входит в их зону ответственности. В таком случае о какой-то гражданской активности не может быть речи, если у собственников такое понимание. Ведь территория подъезда, дворовая территория входят в зону ответственности собственников»* (эксперт 25). Многие эксперты считают, что в настоящее время гражданская активность характеризуется бессистемностью, *«в современном обществе утрачены формы коллективизма. Раньше они культивировались начиная с октябрёнка, пионера, комсомольца»* (эксперт 1).

Авторская типологизация барьеров гражданского участия представлена на рисунке 22.

²⁶² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. М.: Общественная палата РФ, 2019. С. 61–62.

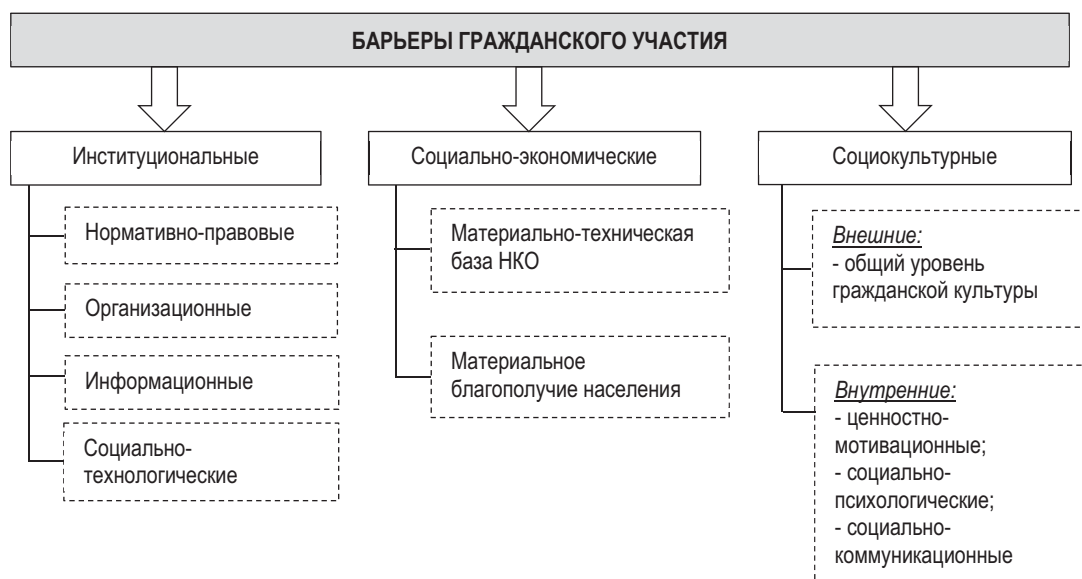

Рисунок 22. Типологизация барьеров гражданского участия территориального сообщества

Источник: составлено автором.

3.3. Инструменты преодоления барьеров гражданского участия в региональном социальном пространстве

На основе типологизации барьеров гражданского участия рассмотрим инструменты для их преодоления на региональном уровне. С нашей точки зрения такой механизм представляет собой совокупность согласованных методов и социальных технологий, практическое внедрение которых направлено на количественный и качественный рост показателей гражданского участия. Следуя логике исследования, инструменты в составе единого механизма мы обосновывали в институциональном, социально-экономическом и социокультурном контексте.

Прежде чем перейти к проблеме разработки инструментов по преодолению барьеров гражданского участия в российском региональном пространстве, обратимся к зарубежному опыту. В 2018 г. Совет Европы²⁶³ разработал рекомендации по развитию гражданского участия на региональном и местном уровнях. Согласно этим рекомендациям, основные

²⁶³ Совет Европы – это крупнейшая международная организация, содействующая сотрудничеству между её членами, государствами и странами Европы в области стандартов права, прав человека, демократического развития, законности и культурного взаимодействия.

принципы региональной политики европейских стран в обозначенной сфере заключаются в следующем:

1. Предоставлять информацию по различным вопросам, волнующим местных жителей, о возможных форматах гражданского участия; обеспечивать прозрачность принятия решений региональными и местными властями, тем самым повышая подотчетность лиц, принимающих решения.

2. Искать новые способы повышения гражданственности и развития культуры гражданского участия.

3. Развивать осознание принадлежности к сообществу и побуждать граждан принимать ответственность за развитие территорий, вносить свой вклад в жизнь своих сообществ.

4. Уделять большое внимание взаимодействию между органами государственной власти и гражданами.

5. Принять комплексный подход к участию граждан, учитывая как практики представительной демократии (например, политические выборы), так и непосредственного участия в принятии решений и решении социальных проблем.

6. Избегать чрезмерно жестких решений и позволять экспериментировать, отдавая приоритет расширению прав граждан; следовательно, государства-члены должны предусмотреть широкий спектр инструментов участия и возможность комбинировать их и адаптировать способ их использования в зависимости от обстоятельств.

7. Проводить углубленную оценку ситуации с участием местного населения, установить соответствующие контрольные показатели и внедрить систему мониторинга для отслеживания любых изменений в них, чтобы идентифицировать причины любых положительных или отрицательных тенденций в участии граждан и оценить влияние принятые механизмы.

8. Обеспечивать обмен информацией между странами и внутри стран о передовой практике в участии граждан, чтобы общественность была полностью информирована обо всем диапазоне имеющихся возможностей участия; поддерживать знания региональных и местных властей об эффективности различного участия.

9. Уделять особое внимание гражданам, которым труднее принять активное участие, вынужденным оставаться в стороне от общественной жизни.

10. Признать и усилить роль ассоциаций и групп граждан как ключевых партнеров в развитии и поддержании культуры участия, как движущей силы в практическом применении эффектов участия²⁶⁴.

Как следует из предложенных рекомендаций, в основе механизма повышения гражданского участия по европейским стандартам заложен комплексный подход, охватывающий как формальные, так и неформальные практики вертикального и горизонтального взаимодействия.

Обратимся к опыту интенсификации гражданского участия в отдельных странах. Так, проведенный нами анализ международных данных CAF World giving index выявил, что Нидерланды занимают высокие позиции по сравнению с другими странами по благотворительной деятельности (речь идет о совокупном показателе по таким практикам, как помощь незнакомцу, денежные пожертвования, волонтерство в общественных организациях)²⁶⁵. Это обусловило исследовательский интерес к рассмотрению нидерландского опыта развития гражданского участия территориального сообщества в социально-экономической сфере. Как демонстрируют социологические данные, с 2012 по 2016 г. почти половина жителей страны занимается волонтерской деятельностью не реже одного раза в год²⁶⁶. Высокий уровень участия в благотворительности демонстрируется в Нидерландах не только в последние годы, но и в долгосрочной ретроспективе: в соответствии с данными голландского Центрального бюро статистики с 1977 г. этот показатель всегда колебался между 42 и 45%²⁶⁷. Вследствие старения населения Нидерландов, в стране наблюдается активный рост спроса на услуги, связанные со здравоохранением, в этой связи волонтерство в обозначенной сфере становится все более важной деятельностью в обществе. Различные мотивы заставляют людей осуществлять благотворительную работу в Нидерландах, такие как альтруизм, чувство полезности, желание расширить социальные сети, получить новые навыки или из чувства долга²⁶⁸. Есть определенные демографические группы, которые чаще занимаются благотворительностью, чем другие. Большинство волонтеров имеют высшее образование. Разница

²⁶⁴ Participation of citizens in local public life / Council of Europe. URL: <https://book.coe.int/en/root/1947-participationofcitizens-in-local-public-life-local-and-regional-authorities-in-europe-no72.html>

²⁶⁵ CAF World giving index. Ten years of giving trends, October 2019.

²⁶⁶ Arts K., Te Riele S. (2010) Vrijwilligerswerk. Sociale samenhang: Participatie, vertrouwen en integratie. Den Haag/Heerlen: CBS. Pp. 53–70.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Bekkers R., De Wit A., Hoolwerf B., Boezeman E. (2015). Geven van tijd: vrijwilligerswerk. Amsterdam: Reed Business, 154 p.

между жителями сельской и городской среды очевидна: те, кто живет в сельской местности, чаще занимаются благотворительностью в Нидерландах, чем те, кто живет в городской среде²⁶⁹.

Кроме того, важнейшим фактором благотворительности являются особенности трудовой деятельности (или ее отсутствие). Безработные, люди, занятые неполный рабочий день, а также те, кто не может работать в «стандартных» обстоятельствах из-за других обязательств или препятствий, занимаются благотворительностью чаще, чем средний голландец²⁷⁰.

П. Деккер подчеркивает, что безработные в Нидерландах часто оказываются на длинных траекториях, где от них ожидают волонтерской работы в качестве компенсации к пособию по безработице. Этот вид благотворительной деятельности находится в серой зоне между добровольным и недобровольным участием. Часто сотрудник Агентства по страхованию (ОСТ) стимулирует благотворительную работу для безработных, тем самым способствуя не только эффективному использованию времени, но и их интеграции в социум²⁷¹. Пример Нидерландов обеспечивает теоретическую точку сравнения того, каковы условия, ведущие к высокому уровню участия в общественно полезной деятельности. В целом опыт Нидерландов показывает, что наличие сильного и современного государства всеобщего благосостояния не вытесняет гражданское участие и наоборот (аргумент, распространенный в американской литературе)²⁷².

Е.В Базуева и А.С. Артамонова осуществили попытку обобщить основные инструменты развития гражданского участия в части волонтерской деятельности по странам. Они выделили различные виды институтов, закрепляющих нормы волонтерских практик, а также способствующих изменению ментальных конструкций индивидов через систему побудительных мотивов участия в волонтерской деятельности (табл. 21). Таким образом, авторы охватывают и институциональный (связанный, к примеру, с законодательством), и социокультурный (например, нормы, ценности, мотивы) контекст применения инструментов преодоления барьеров волонтерской деятельности.

²⁶⁹ Beach B., McKenzie D. (2014). Population Ageing & the Voluntary Sector: Key Figures and Projected Trends. London: Commission on the Voluntary Sector & Ageing.

²⁷⁰ Krieg S., Lautenbach H., Schmeets H. (2017). Vrijwilligers met en zonder betaald werk. Statistische Trends, december 2017, pp. 1–19; Schmeets H., Arends J. (2017). Vrijwilligerswerk: wie doet het? Statistische Trends, december 2017, pp. 1–19.

²⁷¹ Dekker P. (2017). Vrijwilligerswerk verkend. Geron, vol. 19 (4), pp. 6–10.

²⁷² Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 169–185.

Таблица 21. Система специализированных институтов по интенсификации диффузии волонтерской деятельности в зарубежном опыте

Институты	Виды специализированных институтов	Страны
Институты продвижения волонтерских практик	Выстраивание сотрудничества между органами власти, гражданским обществом и коммерческими структурами Специальные департаменты по развитию волонтерства среди женщин Специальные законы и программы для стимулирования участия молодежи в волонтерской деятельности, особенно в сельской местности Национальные программы по равномерному распространению волонтерства в регионах страны Выстраивание сотрудничества с международными альянсами, работающими в смежных сферах, с целью повышения значимости мнения местных волонтеров у национальных и региональных органов власти	Новая Зеландия, Люксембург, Канада, Швеция, Австрия, Австралия, Перу Непал, Индия, Бангладеш, Перу, Эстония Гондурас, Мозамбик, Того, Гана, Кения, Китай, Великобритания Чили
Институт развития гражданского общества (система обратных связей)	Привлечение населения к законотворческой деятельности	Канада, Швеция, Эстония, Исландия, Австрия, Люксембург
Институт развития горизонтальных связей посредством сетевых механизмов диффузии норм гражданского участия	Создание и расширение специальных площадок для совместного обсуждения проблем сообщества («invited spaces»)	Непал, Кения, Уганда, Бразилия, Перу, Новая Зеландия, Австрия
Институты повышения репутации волонтерской деятельности среди населения	Учреждение года волонтерской деятельности для людей 17–28 лет, в течение которого они трудятся в одной из социальных организаций страны полный рабочий день, получая небольшое ежемесячное пособие Награждение волонтерских организаций, стимулирование научно-образовательных учреждений для проведения исследований по теме гражданского участия	Австрия Непал, Кения, Уганда, Бразилия, Перу, Новая Зеландия, Австрия
Институт волонтерского образования	Проведение форумов для повышения участия женщин в волонтерской деятельности посредством развития необходимых знаний и навыков	Непал, Индия, Перу, Бангладеш
Институты повышения мотивации участия в волонтерстве	Создание «паспорта волонтера», в котором содержится информация обо всех волонтерских практиках участия человека в течение жизни с перечислением навыков, использованных в данном процессе Освобождение от уплаты НДФЛ на расходы, связанные с волонтерской деятельностью, сохранение пособий по безработице при заключении контракта на волонтерскую деятельность	Австрия, Франция, Австралия Македония
Источник: Базуева Е.В., Артамонова А.С. Диффузия волонтерства за рубежом и в России: культурные основания, оценка барьеров, технологии интенсификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 240–257.		

Таким образом, зарубежные практики демонстрируют разносторонние направления по внедрению инструментов развития общественно полезной деятельности, что следует учитывать при разработке российского кейса, в том числе на региональном уровне. На основе проведенного эмпирического исследования условий и барьеров формирования и развития гражданского участия с учетом успешного опыта других стран предложим систему инструментов по преодолению выявленных ограничений для апробации в региональном социальном пространстве.

Институциональное поле. Роль государства в развитии гражданского участия как значимого нематериального фактора общественного развития в первую очередь определяется в формировании соответствующего нормативно-законодательного поля. С точки зрения законодательной базы поддержки общественного сектора со стороны экспертов выражен запрос:

➤ на изменение системы налогообложения для предприятий, занимающихся благотворительной деятельностью: *«Налогом должны облагаться только средства предприятий за вычетом средств, потраченных на благотворительность»* (эксперт 7);

➤ упрощение юридических, бухгалтерских процедур по примеру МФЦ: *«Они приходят в окошко, и там могут все, весь спектр услуг получить, вот такое вот единое окно для НКО, где все было бы понятно. Не знаю, какой-то ресурс, все НКО зашли и зарегистрировались как „Госуслуги“, их там я не знаю, и они понимают, план у них, может быть, какой-то свой консультант, бот, который ведет и который максимально упрощает их жизнь в этом бухгалтерском, финансовом, юридическом мире»* (эксперт 33);

➤ законодательное регулирование волонтерской деятельности: *«По опыту европейских стран, приравнивать волонтерскую деятельность к трудовому стажу и учитывать при приеме на работу такой опыт. В волонтерских организациях приобретается очень хороший опыт и различные навыки, которые больше нигде не получить. Очень важно, чтобы ребята понимали, что волонтерство может стать для них серьезным карьерным стартом. Очень бы хотелось это закрепить законодательно, те же волонтерские книжки, например»* (эксперт 21).

Проведенный нами анализ убедительно показал, что, несмотря на широкий перечень формальных норм и правил, регулирующих различные сферы общественно полезной деятельности, они рассредоточены в федеральном и региональном законодательстве. В таких условиях затрудняется формирование единого, целостного нормативно-правового

поля гражданского участия, оно носит скорее фрагментарный характер. В то же время полагаем, что в связи с ростом значимости гражданского участия в жизни страны и ее регионов назревает необходимость в разработке и принятии единой стратегии (закона/кодекса/программы) на региональном уровне, направленной на создание комплексной системы нормативных регуляторов развития этого феномена. При этом в сферу законодательного обеспечения деятельности должны попадать не только формализованные организации – НКО, но и неформальное участие, прорабатываться инструменты участия НКО и инициативных групп в законодательном процессе, лоббировании своих интересов. Стимулирование комплексной общественной самоорганизации должно вписываться в программы регионального и муниципального развития.

В регионах следует развивать систему повышения квалификации, обучения в сфере реализации общественно полезной деятельности, которая должна охватить не только самих гражданских активистов, руководителей НКО, но и служащих регионального и муниципального уровней управления. Необходимо институциональное оформление специальности «менеджер социальных (гражданских) проектов» в программах высших и средних учебных заведений, курсов повышения квалификации для гражданских и муниципальных служащих по управлению общественно полезными инициативами населения.

Существует потребность выстраивании непосредственной коммуникации между населением и властью или бизнесом. Медиатором в данном случае могут выступать депутаты или активисты, *«которые пользуются авторитетом, которые имеют ресурс административный организовать всех специалистов и обсудить по-человечески проект ... Самое главное, чтобы это был один человек, чтобы всё в одной точке сходилось»* (эксперт 3). В целом эксперты отмечают, что межсекторное партнерство крайне важно для развития территорий, поскольку позволяет комплексно подходить к рассмотрению и решению проблем: *«Человек понимает и видит, как решать проблемы, например, и власть думает, что так можно, общественные организации смотрят со своей стороны, жители города – со своей. Я думаю, что взаимодействие этих всех трех сторон будет благоприятно»* (эксперт 32).

С точки зрения межсекторного взаимодействия эксперты отмечают необходимость выстраивания диалога между всеми участниками. Общественники считают, что лучшая поддержка – это *«слышать общественников, добровольцев. А не просто выслушать и забыть ... Надо не*

откупаться дипломами, а садиться за стол с общественниками и обсуждать проблему, пытаться найти совместное решение. Использовать свои властные полномочия для того, чтобы пойти на встречу, а значит – оказать помощь определённой категории людей» (эксперт 7). Основным резервом сплочения русского мира на основах традиционной культуры и нравственности активисты называют некоммерческие организации и граждан (эксперт 1). Необходимо стремиться *«приближать те проекты, которые реализует власть, к нуждам народа, то есть конкретно проживающего в этом квартале, микрорайоне. Люди должны почувствовать причастность, пока этой причастности не будет прочувствовано, ничего не получится. Главное – ощущение включенности в процесс»* (эксперт 26). Развивать механизм межсекторного взаимодействия через систему ресурсных центров: *«Когда в одном месте есть маленькая проблема, в другом месте маленькая проблема и в третьем, это все обобщает центр и с этой проблемой выходит на власть»* (эксперт 14).

Таким образом, важнейшим инструментом развития гражданского участия должно стать формирование разветвленной системы разноуровневых площадок для реального процесса взаимодействия – на принципах интерактивного диалога и обратной связи. Это позволит генерировать значимые общественные инициативы, консолидировать потенциал локального сообщества к гражданскому участию.

Отдельное внимание необходимо обратить на просветительскую работу среди населения, формирование единого информационного пространства о гражданском участии. Несмотря на общий тренд по повышению уровня участия, информацию об НКО необходимо распространять (эксперт 2), *«рассказывать. Кто-то заинтересуется и придет в проект. Насильно никого никуда не утащишь»* (эксперт 36); *«Каждый человек решает для себя сам, хочет он помогать или нет»* (эксперт 32). Эксперты считают, что информирование и открытость позволят сформировать у людей уверенность, что их мнение будет услышано, какими бы способами оно ни было высказано (эксперт 25). Просветительскую работу целесообразно проводить через средства массовой информации: *«В идеале, на областном ТВ, в областных газетах должны быть специальные рубрики, посвящённые гражданской активности. ... Необходимо показывать системно развитие общественного движения, под единой рубрикой, во всех областных и местных СМИ. Тогда люди будут больше знать и захотят позиционировать себя с общественниками»* (эксперт 7). Информационная осведомленность, освещение, разъяснительная работа входят в число за-

дач и органов власти: «Наша задача – донести до граждан, до жителей как раз понимание того, какие различные формы проекции, формы участия в жизни города сейчас существуют, где каждый может действительно свою позицию выразить и повлиять на развитие какого-то события, или на благоустройство территории, или на создание какого-то социального, или культурного объекта» (эксперт 39).

Дескриптивный анализ различий уровня вовлеченности территориального сообщества в практики гражданского участия в зависимости от информированности и доверия к НКО показал, что чаще, чем в среднем, в благотворительной деятельности участвует население, которое знает об НКО, а также доверяет им (43 и 53% против 33% в целом по выборке; табл. 22). Следовательно, хотя в регионах наблюдаются низкая вовлеченность населения в формальное добровольчество, связанное с деятельностью в какой-либо организации, и высокая неформальная добровольческая активность, некоммерческие организации играют значительную роль в росте вовлеченности территориального сообщества в практики участия.

Таблица 22. Взаимосвязь уровня информированности населения об НКО, доверия к ним и гражданского участия территориального сообщества (в % от числа ответивших)

Уровень информированности и доверия к НКО	Да, участвую	Нет, не участвую
Знаете ли Вы о деятельности НКО в Вашем городе (районе)?		
Да, хорошо знаю; что-то слышал	43,3	56,7
Нет, не знаю	21,2	78,8
Насколько Вы доверяете НКО?		
Полностью и в основном доверяю	52,9	47,1
Полностью и в основном не доверяю	27,1	72,9
Среднее по выборке	32,8	67,2
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.		

Итак, подчеркнем, что существование в регионе множества активно действующих некоммерческих организаций сочетается со слабостью их общественного влияния, неразвитостью практически деятельных и информационных связей с основной массой граждан. Сложившийся социокультурный барьер, отсутствие общественной поддержки и признания могут стать серьезным препятствием для дальнейшего развития некоммерческого сектора в регионе. На наш взгляд, для эффективного развития некоммерческих организаций Вологодской области необходимо: 1) шире применять современные способы информирования населения, научиться в интересной форме преподносить общественности практиче-

ские результаты своей работы с целью привлечения новых сторонников и партнеров; 2) в связи с тем что значимым фактором формирования общественного мнения является образование, НКО следует расширять сотрудничество с учреждениями среднего и высшего образования с целью развития гражданского образования, получения учащимися и взрослыми людьми знаний о некоммерческом секторе; 3) стремиться к обеспечению максимальной прозрачности и открытости своей деятельности перед обществом, что, безусловно, будет способствовать росту доверия и поддержки НКО среди населения.

Таким образом, представляется необходимым развитие механизма информирования при поддержке региональной власти путем формирования единого информационного пространства, в котором все субъекты и объекты системы взаимодействия по мере своих возможностей могут представлять информацию о социальных проектах и их результатах. Важно также применение НКО современных способов информирования населения о своей деятельности в целях расширения круга сторонников и партнеров.

Социально-экономическое поле. В этом направлении особое внимание следует обратить на развитие механизма региональных грантовых конкурсов как для НКО, так и для незарегистрированных инициативных групп при выделении средств на поддержку социально значимых проектов, как наиболее востребованного инструмента их обеспечения. Необходимо создание региональных «общественных инкубаторов» при поддержке власти и бизнеса в качестве единых центров инфраструктурной поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив на региональном и муниципальном уровне. Одним из важнейших направлений повышения гражданского участия населения должны стать мероприятия властей по преодолению избыточной социально-экономической дифференциации, повышению уровня и качества жизни населения, которые будут способствовать улучшению социального самочувствия, расширению социальных связей, социальной стабильности, переключению внимания людей с решения материальных проблем на участие в общественной деятельности.

В целом следует отметить большое значение коммерческих организаций в процессе решения общественных проблем. Темпы вовлечения бизнеса не в полной мере отвечают вызовам современности: *«Без бизнеса денег на решение сложных задач не найти. Понимают свою роль в этом процессе и делятся средствами далеко не все представители бизнеса.*

Осознание приходит медленно» (эксперт 7). Однако, по мнению активистов, «бизнес в этой деятельности, в этой сфере должен играть ключевую роль» (эксперт 9). Общественные инициативы в редких случаях могут быть реализованы без привлечения финансирования, большая часть проектов требует поддержки со стороны государства (в виде грантов, например), со стороны населения (пожертвования, сборы) или со стороны коммерческих предприятий. Частным случаем является то, что для развития и масштабирования общественных инициатив необходимы специалисты, которым нужно платить зарплату (эксперт 9). Однако в большинстве случаев речь идет о реализации полного комплекса мероприятий, направленных на решение социальных проблем, зачастую на постоянной основе.

В настоящее время бизнес, особенно крупный, проявляет свою социальную ответственность. *«Многие организуют собственные конкурсы грантов, кто-то при своей бизнес-структуре создает фонд, который помогает гражданам или является грантодающей организацией. Недавно ко мне приходил человек из бизнеса и интересовался, каким образом можно организовать грантовый конкурс и каким образом себя позиционировать как социальный бизнес» (эксперт 2). Многие НКО получают грантовую поддержку от фондов. Например, фонды Елены и Геннадия Тимченко, фонд «Лукойл» осуществляют проекты на территории СЗФО (эксперт 1). Большую и регулярную поддержку оказывают градообразующие предприятия. В Череповце поддержку оказывают крупные предприятия «Северсталь», «Апатит», «ФосАгро» (эксперт 24). «У крупных организаций мотивация в помощи заключается в улучшении репутации, помогая, они тем самым реализуют свою социальную политику» (эксперт 21). По мнению представителей власти, «крупный бизнес идет навстречу. Все-таки они у нас берут шефство над образовательными учреждениями, оказывают помощь. Проводят для старшеклассников дни открытых дверей, показывают производство. Есть профильные классы, такие как Газпром-класс, кадетские, МЧСные, полиции. Последний год в 11 классе начинается специфическое профильное обучение. Люди уже определяют с выбором профессии. Хотят ли они обучиться по целевому направлению и вернуться на завод. Например, у нас ДВП, Газовики, АТАГ сейчас запускает социальный проект – экскурсии детей на производство» (эксперт 15). Шекснинская конфетная фабрика «АТАГ» занимается также оборудованием детских площадок, проведением мероприятий, в том числе в деревнях (эксперт 14).*

Однако взаимодействие не ограничивается только крупным бизнесом. С местными предпринимателями идет взаимодействие в основном в муниципальных районах, *«где люди друг друга знают, там легче договориться по осуществлению каких-то социальных проектов на местном уровне. Местные предприниматели, как правило, оказывают такую поддержку для проведения локальных мероприятий небольшого масштаба»* (эксперт 1). В то же время малый бизнес относится к просителям с настороженностью, *«потому что они не знают, как эти просители используют средства. Здесь нужно войти в тесное доверие. Чтобы они видели, что их пожертвования направлены на ту цель, которая подразумевалась. Должна быть отчетность перед бизнесом. И тогда они более охотно оказывают поддержку»* (эксперт 1). Эксперты считают, что *«бизнес не стоит в стороне, надо только разговаривать, надо искать, надо убеждать»* (эксперт 23). Однако взаимодействие с бизнесом носит ситуативный характер, *«постоянной основы нет»* (эксперт 21), *«то есть ты уже знаешь, куда ты можешь обратиться, ты уже знаешь, что вот этот руководитель тебе не откажет и поможет»* (эксперт 32).

Самым распространенным способом партнерства выступает спонсорство. Так, в Вологде в 2019 году была запущена программа лояльности «Мы – вологжане и мы активны». Программа направлена на оказание материальной поддержки: *«В рамках этого проекта у нас 25 бизнес-партнёров, которые за пластиковую карточку лояльности предоставляют нашим ребятам небольшую скидку на свою продукцию. Карточки лояльности выдаются активным участникам наших мероприятий. За разовое участие – карта первого уровня, если систематически участвует – второго уровня, за победу – золотая карта. Чем выше уровень, тем больше скидка. ... Примерно выдано 5700 карточек, и выдача продолжается. В основном карты первого уровня. Партнёры разнообразные: это фитнес-центры, магазины молодёжной одежды, предприятия общепита»* (эксперт 5). Многие бизнесмены помогают в организации выезда детей-спортсменов на соревнования, оплачивая расходы на проезд и проживание: *«Спонсорская помощь всегда оказывается, со многими предпринимателями – и призы, и просто денежные средства, то есть в зависимости от того, когда что просим, то есть бизнес в принципе рядом, помогает»* (эксперт 35).

Социокультурное поле. Проводится разработка механизмов для поддержки мероприятий по гражданскому образованию, повышению уровня гражданско-правовой культуры. Стимулируются низовые инициативы –

как малых групп и неформальных объединений (соседских, дружеских), так и отдельных индивидов, в том числе за счет инвестиций в социальный капитал гражданских активистов. Доверие населения к некоммерческим организациям повышается посредством роста прозрачности их деятельности, социальной рекламы, распространения информации о лучших практиках в официальных СМИ. В связи с этим важна поддержка и поощрение широкой пропаганды эффектов гражданского участия в СМИ. Необходимо регулярное освещение социальных проблем на региональном и муниципальном уровнях, а также формирование посредством социальной рекламы, интернет-технологий мотивации гражданского участия, ответственного поведения территориального сообщества, понимания того, что в решении социальных проблем можно опираться на НКО, волонтеров и активных граждан. Должны развиваться «нересурсоемкие» формы государственной поддержки гражданских инициатив, оказываться моральное поощрение, в том числе через присвоение государственных наград. На формирование морально-нравственных мотивов большое влияние оказывает среда, в которой человек растет. Так, многие эксперты связывают начало своей общественной деятельности с советским прошлым: *«Это все еще было с комсомольской деятельностью, это, конечно, и спланивало, и придавало много энергии от общения с людьми, когда отдачу видишь, когда видишь, что все, что ты делаешь, это нужно, это важно»* (эксперт 8), *«Вот эта вот возможность почувствовать себя нужными, она предоставлялась и в общественных организациях, и энтузиастами-учителями»* (эксперт 8). Организации, созданные в рамках реализации советских государственных программ, и в настоящее время ведут активную работу – *«ВОСВОД, ВДПО, Красный крест, Общество охраны природы, защитников культуры и т.д.»* (эксперт 9).

Одним из приоритетных направлений работы по повышению уровня гражданской активности эксперты считают работу с детьми. *«Создать условия, когда тебя замечают, когда ты можешь себя проявить, в этом и есть задача и общественных организаций и в целом воспитательного процесса»* (эксперт 8). При этом речь не идет о внедрении каких-то механизмов «сверху», поскольку *«школа – это живой организм, где вместе с детьми находятся учителя, родители, общественность. Поэтому именно в школе должно рождаться что-то новое, интересное, созвучное тому, в чём нуждаются и дети, и педагоги, и родители»* (эксперт 7). В качестве одного из возможных способов может стать институт кураторства.

Куратор – это «*тот человек, который работает в конкретном колледже, институте, школе*», способный стать неким проводником для детей в мир конструктивной гражданской активности (эксперт 9). Необходима разработка системы поощрения общественной деятельности: «*Различные виды материальных, нематериальных поощрений. У нас в центре это было разработано. И сейчас поощряем добровольцев. Например, двум сотрудникам помогаем получить звание ветерана труда (даёт 1,5 тыс. руб. прибавки к пенсии). Без почётной грамоты от мэра или губернатора это звание не получить. Многие организации ничего не предпринимают в этом направлении. В нашем комплексном центре ситуация иная: например, перед моим уходом оттуда 38 человек награждено разными уровнями наград. Это тоже стимулирует людей с нами работать. Бесплатно добровольчество быть не может*» (эксперт 11). Для детей и молодежи система поощрения может включать бонусы при поступлении в учебные заведения (эксперт 11).

Проведенный анализ материалов интервью позволил выработать авторский подход к осмыслению гражданской грамотности среди молодежи как одного из важнейших инструментов развития гражданского участия. На его основе разработан интерактивный курс ««Гражданская грамотность: просто о сложном» для внедрения в школах Вологодской области. В этой части использовалась методическая стратегия партисипаторного исследования: в научный процесс нами были подключены со-исследователи (представители территориального сообщества), обладающие знаниями и навыками относительно особенностей гражданского участия в регионе, заинтересованные в социальных преобразованиях и готовые к их осуществлению в месте своего проживания. В этих целях проводилась совместная деятельность по разработке и реализации социального проекта «Гражданская грамотность: просто о сложном» с лидерами гражданских инициатив и некоммерческих организаций, инициированная и организованная нами, а затем, по классификации А. Корнуолла и Р. Джьюкса, она перешла на стадию коллегиального формата, когда исследователь и локальные сообщества работают совместно как коллеги, обладающие разными навыками, при этом последние также имеют возможность контролировать процесс исследования. Как справедливо отмечают социологи, в современном российском обществе молодежь – это та социальная группа, которая настроена на позитивную деятельность, гораздо свободнее, чем старшее поколение, в своих устремлениях, лучше сориентирована в современном коммуникационном пространстве, готова

к освоению нового как часть мирового сообщества²⁷³. Молодежь имеет определенный инновационный потенциал: разделяет ценности инновационного общества, обладает качествами инновационной личности и определенными установками на образовательную и профессиональную деятельность²⁷⁴.

Выявлено, что мотивы участия молодежи (18–30 лет) более рациональны по сравнению с другими возрастными группами: в первую очередь связаны с тем, что общественно полезная деятельность «вызывает уважение со стороны окружения», это «определенный статус», «навыки коммуникации», «возможность расширить связи» (в отличие от более старшего поколения, для которого участие – это «желание помочь»). Активное участие в общественной жизни дает молодежи дорогу для дальнейшего развития и самореализации, что является основой молодежной политики на федеральном и региональном уровнях. Социологические данные показывают негативную ситуацию: молодые люди более пассивны и равнодушны к реализации себя в общественной жизни, чем, к примеру, лица в возрасте от 30 до 60 лет. При этом наблюдается негативная динамика: за последние 10 лет (с 2011 г.) в Вологодской области доля молодежи, оценивающей свое участие в общественно-политической жизни как пассивное, возросла с 44 до 57%. В экспертных интервью среди представителей власти, НКО, гражданских активистов, научного сообщества и самих школьников превалирует позиция, связанная с тем, что одним из барьеров для роста вовлеченности подрастающего поколения в общественно значимую деятельность является отсутствие гражданской грамотности. Гражданская грамотность в нашем понимании – это комплексное понятие, которое раскрывает представления о правах, патриотизме, некоммерческом секторе, гражданском участии, солидарности и помогающем поведении. В мировой практике гражданская грамотность подростков и молодежи выдвигается в качестве основного инструмента инновационных изменений общества²⁷⁵. Таким образом, можно утверждать, что гражданская грамотность должна лежать в основе модели раз-

²⁷³ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

²⁷⁴ Ушенков Е.Е. Оценка уровня инновационного потенциала молодежи (по материалам исследования в Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 127–133.

²⁷⁵ Soska T.M., & Johnson Butterfield A.K. (2004). (Eds.) University–community partnerships: Universities in civic engagement. Binghamton, NY: Haworth Press.

вития и реализации человеческого капитала, в рамках которой значение приобретает способность граждан к критическому анализу окружающей действительности. В качестве одного из возможных инструментов повышения мотивации молодежи выступить в роли активного субъекта общественного развития нами обосновывается включение в образовательный процесс факультативного курса гражданской грамотности при непосредственном участии волонтеров из молодежных общественных организаций регионов. Это приведет к сокращению дистанции между образованием и социальной средой. В основе реализации предложенной модели лежит взаимосвязь образовательной и гражданской компетенции; специфика последней состоит в сочетании таких знаний, навыков, отношений и ценностей, которые расширяют возможности для молодых людей в формировании своего повседневного существования как активных, информированных и ответственных граждан²⁷⁶.

В целом следует заключить, что систематизация инструментов по преодолению барьеров развития гражданского участия в региональном социальном пространстве (рис. 23) и их последующий учет в формировании общей стратегии развития регионов не должны носить статичный характер, что обосновывает роль исследователей-социологов в осуществлении социальной диагностики гражданского участия в региональном пространстве России. Создание и регулярное обновление информационной базы, полученной посредством социальной диагностики, позволит выявить сильные и слабые стороны, потенциал и перспективы гражданского участия на уровне регионов и их муниципалитетов, в том числе в сравнении с другими субъектами РФ. Социальная диагностика гражданского участия на региональном и муниципальном уровнях должна включать как полевой (в форме анкетного и экспертного опроса, фокус-групп), так аналитический этап исследования и комплексно охватывать вопросы, к примеру такие, как уровень и потенциал гражданского участия в регионах; востребованные практики гражданского участия; эффекты гражданского участия; уровень информированности о возможности включения в различные практики участия по месту жительства; барьеры гражданского участия и возможные инструменты для их преодоления на региональном и муниципальном уровне.

²⁷⁶ Ключарев Г.А., Трофимова И.Н. Несколько «уроков» теории и практики гражданского образования // Политические исследования. 2016. № 1. С. 175–191.

Рисунок 23. **Инструменты преодоления барьеров гражданского участия в регионе**

Источник: составлено автором.

В основу социальной диагностики гражданского участия регионального пространства современной России может быть заложена авторская методология, разработанная в рамках настоящего исследования.

Выводы по главе 3. Исследование показало, что гражданское участие, независимо от эффекта взаимодействия с властями, в целом более позитивно сказывается на восприятии своего контрагента, чем отчуждение, отказ от взаимодействия. Доказывается, что в общественно-политическом контексте вовлеченность в практики гражданского участия способствует развитию механизмов обратной связи государства и общества, преодолению отчуждения от власти, росту доверия власти, снижению напряжения в обществе. Эффекты гражданского участия территориального сообщества проявляются в социально-экономической сфере регионального пространства, особенно при реализации социальной политики. Обосновывается, что региональные некоммерческие организации прочно занимают свою нишу в производстве социальных услуг в сфере образования, культуры, спорта, здравоохранения и особенно социальной защиты. Роль участия граждан в трансформации социальных и экономических институтов, росте уровня жизни и благосостояния населения заключается не только в форме создания общественных организаций, но и в самоорганизации по месту возникновения проблем, в неформальной общественно полезной деятельности, которая распространена гораздо больше, чем участие в работе зарегистрированных НКО. Гражданское участие (независимо от формального или неформального характера) рассматривается не просто как ресурс решения политических или социально-экономических задач, но и как источник развития коллективных традиций, солидарности, социальной сплоченности в российском обществе. Значимость фактора локальных инициативных сообществ проявляется в росте социальных взаимосвязей, межличностной коммуникации, что позитивно сказывается на уровне доверия и в целом на нормализации общественного климата. Вовлеченность населения в практики гражданского участия способствует развитию территориальной (региональной) идентичности, которая отражает социальные представления о принадлежности к локализованному социальному пространству, определенной общности, имеющей свои социальные интересы.

Специфика различных практик гражданского участия обусловлена институциональной, социально-экономической и социокультурной средой. В связи с этим изучаемые барьеры подразделяются нами на три группы: связанные с институциональной, социально-экономической и социокультурной природой. Дальнейшая систематизация барьеров в выделенных группах осуществлялась по однородным признакам, что позволяет

достаточно полно охарактеризовать барьеры гражданского участия, возникающие как при вертикальном (с органами власти), так и горизонтальном (между общественными структурами и населением) взаимодействии. В соответствии с разработанной типологизацией в институциональной среде выявлены нормативно-правовые, организационные, информационные, социально-технологические барьеры. Социально-экономические барьеры, с одной стороны, связаны с финансовым, материальным, инфраструктурным обеспечением деятельности формальных и неформальных структур гражданского участия, с другой – с материальным благополучием локального сообщества. В социокультурной среде выявлены внешние барьеры, которые определяются общими культурными ориентирами в обществе, и внутренние, обусловленные ценностно-мотивационными и социально-психологическими ориентирами субъектов участия и межличностными коммуникациями при реализации общественно полезной деятельности.

На основе типологизации барьеров гражданского участия разработаны инструменты для их преодоления на региональном уровне. Следуя логике исследования, мы обосновали данные инструменты в институциональном, социально-экономическом и социокультурном контексте. На наш взгляд, в институциональном поле важнейшими инструментами являются разработка и принятие единой региональной стратегии (закона/кодекса/программы), направленной: на создание комплексной системы нормативных регуляторов развития гражданского участия; обобщение и выделение законодательства о гражданском участии (в его политической и социальной формах) в отдельную отрасль права; развитие системы повышения квалификации, обучения в сфере реализации общественно полезной деятельности, которое должно охватить не только самих гражданских активистов, руководителей НКО, но и служащих регионального и муниципального уровней управления; формирование единого информационного пространства гражданского участия; создание разветвленной системы разноуровневых площадок для реального процесса взаимодействия.

Преодоление барьеров в социально-экономическом поле, как нам видится, предполагает развитие механизма региональных грантовых конкурсов и для НКО, и для незарегистрированных инициативных групп, создание региональных «общественных инкубаторов» при поддержке власти и бизнеса как единых центров инфраструктурной поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив на местном уровне.

Одно из важнейших направлений степени гражданского участия населения должно быть представлено мероприятиями властей по преодолению избыточной социально-экономической дифференциации, росту уровня и качества жизни населения, которые будут способствовать улучшению социального самочувствия, расширению социальных связей, социальной стабильности, переключению внимания людей с решения материальных проблем на участие в общественной деятельности.

В социокультурном поле предлагается разработка инструментов для поддержки мероприятий по гражданскому образованию, повышению уровня гражданско-правовой культуры. Необходимы стимулирование низовых инициатив – как малых групп и неформальных объединений (соседские, дружеские), так и отдельных индивидов, повышение доверия населения к некоммерческим организациям посредством увеличения прозрачности их деятельности, социальной рекламы, распространения информации о лучших практиках в официальных СМИ, а также развитие «нересурсоемких» форм государственной поддержки гражданских инициатив и оказание морального поощрения, в том числе через присвоение государственных наград.

Реализуется авторский подход к осмыслению гражданской грамотности среди молодежи как одного из важнейших инструментов развития гражданского участия. На его основе разработан интерактивный курс «Гражданская грамотность: просто о сложном» для внедрения в школах Вологодской области. Гражданская грамотность – комплексное понятие, которое раскрывает представления о правах и патриотизме, некоммерческом секторе, гражданском участии, солидарности и помогающем поведении. В основе реализации предложенной модели лежит взаимосвязь образовательной и гражданской компетенций. Специфика последней состоит в сочетании таких знаний, навыков, отношений и ценностей, которые расширяют для молодых людей возможности формирования своего повседневного существования как активных, информированных, критических и ответственных граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для российского общества поиск внутренних факторов развития становится первоочередной задачей, что особенно актуализируется в условиях новой социальной реальности, формирующейся под влиянием пандемии COVID-19. В этой связи внимание к гражданскому участию как нематериальному ресурсу социальных преобразований представляется принципиально важным, в том числе для обеспечения социальной безопасности в обществе в условиях новых вызовов и угроз. В современный период гражданское участие как ресурс, позволяющий решать социально значимые задачи на государственном и местном уровнях, является предметом особого внимания со стороны государства. В последние годы государственной властью предприняты значительные меры по реализации потенциала гражданского участия населения страны. Однако само по себе наличие множества форм и практик гражданского участия не гарантирует усиление мотивации людей к включению в эти процессы. Таким образом, вопросы, связанные с использованием потенциала общественной самоорганизации, по-прежнему остаются открытыми, представляя собой значительный резерв в плане решения актуальных проблем социально-экономического и социокультурного развития, общественно-политического устройства страны, что актуализирует востребованность глубокого научного анализа.

Цель настоящего исследования состояла в разработке концептуальных основ гражданского участия территориального сообщества в социальном пространстве современной России с учетом специфики формальных/неформальных практик участия в вертикальном и горизонтальном взаимодействии, барьеров реализации и инструментов их преодоления, перспектив развития на региональном уровне. Исследование феномена «гражданского участия» на местах дает возможность представить общую

картину формирования и развития гражданского участия в России, проблемы и противоречия этих процессов. Анализ регионального социального пространства выполнен на материалах субъекта Северо-Западного федерального округа – Вологодской области.

Систематизация теоретико-методологических подходов позволила сформулировать концепт гражданского участия как процесса, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), другими социально-политическими институтами/между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач. Сущностно-содержательными характеристиками подобных взаимодействий является то, что они могут иметь как политический, так и неполитический (социальный) характер; осуществляются в институциональных (в рамках общественных организаций) и неформальных (ситуативных) формах; реализуются в индивидуальных и коллективных практиках; воплощают альтруистические устремления или потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми и т. п. Предложенный концепт позволяет проводить комплексный анализ гражданского участия в вертикальном и горизонтальном взаимодействии с учетом специфики ассоциированного (институционального) и неформального типа проявления, тем самым способствуя формированию единого теоретико-методологического пространства исследуемого феномена.

На базе классических и современных социологических теорий обосновывается потенциал социально-пространственного дискурса для изучения гражданского участия. Преимуществом социопропространственного подхода выступает возможность сосредоточиться на субъектности социально-территориальных групп (общностей и сообществ), что не отвергает объективные социально-экономические или политические закономерности. Методология гражданского участия в настоящем исследовании предполагает его пространственную локализацию на уровне региона – территориального образования, в котором на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющихся общественно-политических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют социальные субъекты. Посредством гражданского участия как взаимодействия, направленного на преобразование окружающей действительности, территориальное сообщество выступает значимым субъектом конструирования регионального социального пространства, которое при этом становится

не только объектом социальных изменений, но и средой участия, создавая условия, способствующие развитию или блокирующие его.

Для построения методологического конструкта социологического исследования феномена гражданского участия определяющую роль играет интеграция различных исследовательских стратегий. С учетом сложности, динамичности феномена участия нами обосновывается применение таких методологических и методических подходов, как метод компаративного анализа, модель смешанной методики («mixed methods research») с использованием качественных и количественных данных, элементы партисипаторного исследования. Методологический конструкт предполагает изучение участия при вертикальном взаимодействии общественности с властью (общественно-политическое пространство), а также взаимодействии индивидов, групп, сообществ и т.д. между собой на горизонтальном уровне (социально-экономическое пространство). Гражданское участие на местах представлено множеством разнообразных практик, в рамках авторского подхода группирующихся в репертуары участия (с двумя и более практиками), имеющие схожие характеристики. Кроме того, учитывается потенциал участия, представленный установками и мотивами участия, что выступает резервом для реальной вовлеченности в общественно полезную деятельность в будущем (социокультурное пространство). Обозначенные аспекты глубоко связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии.

Исследование показало, что гражданское участие в современном мире воспринимается как один из важнейших ресурсов общественного развития, хотя отмечается обеспокоенность снижением его уровня и недостаточным использованием потенциала. С помощью сравнения международных данных установлено, что эмпирические данные, полученные за последние годы, не дают основания говорить о тревожных тенденциях снижения уровня ключевых показателей. Выявлено, что в наибольшей степени в различные формы и практики участия вовлечено население таких европейских стран, как Норвегия, Финляндия, Великобритания, Германия, где исторически сложилось развитое гражданское общество, способное оказывать влияние на государство и политику. Определено, что по всем представленным практикам политического и социального участия заметно отставание России по сравнению с другими странами. Во многом это обусловлено тем, что Россия традиционно принадлежала и продолжает принадлежать к странам, которые больше ориентированы на роль государства, чем на гражданское общество.

Обращение к изучению исторических аспектов развития гражданского участия локального сообщества выявило, что в дореволюционный период, особенно с середины XIX века, наблюдается процесс институционализации вовлеченности населения в решение социально значимых проблем на местах. К началу XX в. в губернском городе Вологде, как и в целом в стране, функционировала довольно обширная, разнообразная сеть общественных организаций, действовавших в области социальной защиты, образования и здравоохранения, развития культуры, просветительства, безопасности и др. Общественные организации возникали и осуществляли свою деятельность при поддержке государства, органов местного самоуправления, общественности, предпринимательских кругов. Обосновано, что взаимоотношения добровольных общественных ассоциаций и публичной власти развивались преимущественно в рамках взаимодополнения, т.е. посредством гражданского участия решались актуальные социальные вопросы, с которыми государство не справлялось самостоятельно. Однако мы пришли к выводу, что отсутствие демократических традиций в российском обществе приводило к тому, что, с одной стороны, правительство разрешало развитие гражданских инициатив, а с другой – опасалось роста социальной активности, распространения ценностей правовой культуры, гражданского долга и ответственности, что подрывало самодержавные устои.

На основе разработанного методологического конструкта осуществлен анализ условий, уровня и потенциала гражданского участия на региональном уровне. Особенностью потенциала участия является высокая степень готовности территориального сообщества к объединению для решения социальных проблем в сочетании со средним уровнем гражданской ответственности и низким уровнем осознания гражданского влияния. Активность гражданского участия распределена неравномерно между его практиками и, соответственно, типами репертуаров в общественно-политическом и социально-экономическом контекстах. Высокий уровень определен для таких типов репертуаров, как электоральное участие и благоустройство места проживания. Выявлена значительная территориальная неравномерность в развитии гражданского участия. В среднем уровень ценностной формы как совокупности установок к участию выше, чем уровень реального участия, что свидетельствует об имеющемся, но слабо реализованном потенциале для развития гражданского участия в регионах.

Уровень и потенциал гражданского участия неравномерно распределены среди различных социально-демографических групп, представители которых по-разному оценивают как степень актуальности стоящих перед ними проблем, так и эффективность своего участия в их решении. Обосновано, что, несмотря на стремительный рост использования Интернета в российском обществе, диджитализация кардинально не меняет сущность и векторы развития гражданского участия в регионах. Доказано, что в сельской среде возникают различные гражданские инициативы, базирующиеся на солидарных практиках, а также самоорганизующиеся группы граждан, которые становятся субъектом, как правило, неформального гражданского участия, ориентированного на решение самых разных проблем (в большей степени в сфере благоустройства сельского пространства).

В результате вертикальных и горизонтальных взаимодействий субъектов в контексте гражданского участия проявляются позитивные изменения (эффекты) в общественно-политической, социально-экономической и социокультурной сферах. Гражданское участие, независимо от эффекта взаимодействия с властями, в целом более позитивно сказывается на восприятии своего контрагента, чем отчуждение, отказ от взаимодействия.

Роль участия граждан в трансформации социальных и экономических институтов, повышении уровня жизни и благосостояния населения заключается не только в форме создания общественных организаций, но и в самоорганизации по месту возникновения проблем, в неформальной общественно полезной деятельности, которая распространена гораздо больше, чем участие в работе зарегистрированных НКО.

Значимость фактора локальных инициативных сообществ проявляется в росте социальных взаимосвязей, межличностной коммуникации, что позитивно сказывается на уровне доверия и в целом на нормализации общественного климата. Вовлеченность населения в практики гражданского участия способствует развитию территориальной (региональной) идентичности, которая отражает социальные представления о принадлежности к локализованному социальному пространству, определенной общности, имеющей свои социальные интересы.

В соответствии с разработанной типологизацией в институциональной среде выявлены нормативно-правовые, организационные, информационные, социально-технологические барьеры. Социально-экономиче-

ские барьеры, с одной стороны, связаны с финансовым, материальным, инфраструктурным обеспечением деятельности формальных и неформальных структур гражданского участия, с другой – с материальным благополучием локального сообщества. В социокультурной среде выделены внешние барьеры, которые определяются общими культурными ориентирами в обществе, и внутренние, обусловленные ценностно-мотивационными и социально-психологическими ориентирами субъектов участия и межличностными коммуникациями при реализации общественно полезной деятельности.

На основе типологизации барьеров гражданского участия разработаны инструменты для их преодоления на региональном уровне. Следуя логике исследования, данные инструменты мы обосновали в институциональном, социально-экономическом и социокультурном контексте. В институциональном поле важнейшими инструментами являются разработка и принятие единой региональной стратегии (закона/кодекса/программы), направленной: на создание комплексной системы нормативных регуляторов развития гражданского участия; обобщение и выделение законодательства о гражданском участии (в его политической и социальной формах) в отдельную отрасль права; развитие системы повышения квалификации, обучения в сфере реализации общественно полезной деятельности, которое должно охватить не только, самих гражданских активистов, руководителей НКО, но и служащих регионального и муниципального уровней управления; формирование единого информационного пространства гражданского участия; создание разветвленной системы разноуровневых площадок для реального процесса взаимодействия.

Преодоление барьеров в социально-экономическом поле предполагает развитие механизма региональных грантовых конкурсов как для НКО, так и для незарегистрированных инициативных групп; создание региональных «общественных инкубаторов» при поддержке власти и бизнеса как единых центров инфраструктурной поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив на местном уровне. Одно из важнейших направлений повышения гражданского участия населения должно быть представлено мероприятиями властей по преодолению избыточной социально-экономической дифференциации, повышению уровня и качества жизни населения, которые

будут способствовать улучшению социального самочувствия, расширению социальных связей, социальной стабильности, переключению внимания людей с решения материальных проблем на участие в общественной деятельности.

В социокультурном поле предлагается разработка инструментов для поддержки мероприятий по гражданскому образованию, повышению уровня гражданско-правовой культуры; необходимы стимулирование низовых инициатив – как малых групп и неформальных объединений (соседские, дружеские), так и отдельных индивидов; повышение доверия населения к некоммерческим организациям посредством роста прозрачности их деятельности, социальной рекламы, распространения информации о лучших практиках в официальных СМИ, а также развитие «нересурсоемких» форм государственной поддержки гражданских инициатив и оказание морального поощрения, в том числе через присвоение государственных наград.

Реализуется авторский подход к осмыслению гражданской грамотности среди молодежи как одного из важнейших инструментов развития гражданского участия. На его основе разработан интерактивный курс «Гражданская грамотность: просто о сложном» для внедрения в школах Вологодской области. Гражданская грамотность – комплексное понятие, которое раскрывает представления о правах и патриотизме, некоммерческом секторе, гражданском участии, солидарности и помогающем поведении. В основе реализации предложенной модели лежит взаимосвязь образовательной и гражданской компетенций. Специфика последней состоит в сочетании таких знаний, навыков, отношений и ценностей, которые расширяют возможности для молодых людей в формировании своего повседневного существования как активных, информированных, критических и ответственных граждан.

В современный период в России гражданское участие как ресурс, позволяющий решать социально значимые задачи на государственном и местном уровнях, становится предметом особого внимания со стороны государства. Актуальность необходимости участия граждан неоднократно отмечается Президентом РФ В. Путиным в официальных выступлениях. Между тем, следует констатировать, что власть, особенно на местном уровне, относится с недоверием к гражданскому участию как ресурсу развития и субъекту позитивных общественных перемен. Как справедливо

отметили Л.И. Никовская и И.А. Скалабан, российское государство не просто пытается контролировать каналы гражданского участия и процессы социально-политической самоорганизации, а часто выступает «заказчиком, инициатором и организатором (выделенного пространства и приглашения в проект)»²⁷⁷.

В то же время представляется важным тезис о том, что развитие и стимулирование гражданского участия в России с учетом исторических особенностей условий его институционализации должно двигаться при поддержке государства, но в рамках общественного диалога. Иными словами, результативность разнообразных форм и практик гражданского участия возможна лишь в том случае, если у населения и добровольных ассоциаций устанавливаются с властью не только вертикальные, иерархические отношения господства/подчинения, но и формируется модель горизонтальных, диалоговых отношений.

²⁷⁷ Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «О государственной программе «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы»» за 2018 г. // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: <http://xn--80aaccfg6bfffxbbd3bgq4owb.xn--p1ai/dokumenty/programmy/>
2. Государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 гг.» и подпрограмма «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Вологодской области на 2014–2020 гг.» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422454376>
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 26 января 1996 г. № 14–ФЗ // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2020.
5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год. Публикации ВШЭ, 2018 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/books/228606361>
6. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, г. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 15.05.2021 г.).
7. Методика расчета целевых показателей федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/565231700>

8. О государственной программе «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы»: Постановление Правительства Вологодской области // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/422454376>

9. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7–ФЗ // Консультант плюс. – URL: <http://www.consultant.ru>

10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

11. О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2019 г. № 2705-п // Гарант. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943544/> (дата обращения: 01.07.2020 г.)

12. О Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 г. № 2950-п // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72139562/>

13. Российский прорыв и задачи гражданского общества: Специальный доклад Общественной палаты РФ 2019 г. // Официальный сайт Общественной палаты Калининградской области. – URL: <https://op.gov39.ru/news/opublikovann-doklad-obshchestvennoy-palaty-rf-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshchestva-za-2019-god/>

14. Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Вологодской области за 2017 год // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: <http://xn--80aaccfg6bfffxbbd3bgq4owb.xn--p1ai/dokumenty/programmy/>

15. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения 15.07.2019)

16. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: утв. Пост. Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/444743929>

17. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Гарант. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

18. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации

от 4 февраля 2021 года № 68 // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375984/

19. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13 // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641>

20. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/

21. О политических партиях: федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/

22. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021 г.) // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/

23. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федеральный закон от 19.06. 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 17.05.2021 г.) // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/

24. Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 2.04.2014 г. № 44-ФЗ // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/

25. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федеральный закон от 20.07.2020 г. № 236-ФЗ // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357767/

26. Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью / отв. ред. И.А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006. – 312 с.

27. Александер, Дж. Власть, политика и гражданская сфера / Дж. Александер; пер. с англ. М.В. Горностаевой // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 3–17.

28. Алексеев, Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологии BIG DATA и блокчейн / Р.А. Алексеев // Журнал политических исследований. 2019. – № 3 – (1). – С. 40–52.

29. Алексеева, О.П. Анализ государственной политики в области содействия гражданским инициативам с описанием возможных сценариев развития / О.П. Алексеева // Некоммерческие организации в России. – 2005. – № 6. – С. 36.

30. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

31. Андреев, М.Г. Проблемы взаимоотношений СМИ и НКО / М.Г. Андреев // Вестник Чебоксарского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3 (11). – С. 22–26.
32. Андреева, О.В. Поддержка социальных предпринимателей в период эпидемии COVID-19 в России и за рубежом / О.В. Андреева // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2020. – № 2. – С. 297–301.
33. Аносов, С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив. / С.С. Аносов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – № 23. – С. 47–54.
34. Арнштейн, Ш. Лестница гражданского участия / Ш. Арнштейн; пер. с англ. Д. Киселёва // Журнал Американского института градостроителей. – 1969. – № 35(4). – С. 216–224.
35. Артамонова, А.С. Барьеры развития некоммерческого сектора: зарубежный опыт / А.С. Артамонова // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 9 (112). – С. 41–53. DOI: 10.24411/2227-9407-2020-10083
36. Артамонова, А.С. Оценка состояния сектора некоммерческих организаций / А.С. Артамонова // Социальное пространство. – 2017. – № 3 (10). – С. 1–9
37. Атлас российской модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: Весь мир, 2016. – 360 с.
38. Байме, К.Ф. Дилеммы европейской демократии: синдром усталости демократии и возможности ее реформирования / К.Ф. Байме // Актуальные проблемы Европы. – 2005. – № 2. – С. 78–99.
39. Бардин, А.Л. Патриотизм / А.Л. Бардин // Идентичность, личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 598–607.
40. Беляева, Л.А. Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в Европейском контексте / Л.А. Беляева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 680–694. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-680-694.
41. Беляева, Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению / Л.А. Беляева // Философские науки. – 2012. – № 6. – С. 22–35.
42. Белянцев, А.Е. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества / А.Е. Белянцев, А.В. Лымар // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6–1. – С. 284–288.
43. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

44. Берджесс, Э. Рост города: введение в исследовательский проект / Э. Берджесс // Чикагская школа социологии: сб. переводов / сост. и пер. В.Г. Николаев. – М.: Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 2015. – С. 20–34.
45. Бизюков, П.В. Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008–2016 гг. / П.В. Бизюков // Мир России. – 2019. – № 1. – С. 75–100. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100.
46. Блау, П. Обмен и власть в общественной жизни. Нью-Йорк : Вили, 1964. – 388 с.
47. Бондаренко, Л.В. Демографическая ситуация на селе и перспективы развития сельских территорий / Л.В. Бондаренко // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. – № 3. – С. 53–57.
48. Бурдые, П. Социология социального пространства. – М.–СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. – 288 с.
49. Василенок, Н.А. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики / Н.А. Василенок, Л.И. Полищук, И.Л. Шагалов // Общественные науки и современность. – 2019. – № 2. – С. 35–42. DOI 10.31857/S086904990004392-3
50. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
51. Веблен, Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 194 с.
52. Великая, Н.М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью / Н.М. Великая // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2020. – № 2(21). – С. 57–68.
53. Водолажская, Т. Идентичность гражданская / Т. Водолажская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 140–142.
54. Волков, Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики / Ю.Г. Волков // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 41–48
55. Вологодская энциклопедия / Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, Русь, 2006. – 608 с.
56. Воронова, Е.А. Добровольчество как форма благотворительности в современной России / Е.А. Воронова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология. – 2011. – №1. – С. 330–342.
57. Галицкая, Е.Г. Измерение ценностных ориентаций гражданского мировоззрения: индекс гражданского климата. / Е.Г. Галицкая, И.И. Иванова, Е.С. Петренко // Социологические исследования. – 2014. – № 2. – С. 116–121.
58. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.

59. Голенкова, З.Т. Изменения в социальном пространстве регионального сообщества в современных условиях / З. Т. Голенкова // Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Кызыл, 15–18 сентября 2020 года. – Кызыл: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2020. – С. 9–15.
60. Голенкова, З.Т. Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе / З. Т. Голенкова, А. Д. Б. Самба // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. – 2019. – № 3. – С. 5–17.
61. Голенкова, З.Т. Гражданское общество в России / З. Т. Голенкова // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 25–36.
62. Горный, М.Б. Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства / М.Б. Горный // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – № 9 (2). – С. 219–232.
63. Горшков, М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2021. – № 2. – С. 3–14.
64. Горшков, М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М.К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 45–56.
65. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 1. / М.К. Горшков. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. – 416 с.
66. Горшков, М.К. Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества / М.К. Горшков, И.Н. Трофимова // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 1 (13). – С. 7–18.
67. Горшков, М.К. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.
68. Горшков, М.К. Российское общество в социологическом измерении / М.К. Горшков // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 3. – С. 232–242. DOI 10.31857/S0869587320030068.
69. Гофман, А.Б. Социальное – социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н. Е. Покровский – 2010. – С. 128–135.
70. Гоффе, Н.В. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах / Н.В. Гоффе, Г.А. Монусова – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 166 с.

71. Гражданское общество в модернизирующейся России. Аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Якобсон [и др.]. – М. : НИУ ВШЭ, 2011.
72. Гражданское общество – общество граждан / М.В. Морев [и др.] / под науч. рук. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. – 190 с.
73. Гражданское общество в российских регионах / [под ред. Т.А. Гужавиной]. – Новосибирск: СибАК, 2015. – 140 с.
74. Григорьева, И.А. 100 лет социальной политики в России / И.А. Григорьева // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15. – № 4. – С. 497–515.
75. Григорьева, И.А. Современная социальная политика: возможности и ограничения / И.А. Григорьева. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – 304 с.
76. Гужавина, Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций / Т.А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
77. Дементьева, И.Н. Гражданская активность населения в контексте формирования социального капитала региона / И.Н. Дементьева // Социальное пространство. – 2017. – № 5 (12). – URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2439> (дата обращения 10.03.2018).
78. Дементьева, И.Н. Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения / И.Н. Дементьева, М.В. Шаклеина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 153–173. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.9
79. Джессоп, Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп; пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. Д. Карасева. – М.: Дело, 2019. – 501 с.
80. Добрякова, М.С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции / М.С. Добрякова // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С. 125–133.
81. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 564 с.
82. Дрегалo, А.А. Стратегическое партнерство власти, бизнеса и общества / А.А. Дрегалo – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2010. – 183 с.
83. Дрегалo, А.А. Социокультурная динамика социального пространства Севера / А.А. Дрегалo, В.И. Ульяновский. – Архангельск: САФУ, 2017. – 252 с.

84. Дулина, Н.В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти / Н.В. Дулина, В.В. Такарев // Социокультурные основы стратегии развития регионов России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». – Смоленск: Смоленский филиал ОРАГС, 2009. – С. 89–95.
85. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
86. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
87. Задорин, И.В. Власть и общество в России: развитие взаимодействия и повышение эффективности гражданского участия / И.В. Задорин. – М.: Циркон, 2010.
88. Задорин, И.В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: методологические основания, методика и организационная схема / И.В. Задорин // Вопросы социологии. – 1994. – № 5. – С. 27–50.
89. Задорин, И.В. Гражданское общество России в ближайшем будущем: результаты экспертного исследования / И.В. Задорин, Д.Г. Зайцев, В.П. Римский // Полития. – 2009. – № 4 (55). – С. 143–157.
90. Зборовский, Г.Е., Певная, М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики / Г.Е. Зборовский, М.В. Певная. – 2-е изд. – М.: ЮРАЙТ, 2019. – 433 с.
91. Здравомыслова, Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений / Е.А. Здравомыслова. – СПб.: Наука, 1993. – 64 с.
92. Зеликова, Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология / Ю.А. Зеликова. – СПб.: Норма, 2014. – 224 с.
93. Зиммель, Г. Философия денег (фрагмент) / Г. Зиммель // Зиммель Г. Теория общества: сб.: / пер. с нем., англ. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. – 416 с.
94. Зиммель, Г. Как возможно общество / Г. Зиммель; пер. А.Ф. Филлипова // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 608 с.
95. Зубаревич, Н.В. Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) / Н.В. Зубаревич, А.О. Макаренцева, Н.В. Мкртчян // Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27. – № 4. – С. 73–87.
96. Зубаревич, Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н.В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145. DOI 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.
97. Зубок, Ю.А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: Норма, 2020. – 304 с.

98. Иванова, Н.Л. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях / Н.Л. Иванова, Г.Б. Мазилова // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 83–93.
99. Ивантер, А. Фальстарт роста / А. Ивантер // Эксперт. – 2018. – № 1-2. – С. 15–17.
100. Ильин, В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10 – № 4. – С. 9–40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1
101. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 18–35.
102. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора / В.А. Ильин. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2019. – 411 с.
103. Ильин, В.А. Гражданское общество и транзит власти 2024 года / В.А. Ильин, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 9–26. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.1
104. Ильин, В.А. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020 / В.А. Ильин, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 9–24.
105. Ильин, В.А. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2014. – № 3 (39). – С. 48–63.
106. Исаева, Е.А. Огосударствление института добровольчества в России: анализ законопроекта «о добровольчестве (волонтерстве)» / Е.А. Исаева // Власть. – 2013. – № 10. – С. 148–150.
107. Казаринова, Д.Б. Теория коллективных действий: политические импликации / Д.Б. Казаринова // Политология. – 2011. – №3. – С. 70–77.
108. Канаева, Л.П. Отношение к благотворительным организациям жителей региона / Л.П. Канаева // Проблемы науки. – 2018. – № 7 (31). – С. 99–100.
109. Карта НКО. Справочник эффективных некоммерческих организаций и общественных объединений Вологодской области. – Вологда: НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив, 2017. – 404 с.
110. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
111. Кастельс, М. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование / М. Кастельс, Э. Киселева // Мир России. – 2000. – Т. 9. – № 1. – С. 23–51.

112. Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы / С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2012. – № 2 (334). – С. 63–73.
113. Киричек, Е.В. Исторические этапы и концептуальные предпосылки зарождения и развития гражданского общества и его институтов в России до XX века / Е.В. Киричек, В.Б. Коробов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – №4 (40). – С. 63–69.
114. Кирьянова, Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений / Л.Г. Кирьянова. – Томск: Дельтаплан, 2007. – 136 с.
115. Кожевников, С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 3 (48). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193> DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
116. Козина, И.М. Корпорации и профсоюзы – вариант России / И.М. Козина // Мир России. – 2009. – № 1. – С. 144–163.
117. Козырева, П.М. Доверие в нестабильном российском обществе / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 134–147.
118. Козырева, П.М. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Вестник Института социологии. – 2015. – № 12. – С. 79–99.
119. Константиновский, Д.Л. Социальное прогнозирование. Отбор факторов и реакция на прогноз / Д.Л. Константиновский // VII междунар. социологич. Грушинская конференция «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». – М.: ВЦИОМ, 2017. – С. 19–21.
120. Корнеева, И.Е. Молодежь и благотворительность / И. Е. Корнеева // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – № 4. – С. 32–37.
121. Корнеева, И.Е. Благотворительность пожилых россиян (по результатам эмпирического исследования) / И.Е. Корнеева, Г.А. Миннигалева // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 74–80.
122. Косыгина, К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций / К.Е. Косыгина // Проблемы развития территории. – 2018. – № 3 (95). – С. 107–121. DOI: 10.15838/ ptd.2018.3.95.7
123. Косыгина, К.Е. Российское добровольчество (волонтерство): тенденции и характеристики / К.Е. Косыгина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 163–172.
124. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулмен // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 45–61.
125. Коэн, Д. Гражданское общество и политическая теория: пер. с англ. / Д. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с.

126. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / П.А. Кропоткин: пер. с англ. В. Батурина. – СПб.: Знание, 1907. – 342 с.
127. Кропоткин, П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции / Кропоткин. – М.: Луч, 2011. – 256 с.
128. Крысько, В.Г. Патриотизм Этнопсихологический словарь / В.Г. Крысько. – М.: МПСИ, 1999. – URL: <http://enc-dic.com/ethnopsychology/Patriotizm-198.html>
129. Кук, К.С. Власть, справедливость и приверженность в сетях обмена / К.С. Кук, Р.М. Эмерсон // Американский социологический обзор. – 1978. – № 43 (5) – С. 721–739. DOI: 10.2307/2094546. JSTOR2094546.
130. Кулькова, В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 г. / В.Ю. Кулькова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 80. – С. 5–21.
131. Кулькова, В.Ю. Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации / В.Ю. Кулькова. – Казань: Печать-Сервис XXI век, 2016. – 82 с.
132. Кутузова, Н.С. О роли нормативно-правовых актов программного характера / Н.С. Кутузова // Российская юстиция. – 2016. – №5 – С. 9–11.
133. Лавров, П.Л. Важнейшие моменты в истории мысли / П.Л. Лавров. – М.: Типо-литография, 1903. – 998 с.
134. Лапин, Н.И. О раскрытии активной гуманистической функции социального государства в России / Н.И. Лапин // Власть. – 2019. – №2. – С. 9–17.
135. Лапин, Н.И. Этапы трансформации и модернизации России на рубеже XX–XXI столетий / Н.И. Лапин // Философские науки. – 2017. – № 7. – С. 27–32.
136. Латова, Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации / Н.В. Латова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 3. – С. 16–37.
137. Лексин, В.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и методология ее изучения / В.Н. Лексин, Е.Н. Андреева – М.: Прогресс; Эко, 1993. – 160 с.
138. Логинов, В.Г. Человеческий потенциал Российского Севера и Арктики / В.Г. Логинов // Журнал эконом. теории. – 2014. – № 2. – С. 35–41.
139. Магрупова, З.М. Роль социального партнёрства и профсоюзов в управлении трудовыми протестами / З.М. Магрупова, В.В. Кубко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 2. – С. 49–54.

140. Маркин, В.В. Методология региональных исследований / В.В. Маркин, А.В. Лубский // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 164–166. DOI: 10.31857/S013216250006660-9
141. Маркин, В.В. Диалог с регионами: опыт анализа / В.В. Маркин // Социологические исследования. – 2008. – № 7(291). – С. 128–133.
142. Маркин, В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов / В.В. Маркин // Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов. – 2008. – № 7. – С. 229–249.
143. Маркин, В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг / В.В. Маркин // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: матер. междунар. науч. -практ. конф. (г. Москва, 12-13 октября 2017 г.). М., 2017. – С. 82–87.
144. Мартьянов, В.С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности / В.С. Мартьянов // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 41–58.
145. Межсекторное социальное партнерство. Развитие региональных моделей / Л.А. Осьмук [и др.]. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2014. – 168 с.
146. Межсекторное стратегическое партнерство / под ред. проф. Ю.Н. Лапыгина. – Владимир: Владимирская книжная типография, 2005. – 202 с.
147. Мерсиянова, И.В. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение / И.В. Мерсиянова, И.Е. Корнеева. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 196 с.
148. Мерсиянова, И.В. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности / И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 200 с.
149. Мерсиянова, И.В. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон / И.В. Мерсиянова, В.Б. Беневоленский // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 2. – С. 83–101.
150. Мерсиянова, И.В. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем / И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – № 2. – С. 5–24.
151. Мерсиянова, И.В. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России / И.В. Мерсиянова, Д.И. Малахов, Н.В. Иванова // Экономическая социология. – 2019. – Т. 20. – № 3. – С. 66–89.

152. Мерсиянова, И.В. Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России / И.В. Мерсиянова. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 188 с.
153. Мерсиянова, И.В. Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения / И.В. Мерсиянова, А.С. Брюхно // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 357–375. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1732>
154. Мерсиянова, И.В. Эмиграционные настроения россиян и гражданское участие / И.В. Мерсиянова, Е.С. Вакуленко, Н.В. Иванова // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 43–61. DOI: [10.19181/socjour.2017.23.1.5001](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5001)
155. Мерсиянова, И.В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? / И.В. Мерсиянова, Н.В. Иванова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 2. – С. 340–361.
156. Мерсиянова, И.В. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности / И.В. Мерсиянова, И.Е. Корнеева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2. – С. 145–159. DOI: [10.14515/monitoring.2017.2.09](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.09)
157. Михайлова, А. Межсекторное взаимодействие как механизм создания социальных инноваций / А. Буравлева, А. Михайлова // Управление социальным развитием. – 2017. – № 3. – С.78–83.
158. Михайловский, Н.К. Избранные труды по социологии в двух томах / Н.К. Михайловский. – СПб.: Алетейя, 1998. – 814 с.
159. Михеев, В.А. Основы социального партнерства: теория и политика / В.А. Михеев. – М.: Экзамен, 2001. – 448 с.
160. Морев, М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России / М.В. Морев // Проблемы развития территории. – 2018. – № 2 (94). – С. 106–119. DOI: [10.15838/ptd/2018.2.94.7](https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.94.7)
161. Никовская, Л.И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л.И. Никовская, И.А. Скалабан // Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60.
162. Никовская, Л.И. О состоятельности институтов и механизмов муниципальной публичной политики (на примере Республики Татарстан) / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 26–37.
163. Никовская, Л.И. Публичная политика и гражданское общество (на примере Санкт-Петербургского кейса) / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Политическая экспертиза. – 2018. – Т. 14 – № 1. – С. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.105>

164. Никовская, Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) / Л.И. Никовская // Вестник Института социологии. – 2015. – № 1 (12). – С. 139–155.
165. Никовская, Л.И. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 37–48. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.04.
166. Новая география регионального развития. Оценка экономического потенциала российских регионов и возможностей его эффективного использования. Вашингтон (округ Колумбия) / Всемирный Банк. – М., 2018. – 92 с.
167. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 188 с.
168. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: по итогам массового социологического исследования / под рук. М.К. Горшкова. – М.: ФНИЦ ИС РАН, 2019. – 210 с.
169. Оберемко, О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения / О.А. Оберемко // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 94–101.
170. Осипов, Г.В. Не упустить представившийся шанс! / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН, 2013. – 303 с.
171. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации / под ред. И.В. Мерсияновой. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 202 с.
172. Парк, Р. Участие и социальная ассимиляция / Р. Парк, У. Томас; сост. и пер. В.Г. Николаев. – М.: Чикагская школа социологии, 2015. – С. 52–59.
173. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
174. Патнэм, Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь / Р. Патнэм // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 4. – С. 63–70.
175. Патрушев, С.В. Социальный капитал / С.В. Патрушев // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». 2012. – URL: www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf
176. Патрушев, С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) / С.В. Патрушев // Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 24–32.
177. Певная, М.В. Некоторые характеристики отношения российского населения к волонтерству / М.В. Певная // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – №2 (35). – С. 64–69.

178. Певная, М.В. Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы / М.В. Певная // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 1. – С. 145–151.
179. Певная, М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия / М.В. Певная // Социологические исследования – 2016. – № 12. – С. 69–77.
180. Певная, М.В. Возможности и барьеры развития управления волонтерством в российском регионе (на примере Свердловской области) / М.В. Певная, А.А. Кузьминчук // Вопросы управления. – 2016. – № 4. – С. 77–85.
181. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени / М.В. Певная, А.В. Кульминская, Е.А. Широкова, Е.А. Шуклина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 3. – С. 492–510.
182. Петров, А.В. От понятия к сущности гражданского общества / А.В. Петров, С.Е. Жичкина // Вестник ЮУрГУ. – 2014. – № 14. – С. 19–26.
183. Петухов, В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–14.
184. Петухов, В.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы / В.В. Петухов, Р.В. Петухов // Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 25–48. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.04.
185. Плюснина, Л.К. Краудфандинг как социальный феномен информационного общества / Л.К. Плюснина // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – С. 18–21.
186. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46–65.
187. Посты в интернете с тегами «благотворительность», «денежные пожертвования», «волонтерство», «добровольчество» в социальных сетях: что в них есть интересного? / под ред. И. В. Мерсияновой. – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – 54 с.
188. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. – М.: НИУ ВШЭ, 2010. – 419 с.
189. Прасолов, В.И. Роль свободных профсоюзов в политической системе современной России: дисс. ... канд. полит. наук. / В.И. Прасолов. – М., 2011. – 165 с.
190. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл.: М.К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 523 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020

191. Пушкарёва, Г.В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс / Г.В. Пушкарёва // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 5. – С. 16–20.
192. Пырма, Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций / Р.В. Пырма // *Власть*. – 2020. – Т. 28. – № 2. – С. 74–81.
193. Развитие экономического потенциала северных регионов России / под ред. В.С. Селина, К.В. Павлова, Е.П. Башмаковой. – Апатиты: КНЦ РАН, 2011. – 201 с.
194. Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии / М.Н. Ремизова // *искусствоведение. Вопросы теории и практики* – 2012. – № 10 (24). – С. 158–162.
195. Реутов, Е.В. Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина. – Белгород: Эпицентр, 2015. – 120 с.
196. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад / Институт социологии РАН, 2007. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (дата обращения: 22.01.2018).
197. Российское общество в условиях пандемии: информационно-аналитический доклад. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 68 с.
198. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2015. – 432 с.
199. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2017. – 424 с.
200. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2016. – 400 с.
201. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. – М.: Перспектива, 2020. – 532 с.
202. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2018. – 54 с.
203. Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2017. – 551 с.
204. Савельев, Ю.Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю.Б. Савельев // *Социологические исследования*. – 2013. – № 12. – С. 64–71.
205. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О.Б. Савинская, А.Г. Истомина, Т.Ю. Ларкина, К.Д. Круглова // *Социологические исследования*. – 2016. – № 8. – С. 21–29.

206. Саликов, М.С. Об установлении и устранении барьеров в российском избирательном процессе / М.С. Саликов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 5. – С. 49–56.
207. Самарина, М.Н. Наблюдатель как один из субъектов избирательного процесса в РФ / М.Н. Самарина // Государство и право: теория и практика. – 2016. – № 1 (2) – С. 78–86.
208. Северо-Западный экономический район // Большая Советская Энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
209. Седова, Н.Н. Модернизация в контексте гражданского участия / Н.Н. Седова // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 101. – С. 81–87.
210. Скалабан, И.А. Общественное участие как социальный проект: дисс... д.с.н. / И.А. Скалабан. – Новосибирск: НГТУ, 2017. – 382 с.
211. Скалабан, И.А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. – 407 с.
212. Скалабан, И.А. Стратегии общественного участия лидеров формальных и неформальных объединений / И.А. Скалабан, С.Б. Спенсер // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1 (17). – С. 158–170.
213. Слепцов, Н.С. Российские политические партии и волонтерские организации в условиях новых социально-экономических вызовов пандемии и постпандемии / Н.С. Слепцов, М.В. Гобрачев, О.Ю. Керимов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – №7 (122). – С. 140–142.
214. Смолева, Е.О. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) / Е.О. Смолева // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. – № 2. – С. 90–107.
215. Смолева, Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России / Е.О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11
216. Соколов, А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты / А.В. Соколов // Социальные и гуманитарные знания. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 30–45.
217. Соколов, А.В. Преимущества интернет-технологий в организации коллективных действий / А.В. Соколов // Власть. – 2017. – № 12. – С. 33–38.
218. Соколов, А.В. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства / А.В. Соколов, Д.Е. Палатников // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 6. – С. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6834>

219. Соколов, А.В. Условия развития политической активности в сети Интернет / А.В. Соколов, Е.П. Грушина // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2015. – №1 (29). – С. 156–166.

220. Соколов, А.В. Условия гражданской активности в Ярославской области: специфика муниципального уровня / А.В. Соколов, А.А. Фролов // PolitBook. – 2018. – № 4. – С. 85–102.

221. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с.

222. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

223. Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия / А.С. Автономов [и др.]. – М.: Издательство главного архивного управления г. Москвы, 2009. – 400 с.

224. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов: монография / В.К. Левашов [и др.] / отв. ред. В.К. Левашов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 128 с. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9514.

225. Социальное самочувствие населения в условиях реформы: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – 176 с.

226. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова, М. С. Федорова и др. ; под общ. ред. проф. М. В. Певной ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Уральский университет, 2020. – 244 с.

227. Социологический словарь // Крупнейший сборник онлайн словарей. – URL: <http://www.onlinedics.ru> (дата обращения: 10.04.2017).

228. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 239–252.

229. Сулакшин, С. От «профсоюза олигархов» к профсоюзу товаропроизводителей / С. Сулакшин, А. Романихин // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 96–103.

230. Тархов, С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет (1708–1914 гг.) / С.А. Тархов // География. – 2001. – №15. – С. 15–31.

231. Татарова, Г.Г. «Методная» проблематика на страницах журнала «Социологические исследования» (2000–2018 гг.) / Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова

// Социологические исследования. – 2020. – № 7. – С. 47–56. DOI: 10.31857/S013216250009486-7

232. Тённис, Ф. Общность и общество / Ф. Тённис // Социологический журнал. – 1998. – № 3-4. – С. 333–357.

233. Титаренко, Л.Г. Рецензия на книгу Дж. Александера «Гражданская сфера» / Л.Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 151–154.

234. Тихонова, Н.Е. Ресурсы россиян в условиях нового кризиса: динамика и роль адаптации к условиям / Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 43–53.

235. Тихонова, Н.Е. Социальные вызовы в современной России: новые системные вызовы / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2019. – № 2. – С. 5–18. DOI: 10.31857/S086904990004334-9

236. Тихонова, Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3. – С. 19–33.

237. Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2014. – 304 с.

238. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль; пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

239. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социальной теории и практики / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 20–29.

240. Тощенко, Ж.Т. Что представляет собой современное российское село? / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 89–98.

241. Трофимова, И.Н. Гражданское участие и развитие муниципальной демократии в современной России / И.Н. Трофимова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2016. – № 4 (132). – С. 31–36.

242. Трофимова, И.Н. Территориальные сообщества в условиях пост-современности: новые подходы к исследованию / И.Н. Трофимова // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 2 томах (г. Иркутск, 15 января 2014 года). – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. – С. 187–191.

243. Туманова, А.С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века. / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 10–15.

244. Туманова, А.С. Социально-экономические, политико-правовые и финансовые параметры гражданского общества / А.С. Туманова, А.А. Сафонов // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21. – № 5. – С. 106–117. DOI: 10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021

245. Турэн, А. Социология без общества / А. Турэн // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 1–13.
246. Уколов, В.Ф. Взаимодействие власти, бизнеса и общества / В.Ф. Уколов. – М.: Экономика, 2009. – 621 с.
247. Усачева, О.А. Сети гражданской мобилизации / О.А. Усачева // Ответственные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 35–42.
248. Ускова, Т.В. Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования в исследованиях ВолНЦ РАН / Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.1
249. Ускова, Т.В. Социальная ответственность бизнеса: состояние и инструменты развития / Т.В. Ускова, Е.Д. Копытова // Проблемы развития территорий. – 2016. – № 6 (86). – С. 7–19.
250. Ускова, Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления / Т.В. Ускова // Проблемы развития территорий. – 2020. – № 2 (106). – С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1
251. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России. – М.: ФОМ, 2014. – URL: <http://soc.fom.ru/special/grazhdanskoe-uchastie-v-malyh-i-srednih-gorodahrossii.html> (дата обращения 28.05.2020)
252. Уханова, Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе / Ю.В. Уханова // Социальное пространство. – 2018. – № 2 (14). – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2648>. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5
253. Уханова, Ю.В. Гражданское участие регионального сообщества: гендерное измерение / Ю.В. Уханова // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 1. – С. 16–27. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37112888> DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2
254. Уханова, Ю.В. Интернет-технологии как фактор развития гражданского участия регионального сообщества / Ю.В. Уханова // Социальная компетентность. – 2019. – № 4. – С. 411–418.
255. Уханова, Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) / Ю.В. Уханова // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
256. Уханова, Ю.В. Профсоюзные организации как субъект гражданского участия (опыт Вологодской области) / Ю.В. Уханова // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 54–64.
257. Уханова, Ю.В. Российская интеллигенция: образование как фактор формирования гражданской позиции / Ю.В. Уханова // Интеллигенция и мир. – 2018. – № 1. – С. 72–90. URL: http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/25d/IM_2018_1.pdf

258. Уханова, Ю.В. Состояние и перспективы развития гражданского общества в России: региональный аспект / Ю.В. Уханова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – № 5. – С. 103–121.

259. Уханова, Ю.В. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения / Ю.В. Уханова, И.А. Григорьева, Е.О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – № 5. – С. 124–140. DOI: 10.14838/esc.2019.5.65.8

260. Уханова, Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования / Ю.В. Уханова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 25–50.

261. Уханова, Ю.В. Экспертный образ гражданского общества в России / Ю.В. Уханова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – № 4. – С. 202–216. – URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/2740/full?lang=ru>. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.13

262. Уханова, Ю.В. Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект / Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 29–38. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37635252_58917672.pdf

263. Уханова, Ю.В. Тенденции и барьеры развития добровольчества в городе Вологде / Ю.В. Уханова, К.Е. Косыгина, Е.Э. Леонидова // Социальное пространство. – 2020. – Т. 6. – № 1. – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28499>. DOI: 10.15838/sa.2020.1.23.2

264. Уханова, Ю.В. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе / Ю.В. Уханова, Д. Леон, Р. Шельвальд // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.12

265. Уханова, Ю.В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия / Ю.В. Уханова, И.В. Параничева // Проблемы развития территории. – 2019. – № 4 (102). – С. 132–147. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.8

266. Уханова, Ю.В. Социальное самочувствие регионального сообщества в условиях кризиса / Ю.В. Уханова, Е.О. Смолева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 284–300.

267. Филиппов, А.Ф. Социология пространства / А.Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.

268. Формирование гражданского общества в России: стратегии и управление / Г.И. Авцинова, А.С. Алексанян, И.А. Батанина и др. – М.: Аналитик, 2015. – 400 с.

269. Фролов, А.А. Индексный анализ гражданской активности в социальных сетях / А.А. Фролов, А.А. Агурова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 29. – С. 28–43.
270. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: Ермак, 2004. – 730 с.
271. Хабермас, Ю. К разуму публичной сферы / Ю. Хабермас // Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. – М.: Весь мир, 2012. – С. 105–110.
272. Халий, И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 300 с.
273. Ховард, М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М.М. Ховард. – М.: Аспект-пресс, 2009. – 192 с.
274. Холина, О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества / О.И. Холина // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 71–73.
275. Холмская, М.Р. Политическое участие как объект исследования: обзор отечественной литературы / М.Р. Холмская // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 170–176.
276. Чернявская, О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций / О.С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. – 2008. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-prostranstvo-obzor-teoreticheskikh-interpretatsiy>
277. Шабанова, М.А. Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: результаты эмпирического исследования в России (статья 2) / М.А. Шабанова // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 3–17.
278. Шабунова, А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 3 (83). – С. 7–17.
279. Шабунова, А.А. Сельская жизнь российских женщин / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 2. – С. 14–25. DOI 10.19181/population.2020.23.2.2.
280. Шабунова, А.А. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России / А.А. Шабунова, М.А. Груздева, О.Н. Калачикова // Проблемы развития территории. – 2020. – № 4 (108). – С. 7–19. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.4.108.1>
281. Шабунова, А.А. Доверие и общественное развитие России / А.А. Шабунова, Т.А. Гужавина, Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2 (76). – С. 7–19.

282. Шагалов, И.Л. Особенности влияния социального капитала объединений по месту жительства на городское развитие / И.Л. Шагалов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – № 2 (22). – С. 133–151.
283. Шаталова, А.Н. Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга) / А.Н. Шаталова, Е.В. Тыканова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – № 21(4) – С. 63–84.
284. Шестаков, С.А. Проблемы устойчивого развития сельских территорий Вологодской области / С.А. Шестаков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5 (17). – С. 154–160.
285. Шкаратан, О.И. Социальная политика: есть ли альтернатива? / О.И. Шкаратан, Н.Е. Тихонова // Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств. – 2003. – № 2. – С. 443–461.
286. Шомина, Е.С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях – взгляд сквозь розовые очки. / Е.С. Шомина // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 114–132. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308>
287. Шуклина, Е.А. Партиципаторные исследования: методология, методика, опыт применения / Е.А. Шуклина // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – № 4. – С. 18–34.
288. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М.: Прогресс, 1969. – 238 с.
289. Щербакова, И.В. Особенности территории проживания как фактор гражданского участия / И.В. Щербакова // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 64–79. DOI: [10.19181/socjour.2017.23.3.5364](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5364)
290. Ядов, В.А. Современные социологические теории / В.А. Ядов. – М., 2006. – С. 12–14.
291. Якимец, В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство – бизнес – некоммерческие организации) / В.Н. Якимец – М.: ГУУ, 2002. – 80 с.
292. Якимец, В.Н. Межсекторные взаимодействия в России: методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры (Настольная Книга – 1999) / В.Н. Якимец. – М.: ИСА РАН, Фонд НАН, 2000. – 184 с.
293. Якимец, В.Н. Некоммерческие организации России: динамика роста, проблемы развития, место и роль в реформе социальной сферы / В.Н. Якимец. – СПб.: Электронная библиотека «Гражданское общество», 1999. – 16 с. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Yakimez_N_org_R.pdf
294. Якимец, В.Н. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики / В.Н. Якимец, Л.И. Никовская // Социальные и гуманитарные знания. – 2019. – № 5 (3). – С. 209–223.

295. Якобсон, Л.И. Будущее гражданского общества: исследование и проектирование / Л.И. Якобсон // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 2–7.
296. Якобсон, Л.И. «Школа демократии»: формирование «гражданских добродетелей» / Л.И. Якобсон // Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. – С. 93–106.
297. Яницкий, О.Н. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях: теоретические и методические проблемы / О.Н. Яницкий // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докладов VI Всеросс. социологич. конгр., г. Тюмень, 14–16 октября 2020 года / отв. ред. В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 5448–5462. DOI 10.19181/kongress.2020.638
298. Яницкий, О.Н. Мобилизационный потенциал гражданского общества / О.Н. Яницкий // Мир России. Социология. Этнология. – 2011. – Т. 20. – № 2. – С. 113–124.
299. Яницкий, О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня / О.Н. Яницкий // Власть. – 2015. – № 2. – С. 53–60.
300. Adler, R.P., Goggin J. What Do We Mean By «Civic Engagement»? / R.P. Alder, J. Goggin // Journal of Transformative Education. – 2005. – № 3 (3). – P. 236–253.
301. Ahyer, H.K., Karson L. Civil Society: What it is, and how to measure it. – 2009.
302. Akermi, R., Triki A. The green energy transition and civil society in Tunisia: Actions, motivations and barriers / R. Akermi, A. Triki // Energy Procedia. – 2017. – № 136 – Pp. 79–84.
303. Alam, S.S., Abdullah Z., Ahsan N. Cyber café usage in Malaysia: An exploratory study / S.S. Alam, Z. Abdullah, N. Ahsan // Journal of Internet Banking and Commerce. – 2009. – № 14 (1). – P. 1–13.
304. Alesina, A., la Ferrara E. Participation in heterogeneous communities / A. Alesina, E la Ferra // The Quarterly Journal of Economics. – 2000. – № 115, 3. – Pp. 847–904.
305. Alexander, J. «Contradictions: The Uncivilizing Pressures of Space, Time, and Function» / J. Alexander // Soundings. – 2000. – № 16. – Pp. 96–12.
306. Almond, G., Verba, S. The Civic Culture. Princeton – N.J.: Princeton University Press, 1963.
307. Amnå, E. How is civic engagement developed over time? / Amna E. // Journal of Adolescence. – 2012. – № 35 (3) – Pp. 611–627.
308. Anggraeni, M., Gupta, J., Hebe, J.L., Verrest, M. Cost and value of stakeholders participation: A systematic literature review Environmental / M. Anggraeni, J. Gupta, J.L. Hebe // Science & Policy. – 2019 – № 101 – Pp. 364–373.

309. Anheier, H.K. Civil Society: measurement, evaluation, policy – London : Earthscan, 2004. – 226 p.
310. Banon, J.-Cl. Partenariat public-privé et croissance en Europe / J.-Cl. Banon // Confrontations Europe. – 2011. – № 95. – Pp. 28–29.
311. Barber, B. Participation and mass apathy in association. Studies in leadership / ed. by A. W. Gouldner. – New York : Harper & Brothers, 1950. – Pp. 477–504.
312. Barnes, S.H., Kaase M. (eds) Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies – Beverly Hills, Calif. : Sage Publications. – Pp. 27–56.
313. Barker, D.G. Values and volunteering. In: Davis Smith J. (ed.). Volunteering in Europe: Opportunities and Challenges for the 90s – The Volunteer Centre UK, Berkhamsted, 1993. – 678 p.
314. Barnes, S.H., Kaase M. Political action: mass participation in five western democracies – Beverly Hills: Sage, 1979. – 116 p.
315. Barrett, M., Brunton-Smith I. Political and civic engagement and participation: Towards an integrative perspective / M. Barrett, I. Brunton-Smith // Journal of Civil Society. – 2014. – № 10 (1). – Pp. 5–28.
316. Beach, B., McKenzie, D. Population Ageing & the Voluntary Sector: Key Figures and Projected Trends – London: Commission on the voluntary sector & ageing, 2014.
317. Becker, G.S. A theory of social interaction / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1974. – № 82 (6). – Pp. 1063–1093.
318. Bekkers, R. Who gives what and when? A scenario study of intentions to give time and money / R. Bekkers // Social Science Research. – 2010 – № 39. – Pp. 369–381.
319. Bekkers, R., De Wit A., Hoolwerf, B., Boezeman, E. Geven van tijd: vrijwilligerswerk – Amsterdam: Reed Business, 2015. – 154 p.
320. Bekkers, R., Wiepking, P. A literature review of empirical studies of philanthropy: Eight mechanisms that drive charitable giving / R. Bekkers, P. Wiepking // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. – 2011. – № 40 (5). – Pp. 924–973.
321. Bell, D. Approaches to Community Participation – Leicester: Environ, 1995. – 157 p.
322. Bennett, L.W. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation / L.W. Bennett // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2012. – № 644. – Pp. 20–39. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716212451428>.
323. Berger, B. Political Theory, Political Science and the End of Civic Engagement Article / B. Berger // In Perspectives on Politics. – 2009. – № 7(02). – Pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X

324. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality – A Treatise on sociology of Knowledge, 1966.

325. Betsch, C. et al. Social and behavioral consequences of mask policies during the COVID-19 pandemic / C. Betsch // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2020. – № 117 (36). – Pp. 21851–21853. DOI: 10.1073/pnas.2011674117

326. Blackstock, K.L., Kelly, G.J., Horsey, B.L. Developing and applying a framework to evaluate participatory research for sustainability / K.L. Blackstock, G.J. Kelly, B.L. Horsey // Ecol. Econ. – 2007. – № 60. – Pp. 726–742.

327. Bowen, G. Civic engagement in higher education. Resources and References – Center for Service Learning Western Carolina University, 2010 – 24 p.

328. Brooks, A. Who Really Cares: The Surprising Truth about Compassionate Conservatism – New York : Basic Books, 2007. – 230 p.

329. Buchanan, J.M. The Samaritan's Dilemma. Altruism, Morality, and Economic Theory – New York : Russel Sage Foundation, 1975. – 120 p.

330. Burawoy, M. For Public Sociology / M. Burawoy // American Sociological Review. – 2005. – № 1 (70). – Pp. 4–28.

331. Cabrera, N.L. Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism / N.L. Cabrera // Journal of Diversity in Higher Education. – 2017. – № 10 (4). – P. 400. DOI: <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>. S2CID 151362391.

332. Castells, M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process – Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1989. – 416 p.

333. Castells, M. The Rise of the Network Society. – Oxford : Blackwell, 1997

334. Chado, J., Johar, F.B. Public Participation Efficiency in Traditional Cities of Developing Countries: A Perspective of Urban Development in Bida, Nigeria Procedia / J. Chado, F.B. Johar // Social and Behavioral Sciences. – 2016. – № 219 (31). – Pp. 185–192.

335. Chambers, R. Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers: IDS Working Paper 296 – Brighton, UK : IDS, 2007. – 43 p.

336. Clarke, A., Crane, A. Cross Sector Partnerships for Systemic Change: Systematized Literature Review and Agenda for Further Research / A. Clarke, A. Crane // Journal of Business Ethics. – 2018. – Pp. 303–313. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-018-3922-2>.

337. Cleaver, F. Institutions, agency and the limitations of participatory approaches to development. Participation: the new tyranny? – London: Zed Books, 2001. – Pp. 36–55.

338. Cornwall, A. Locating Citizen Participation / A. Cornwall // IDS Bulletin. – 2002. – № 33 (2). – Pp. 49–58 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1759-5436.2002.tb00016.x> (дата обращения: 15.01.2018).

339. Cornwall, A. Unpacking "Participation": models, meanings and practices / A. Cornwall // *Community Development Journal*. – 2008. – № 43 (3). – Pp. 269–283.
340. Cornwall, A., Jewkes, R. What is participatory research? / A. Cornwall, R. Jewkes // *Social Science and Medicine*. – 1995. – № 41 (12). – Pp. 1667–1676.
341. Creswell, J. *Controversies in mixed methods research* – California: The Sage handbook of qualitative research, 2011.
342. Cumming, E., Henry, W. *Growing Old*. – New York : Basic Books, 1961. – 293 p.
343. Dalton, R. *The good citizen: how the young are transforming American politics* – Washington, DC: CQ Press, 2007. – 240 p.
344. Dalton, R.J. *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies* – Washington : CQ Press, 2006.
345. Davaki, K. *The underlying causes of the digital gender gap and possible solutions for enhanced digital inclusion of women and girls* – 2018. – 53 p.
346. Davis, J. "Participatory" research for development projects: a comparison of the community meeting and household survey techniques / J. Davis // *Economic Development and Cultural Change*. – 1998. – № 47 (1). – Pp. 73–94.
347. Dekker, P. *Vrijwilligerswerk verkend* / P. Dekker // *Geron*. – 2017. – № 19 (4). – Pp. 6–10.
348. Dekker, P., Broek, A. *Civil Society in Comparative Perspective: Involvement in Voluntary Associations in North America and Western Europe* / P. Dekker, A. Broek // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. – 1998. – № 9 (1). – Pp. 11–37.
349. Dewey, J. *Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education* – L-A.: Indo-European Publ., 2011. – 421 p.
350. Durkheim, E. *The rules of sociological method* / Trans. W. D. Halls from the French edition of 1901 with an introduction by Steven Lukes. – L. : Macmillan, 1982.
351. Easterlin, R.A. *Lost in Transition: Life Satisfaction on the Road to Capitalism* / R.A. Easterlin // *Journal of Economic Behavior and Organization*. – 2009. – № 71 (2). – Pp. 130–145.
352. Ehrenberg, J. *Civil Society* – N.Y.: New York University Press, 1999. – 285 p.
353. Ekman, J., Amnå, E. *Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology* / J. Ekman, E. Amna // *Youth & Society (YeS)*. – 2012. – № 22. – Pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1.
354. Enjolras, B. *The Impact of Volunteering on Volunteers in 23 European Countries* / TSI working paper series, № 4. Seventh Framework Programme, European Union – Brussels: Third Sector Impact, 2015. – 180 p.

355. Enyedi, G. Regional Processes in Post-Socialist Hungary – 2004. – Pp. 935–941.
356. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism – Princeton University Press, 1990. – 260 p.
357. Etzioni, A. Mobilization as a macro sociological conception / A. Etzioni // The British Journal of Sociology. – 1968. – № 19 (3). – Pp. 243–253.
358. Etzioni, A. The active society – New York: Free Press, 1968.
359. Etzioni, A. The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential address / A. Etzioni // American Sociological Review. – 1996. – № 61 (1). – Pp. 1–11.
360. Etzioni, A. The untapped potential of the «Third Sector» / A. Etzioni // Business & Society Review. – 1972. – № 11. – Pp. 39–44.
361. Feng, Z., Cramm, J.M., Jin, C., Twisk, J. & Nieboer, A.P. The longitudinal relationship between income and social participation among Chinese older people. SSM – Population Health, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2020.100636> (accessed: 05.04.2020)
362. Flecknoe, C., McLellan, N. The What, How and Why of Neighbourhood Community Development – London: Community Matters, 1994. – 180 p.
363. Fox, S. Is It Time to Update the Definition of Political Participation? / S. Fox // Parliamentary Affairs. – 2014. – № 67 (2). – Pp. 495–505. DOI: <https://doi.org/10.1093/pa/gss094>
364. Fukuyama, F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy – New York: Farrar, Straus and Girouz, 2014. – 658 p.
365. Fukuyama, F. Social capital, civil society and development / F. Fukuyama // Third World Quarterly. – 2001. – № 22 (1). – Pp. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590020022547>
366. Gaventa, J. Towards participatory local governance: assessing the transformative possibilities // Participation: from Tyranny to Transformation / ed. by S. Hickey, G. Mohan. – London: Zed Books, 2004. – Pp. 25–41.
367. Gellner, E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals – London & Toronto: Hamish Hamilton/Penguin, 1994.
368. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens // Polity Press. – 1990. – № 13. – Pp. 64–65.
369. Giddens, A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration – Cambridge: Polity, 1984. – 169 p.
370. Gilchrist, A. The well-connected community: a networking approach to community development. Bristol: Policy Press, 2004. – 248 p.

371. Gimpel, J.G., Morris, I.L. et al. Turnout and the local age distribution: examining political participation across space and time / J.G. Gimpel, I.L. Morris // *Political Geography*. – 2004. – № 23 (1). – Pp. 71–95.
372. Glanville, J.L., Paxton, P., Wang, Y. Social capital and generosity: A multilevel analysis / J.L. Glanville, P. Paxton, Y. Wang // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2016. – № 45 (3). – Pp. 526–547. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764015591366>
373. Glass, L., Newig, J. Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? / L. Glass, J. Newig // *Earth System Governance journal*. – 2019. – № 2. – Pp. 100–130.
374. Hallett, C. *Critical Issues In Participation Association of Community Workers* – Sheffield, 1987.
375. Hassan, L., Hamari, J. Gameful civic engagement: A review of the literature on gamification of e-participation / L. Hassan, J. Hamari // *Government Information Quarterly*. – 2020. – № 37(3). – Pp. 1–21.
376. Havighurst, R.J. Successful aging / R.J. Havighurst // *The Gerontologist*. – 1961. – № 1 (1). – Pp. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>
377. Heery, E. Trade Unions and Contingent Labour: Scale and Method / E. Heery // *Cambridge Journal of Regions. Economy and Society*. – 2009. – № 2 (3). – Pp. 429–442.
378. Helmer, O. *Social Technology* – Santa Monica, Calif.: The RAND Corporation, 1965. – 70 p.
379. Hennen, L., Keulen, I.V., Korthagen, I., Aichholzer, G., Lindner, R., Nielsen, R. *European E-democracy in practice, studies in digital politics and governance* – SpringerOpen, 2020. – 359 p.
380. Hodgkinson, V.A., Weitzman M.S. *Giving and Volunteering in the United States: Findings From a National Survey, 1990 Edition* – Washington DC: Independent Sector, 1996.
381. Hong, Y. Resident participation in urban renewal: Focused on Sewoon Renewal Promotion Project and Kwun Tong Town Centre Project / Y. Hong // *Frontiers of Architectural Research*. – 2018. – № 7 – Pp. 197–210.
382. Huber, E., Rueschemeyer, D., Stephens, J.D. The Impact of Economic Development on Democracy / E. Huber, D. Rueschemeyer, J.D. Stephens // *Journal of Economic Perspective*. – 1993. – № 7 (3). – Pp. 15–26.
383. Hustinx, L., Lammertyn, F. Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective / L. Hustinx, F. Lammertyn // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. – 2003. – № 14 (2). – Pp. 167–187.

384. Hyman, R. How Can Trade Unions Act Strategically? / R. Hyman // *Transfer: European Review of Labour and Research*. – 2007. – № 13 (2). – Pp. 193–210.
385. Hyman, R. Trade Unions and Interest Representation in the Context of Globalisation / R. Hyman // *Transfer*. – 1997. – № 3. (3). – Pp. 515–533.
386. Inglehart, R. 'Postmodernization Erodes Respect for Authority, but Increases Support for Democracy', in Norris P, ed., *Critical Citizens* – Oxford : Oxford University Press, 1999 – Pp. 236–256.
387. Israelashvili, M., Kim, T., Bukobz, G. Adolescents' over-use of the cyber world – Internet addiction or identity exploration? / M. Israelashvili, T. Kim, G. Bukobz // *Journal of Adolescence*. – 2012. – № 35 (2). – Pp. 417–424.
388. Jho, W., Jae S.K. Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? / W. Jho, S. Jae // *Government Information Quarterly*. – 2015. – № 32 (4). – Pp. 488–495.
389. Johnson, R.B., Onwuegbuzie, A.J. Mixed-methods research: a research paradigm whose time has come / R.B. Johnson, A.J. Onwuegbuzie // *Educational Researcher*. – 2004. – № 33 (7). – Pp. 14–26.
390. Jorgensen, M. – Evaluating cross-sectoral partnerships / Working paper presented at the conference "Public-private partnerships in the post WSSD context" – Copenhagen Business School, 2006. – 30 p. – URL: [https://www.unrisd.org/80256B3C005BD6AB/\(httpAuxPages\)/BC20F4BAFFCFF713C1257219004ABB34/\\$file/Mette.pdf](https://www.unrisd.org/80256B3C005BD6AB/(httpAuxPages)/BC20F4BAFFCFF713C1257219004ABB34/$file/Mette.pdf) (дата обращения 4.06.2021).
391. Kaase, M., Marsh, A. *Political Action. A Theoretical Perspective*, 1979.
392. Kaase, M., Marsh, A. *Political action repertory: changes over time and a new typology* / *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. – Beverly Hills, CA: Sage, 1979. – Pp. 137–166.
393. Kolk, A. Trickle Effects of Cross-Sector Social Partnerships / A. Kolk, W. Dolen, M. Vock // *Journal of Business Ethics*. – 2010. – № 1. – C. 123–137.
394. Kumar, N., Raghunathan, K., Arrieta, A., Jilani, A., Agnes, R. Quisumbing Social networks, mobility, and political participation: The potential for women's self-help groups to improve access and use of public entitlement schemes in India / N. Kumar, K. Raghunathan, A. Arrieta, A. Jilani, R. Agnes // *World Development*. – 2019. – № 114. – Pp. 28–41.
395. Kwak, N., Shah, D., Holbert, L. Connecting, trusting, and participating: the direct and interactive effects of social associations / N. Kwak, D. Shah, L. Holbert // *Political Research Quarterly*. – 2004. – № 57 (4). – Pp. 643–652.
396. Leon, D.S. *Violence in the Barrios of Caracas: Social Capital and the Political Economy of Venezuela* – Springer, 2020.
397. Lesley, H., Lammertyn, F. 'Collective and Reflexive Styles of Volunteering / H. Lesley, F. Lammertyn // *Sociological Modernization Perspective*', *Voluntas*. – 2003. – № 14. – Pp. 167–187.

398. Lester, M., Salamon, S., Sokolowski, W. Explaining Civil Society Development. A Social Origins Approach – Baltimor : Johns Hopkins University Press, 2017. – 344 p.
399. Levasseur, M., Richard, L., Gauvin, L., Raymond, E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: Proposed taxonomy of social activities. / M. Levasseur, L. Richard, L. Gauvin, E. Raymond // Soc Sci Med. – 2010. – № 71 (12). – Pp. 2141–2149.
400. Lewicka, M. Ways to make people active: The role of place attachment, cultural capital, and neighborhood ties / M. Lewicka // Journal of Environmental Psychology. – 2005. – № 25 (4). – Pp. 381–395.
401. List, C., Spiekermann, K. Methodological Individualism and Holism in Political Science: A Reconciliation / C. List, K. Spiekermann // American Political Science Review. – 2013. – № 107 (4) – Pp. 629–643.
402. Lockstone-Binney, L., Holmes, K., Smith, K., Baum, T. Volunteers and Volunteering in Leisure: Social Science Perspectives, 2010. – URL: <https://strathprints.strath.ac.uk/26544/1/strathprints026544.pdf>
403. Macnaghten, P., Grove-White, R., Jacobs, M., Wynne, B. Public Perceptions and Sustainability in Lancashire. Indicators, Institutions and Participation – Lancaster: University for Lancashire County Council, 1995. – 210 p.
404. Mati, J.M., Silva, F., Anderson, T. Assessing and Strengthening Civil Society, 2010.
405. McCarthy, I. Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory / I. McCarthy / AYS. – 1977. – № 82. – Pp. 1212–1241.
406. McConnell, C.R., Economics. Principles, Problems and Policies. 11th ed. – N.Y.: McGraw-Hill Publishing Co., 2010.
407. McDowell, I., Newell, C. Measuring Health: A Guide Rating Scales and Questionnaires. – New York: Oxford University Press, 1997. – 180 p.
408. Measuring digital development Facts and figures 2020, 2020. – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2020.pdf> (дата обращения: 17.09.2021 г.)
409. Melucci, A. Getting involved: identity and mobilization in social movements // Intern. Social Movement Research. № 1. From structure to action / Ed. by B. Klandermans et al. 1988.
410. Mergler, D. Worker participation in occupational healthresearch: theory and practice, hit. J. Ilhh Serl'. – 1987.– № 17 (15).
411. Milbrath, L.W., La Goel, M. Political Participation. How and Why People Get Involved in Politics – Chicago: RandMcNally, 1977.
412. Misztal, B. Trust in Modern Societies – Cambridge: Polity Press, 1998. – 215 p.

413. Mohammad, G., Mohsen, N., Fatemeh, E.R. Participation in charity work and dedication, a prelude to sustainable development / G. Mohammad, N. Mohsen, E.R. Fatemeh // Journal of Studies of Socio-Cultural Development. – 2015. – № 3 (4). – Pp. 24–45.

414. Musch, A., Streit, A. (Un)intended effects of participation in sustainability science: A criteria-guided comparative case study / A. Musch, A. Streit // Environmental Science & Policy. – 2020. – № 104. – Pp. 55–66.

415. Muukkonen, M. The Familiar Unknown: Introduction to Third Sector Theories – Licentiate thesis of practical theology. University of Joensuu, 2000. – URL: http://cc.joensuu.fi/~muukkone/Muukkonen_The_Familiar_Unknown.pdf

416. Naranjo-Zolotov, M., Oliveira, T., Casteleyn, S., Irani, Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community / M. Naranjo-Zolotov, T. Oliveira, S. Casteleyn, Z. Irani // Government Information Quarterly. – 2019. – № 36. – Pp. 536–545.

417. Naranjo-Zolotov, M., Oliveira, T., Cruz-Jesus, F., Martins, J., Xavier, N. Examining social capital and individual motivators to explain the adoption of online citizen participation / M. Naranjo Zolotov, T. Oliveira, F. Cruz-Jesus, J. Martins, N. Xavier // Future Generation Computer Systems. – 2019. – № 92. – Pp. 302–311.

418. Newton, K., Giebler, H. Patterns of participation: Political and Social participation in 22 nations – Berlin, 2008. – 45 p.

419. Norris, P. Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002

420. Norris, P. The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. – 320 p.

421. Oakley, P. Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development – International Labour Organization, 1991. – 284 p.

422. Oberschall, A. Englewood Cliffs – Prentice-Hall, 1973. – 371 p.

423. Okali, C., Sumberg, J., Farrington, J. Farmer participatory research: rhetoric and reality – London: Overseas Development Institute, 1994.

424. Oscar, L. Culture of Poverty. In Moynihan, Daniel P. (ed). On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences – New York: Basic Books, 1969. – Pp. 187–220.

425. Ostrom, E., Parks, R., Whitaker, G. Patterns of Metropolitan Policing – Cambridge, MA : Cambridge University Press, 1978.

426. Park, R.E., Burgess, E.W., McKenzie, R.D. The City – Chicago, 1925.

427. Pateman C. Participation and democratic theory – London: Oxford University Press, 1970. – 122 p.

428. Pimoljinda, T., Siriprasertchok, R. Failure of public participation for sustainable development: A case study of a NGO's development projects in Chonburi

province Kasetsart / T. Pimoljinda, R. Siriprasetrchok // Journal of Social Sciences. – 2017. – № 38 (3). – Pp. 331–336.

429. Porter, M., Kramer M. Strategy and Society: the Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility – Harvard Business Review, 2006.

430. Proto, E., Rustichini, A. GDP and life satisfaction: new evidence – January 11, 2014. – URL: <https://voxeu.org/article/gdp-and-life-satisfaction-new-evidence>).

431. Putnam, R. Bowling alone: America's declining social capital / R. Putnam // Journal of Democracy. – 1995. – № 6 (1). – Pp. 65–78.

432. Putnam, R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community – New York : Simon and Schuster, 2001. – 541 p.

433. Putnam, R.D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy – Princeton University Press, 1994. – URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691037387/making-democracy-work>

434. Quaghebeur, R. Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal and empowerment / R. Quaghebeur // Interchange. – 2006. – № 37 (4). – Pp. 309–331.

435. Ragnedda, M. Conceptualizing digital capital / M. Ragnedda // Telematics and Informatics. – 2018. – № 35. – Pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>

436. Raihani, N.J. Nudge politics: efficacy and ethics / N.J. Raihani // Frontiers in Psychology. – 2013. – № 4 (972). – Pp. 1–4.

437. Reichard, Ch. Der «Dritte Sektor», Ansätze zur Strukturierung eines Forschungsbereiches / Ch. Reichard // Zeitschrift für öffentliche und gemeinwirtschaftliche Unternehmen. – 1988. – № 11 (1). – S. 75–81.

438. Roberts, A. The Quality of Democracy in Eastern Europe: Public Preference and Policy Reforms – Cambridge, 2010. – 260 p.

439. Rochester, C., Paine, E., Howlett, A. Volunteering and Society in the 21-st Century – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2010. – 274 p.

440. Ronan, B. Testimony at the White House Conference on Aging Public Forum on Civic Engagement in an Older America – Arizona: Phoenix, 2004.

441. Rose-Ackerman, S. From Elections to Democracy: Building Accountable Government in Hungary and Poland – Cambridge, 2005. –158 p.

442. Rosenau, J.N. Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges // International Governance on Environmental Issues. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. – Pp. 19–56.

443. Russian Civil Society, in: Russia: Strategy, Policy and Administration – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 386 p.

444. Sæbo, O., Rose, J., Skiftenes Flak, L. The shape of e-Participation: Characterizing an emerging research area / O. Sæbo, J. Rose, L. Skiftenes Flak // Government Information Quarterly. – 2008. – № 25 (3). – Pp. 400–428.

445. Salamon, L.M. *Global Civil Society* / L.M. Salamon, H.K. Anheier, R. List, S. Toepler, S.W. Sokolowski. – Baltimore : Johns Hopkins University. Center for Civil Society Studies, 1999. – 186 p.
446. Salamon, L. *New Frontiers of Philanthropy* – New York : Oxford University Press, 2014. – 768 p.
447. Salamon, L. *The State of Global Civil Society and Volunteering* / L. Salamon. – Baltimore: Center for civic society. University Johns Hopkins. – 2013. – Pp. 3–5.
448. Salamon, L., Sokolowski, W., Haddock, M., Tice, H. *The State of Global Civil Society and Volunteering: Latest Findings from Implementation of the UN.* – 2013. – URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2013/04/JHU_Global-Civil-Society-Volunteering_FINAL_3.2013.pdf
449. Salamon, L.M., Toepler, S. *Government–nonprofit cooperation: anomaly or necessity?* / L.M. Salamon, S. Toepler // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations.* – 2015. – № 26 (6). – Pp. 2155–2177.
450. Salamon, L.M., Sokolowski, W. *The Size and Composition of the European Third Sector.* In: *The Third Sector as a Renewable Resource for Europe* – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-71473-8_3.
451. Salamon, M.L., Sokolowski, W. *The size and scope of the European third sector* / TSI Working Paper, № 12, Seventh Framework Programme, European Union – Brussels: Third Sector Impact, 2016. – 120 p.
452. Selsky, J.W., Parker, B. *Cross-sector partnerships to address social issues: Challenges to theory and practice* / J.W. Selsky, B. Parker // *Journal of Management.* – 2005. – № 31 (6). – Pp. 1–25.
453. Singer, P. *The Life you Can Save: Acting Now to End World Poverty* – New York: Random House, 2009. – 107 p.
454. Smidt, C. *Religion as Social Capital: Producing the Common Good* – Baylor University Press, 2003.
455. Smith, B.G., Krishna, A., Al-Sinan, R. *Beyond Slacktivism: Examining the Entanglement between Social Media Engagement, Empowerment, and Participation in Activism* / B.G. Smith, A. Krishna, R. Al-Sinan // *International Journal of Strategic Communication.* – 2019. – № 13 (3). Pp. 182–196.
456. *Socio-Economic Impact of Ebola Virus Disease in West African Countries* // United Nations Development Group – Western and Central Africa, 2015. – URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/ebola-west-africa.pdf> (дата обращения: 08.07.2020)
457. Stolle, D., Hooghe, M. *Review Article: Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies* / D. Stolle, M. Hooghe // *British Journal of Political Science.* – 2005. – № 35. – Pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074

458. Tashakkori, A., Teddlie, C. Introduction to Mixed Method and Mixed Model Studies in the Social and Behavioral Science / A. Tashakkori, C. Teddlie // The Mixed Methods Reader. – 2008. – Pp. 7–26.
459. Teocharis, Y. The Conceptualization of Digitality Networked Participation / Y. Teocharis // Social Media Society. – 2015. – № 2 (1). – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305115610140>.
460. Thaler, R.H., Sunstein, C.R. Libertarian paternalism / R.H. Thaler, C.R. Sunstein // American Economic Review. – № 93 (2). – Pp. 175–179.
461. The Third Sector. Impact project. 2014–2019. – URL: <https://thirdsectorimpact.eu/documentation/tsi-national-report-no-3-third-sector-barriers-in-austria/TTS>
462. Theocharis, Y., Deth, J. The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy / Y. Theocharis, J. Deth // European Political Science. – 2018. – № 10 (1). – Pp. 139–163. DOI:10.1017/S1755773916000230
463. Therborn, G. Cultural Belonging, Structural Location, and Human Action. Explanation in Sociology and in Social Science / G. Therborn // Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association. – 1991. – № 34 (3). – Pp. 177–192.
464. Vanin, P. Social capital accumulation and the evolution of social participation / P. Vanin // Journal of Socio-Economics. – 2007. – № 36. – Pp. 128–143.
465. Verba, S., Nie, N.H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality – Chicago, IL : University of Chicago Press, 1972. – 452 p.
466. Verba, S., Schlozman, K. L., Brady, H. E. Yoke and Equality – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1995.
467. Wang, C., Wu, X. Volunteers' Motivation, Satisfaction, and Management in Large-scale Events: An Empirical Test from the 2010 Shanghai World Expo / C. Wang, X. Wu // Voluntas. – 2014. – № 25. – Pp. 754–771. DOI: 10.1007/s11266-013-9350-0
468. Wang, H. The role of charity care and primary care physician assignment on ED use in homeless patients / H. Wang // American Journal of Emergency Medicine. – 2015. – № 33. – P. 1006–1011. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ajem.2015.04.026>.
469. Wang, L., Graddy E. Social capital, volunteering and charitable giving / L. Wang, E. Graddy // Voluntas. – 2009. – № 19 (1). – Pp. 23–42.
470. Warren, M. Democracy and Association – Princeton: Princeton Univ. Press., 2001.
471. Weber, M. Economy and society. Transl. G. Roth and C. Wittich. № 1. – Berkeley: University of California Press, 1978.
472. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism – Routledge, 1905.
473. Weingast, B.R. The political foundations of democracy and the rule of law / B.R. Weingast // The American Political Science Review. – 1997. – № 91 (2). – Pp. 245–263.

474. Weisbrod, B. The Nonprofit Economy / B. Weisbrod. – Cambridge : Harvard University Press, 1994. – 75 p.
475. Williams, G. Evaluating participatory development: tyranny, power and (re)politicization / G. Williams // Third World Quarterly. – 2004. – № 25 (3). – Pp. 557–578.
476. Williams, R. Keywords – London: Fontana, 1988. – 270 p.
477. Worldwide – an updated programme description of the CIVICUS Civil Society Index: Phase 2008–2010 – Johannesburg: CIVICUS.
478. Zagefka, H., James, T. The Psychology of Charitable Donations to Disaster Victims and Beyond / H. Zagefka, T. James // Social Issues and Policy Review. – 2015. – № 9. – Pp. 155–192. – URL: <https://doi.org/10.1111/sipr.12013>.
479. Zald M., McCarthy J. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays – New Brunswick: Transactions books, 1987.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Основные нормативно-правовые акты в РФ с 1990-х гг. по 2020 г.,
регулирующие сферу гражданского участия**

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях»	Определяет особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также возможные формы поддержки некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): принят ФЗ от 30.11.1994 № 51 (ред. от 28.06.2021)	ГК РФ § 6. Некоммерческие корпоративные организации. Некоммерческие корпоративные организации создаются в организационно-правовых формах потребительских кооперативов, общественных организаций, ассоциаций (союзов), нотариальных палат, товариществ собственников недвижимости, казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общин коренных малочисленных народов Российской Федерации.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/07c9d84e3be048dda7eb4c0d79bb689b90a0fbdb/
Федеральный закон от 07.07.1995 № 135-ФЗ (ред. от 8.12.2020 г.) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»	Устанавливает основы правового регулирования благотворительной деятельности и добровольчества, определяет возможные формы их поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особенности создания и деятельности благотворительных и волонтерских организаций в целях широкого распространения и развития благотворительной деятельности в стране.	https://docs.cntd.ru/document/9012847
Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020 г.) «Об общественных объединениях»	Предметом регулирования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, созданием, деятельностью, реорганизацией и(или) ликвидацией общественных объединений. Действие закона распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций, а также коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций).	https://docs.cntd.ru/document/9011562?marker=64U0IK

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Указ Президента РФ от 28 февраля 1995 года № 228 «О федеральной целевой программе повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации»	Программа предусматривает проведение долгосрочных и оперативных мероприятий образовательного, информационного, организационного характера, направленных на создание разнообразных полномасштабных форм правового просвещения и обучения всех участников избирательного процесса в Российской Федерации: избирателей, организаторов выборов и референдума, кандидатов в депутаты и на занятие выборных государственных должностей, их доверенных лиц, представителей избирательных объединений.	https://clck.ru/W7Vm8
Трудовой кодекс Российской Федерации: принят ФЗ № 197-ФЗ 30.12. 2001 г. (ред. от 28.06.2021 г.)	ТК РФ Статья 409. Право на забастовку В соответствии со статьей 37 Конституции Российской Федерации признается право работников на забастовку как способ разрешения коллективного трудового спора.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e1a6880a512624263115aaf907c8b64e49d886c4/
Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «О политических партиях»	Предметом регулирования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами Российской Федерации права на объединение в политические партии и особенностями создания, деятельности, реорганизации и ликвидации политических партий в Российской Федерации.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324_59/
Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»	Определяет основные гарантии реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»	Глава 5. Раскрывает формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: местный референдум, муниципальные выборы, голосование по отзыву депутата, сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования, сход граждан, правотворческая инициатива граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, староста сельского населенного пункта, публичные слушания, общественные обсуждения, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опрос граждан, обращения граждан в органы местного самоуправления.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/c66c9fc98703499481199dc22b7f612ca867f784/

Продолжение приложения 1

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 17.05.2021 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»	Устанавливает правовые основы для проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования в РФ и ответственность в случае их несоблюдения.	https://docs.cntd.ru/document/901900534
Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»	Законом регулируются правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации (далее также - гражданин) закрепленного за ним Конституцией Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливается порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/
Федеральный закон от 30.12.2006 г. № 275-ФЗ (ред. от 31.06.2020 г.) «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»	Закон регулирует отношения, возникающие при формировании, пополнении и расформировании целевого капитала некоммерческих организаций.	https://docs.cntd.ru/document/902021813
Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»	Действие закона распространяется на отношения, связанные с обеспечением доступа пользователей к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.	http://letters.kremlin.ru/info-service/acts/5
Постановление Правительства РФ от 23.08.2011 г. № 713 (ред. от 25.05.2016 г.) «О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям»	Устанавливает правила предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций по приоритетным направлениям.	https://clck.ru/W7TXv
Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан Утверждены Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года Пр-1168	Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства.	https://docs.cntd.ru/document/902288529

Продолжение приложения 1

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Федеральный закон от 06.05.2011 г. № 100-ФЗ (ред. от 30.04. 2021 г.) «О добровольной пожарной охране»	Закон устанавливает правовые основы создания и деятельности добровольной пожарной охраны, права и гарантии деятельности общественных объединений пожарной охраны и добровольных пожарных, регулирует отношения добровольной пожарной охраны с органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями и гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства.	https://docs.cntd.ru/document/902276967
Постановление Правительства РФ от 30.12. 2012 г. № 1478 «Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций»	Устанавливает порядок формирования, ведения и обязательного опубликования перечня федерального имущества, свободного от прав третьих лиц (за исключением имущественных прав некоммерческих организаций, не являющихся государственными и муниципальными учреждениями и некоммерческими организациями, учрежденными Российской Федерацией), которое может быть предоставлено социально ориентированным некоммерческим организациям во владение и (или) в пользование на долгосрочной основе.	https://docs.cntd.ru/document/902390366
Федеральный закон от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»	Закон устанавливает принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка, участия граждан в поиске лиц, пропавших без вести, особенности создания и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, целью которых является участие в охране общественного порядка, порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус народных дружинников.	https://rg.ru/2014/04/04/poryadok-dok.html
Федеральный закон в ред. от 24.11.2014 № 361-ФЗ «Об охране окружающей среды»	Глава 3. Устанавливает права и обязанности граждан, общественных объединений и некоммерческих организаций в области охраны окружающей среды	http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074303
Указ Президента Российской Федерации от 23.06.2014 № 452 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса „Российская общественная инициатива”» (в ред. указов Президента Российской Федерации от 17.09.2020 № 562)	Утверждает Правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» в целях обеспечения развития и укрепления гражданского общества, защиты прав человека и гражданина, участия граждан в управлении делами государства.	http://www.kremlin.ru/acts/bank/36853/print

Продолжение приложения 1

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 327-ФЗ «О меценатской деятельности»	Раскрывает особенности осуществления и регулирования меценатской деятельности, целью которой выступает поддержка сохранения культурных ценностей и развития деятельности в сфере культуры и образования в области культуры и искусства.	http://base.garant.ru/70781538/
Постановление Правительства РФ от 8 июня 2016 года № 1144-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»»	Разработка финансовых и нефинансовых механизмов для расширения участия негосударственного сектора экономики в оказании услуг в социальной сфере.	https://docs.cntd.ru/document/420360730
Постановление Правительства РФ от 26.01.2017 г. № 89 (ред. от 17.04.2021 г.) «О реестре некоммерческих организаций - исполнителей общественно полезных услуг»	Определяет порядок принятия решения о признании социально ориентированной некоммерческой организации (далее - организация) исполнителем общественно полезных услуг.	https://docs.cntd.ru/document/420390545
<i>Продолжение таблицы</i>		
Указ Президента Российской Федерации от 7.05. 2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»	Участие социально ориентированных НКО предусмотрено в 7-ми из 13-ти национальных проектах («Экология», «Демография», «Образование», «Здравоохранение», «Культура», «Наука», «Жилье и городская среда»).	https://docs.cntd.ru/document/557309575#7D20K3
Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2019 г. № 2705-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.»	Устанавливает ключевые задачи содействия развитию благотворительности: расширение масштабов благотворительности граждан и организаций, включая развитие массового участия, общественной поддержки, механизмов стимулирования, освещения в средствах массовой информации и коммуникации; содействие повышению эффективности деятельности благотворительных организаций, включая развитие информационно-консультационной поддержки, современных управленческих технологий, практики оценки результативности, подготовки и повышения квалификации кадров; совершенствование регулирования деятельности благотворительных организаций, включая установление требований к уровню прозрачности.	https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943544/#1000

Продолжение приложения 1

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Распоряжение Правительства РФ от 27.12. 2018 г. № 2950-р «О Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года»	Концепция нацелена на обеспечение системного подхода к поддержке добровольческих инициатив за счет развития методической, информационной, консультационной, образовательной и ресурсной поддержки деятельности по привлечению волонтеров к работе в учреждениях социального обслуживания населения, образования, здравоохранения, оказанию помощи при возникновении чрезвычайных ситуаций.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/
Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2019 г. № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества (с изменениями на 20 мая 2021 года)»	Утверждение Положения о грантах Президента РФ в целях обеспечения государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.	https://docs.cntd.ru/document/552253938
Постановление Правительства РФ от 23.06. 2020 г. № 906 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций»	Определяет порядок ведения реестра социально ориентированных некоммерческих организаций, которые с 2017 года являются получателями грантов Президента РФ, получателями субсидий и грантов в рамках программ, реализуемых федеральными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, исполнителями общественно полезных услуг, поставщиками социальных услуг. Устанавливает реестр СОНКО, которым в связи с пандемией будут предоставлены дополнительные меры поддержки.	https://docs.cntd.ru/document/565184648
Федеральный закон от 8.06. 2020 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»)	Устанавливает, в том числе меры, поддержки для СОНКО, которые вошли в реестр: освобождение от налогов, авансовых платежей по налогам (за исключением НДС), страховых взносов в государственные внебюджетные фонды за 2 квартал 2020 г. Расширяет налоговые стимулы участия в благотворительности юридических лиц.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354470/
Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»»	Создает правовые основы применения института инициативного (или «народного») бюджетирования.	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357767/
Постановление Правительства РФ от 30.11.2020 № 1969 «Об особенностях осуществления проверок в 2021 году»	В 2020 году в отношении НКО будут проводиться только внеплановые проверки на основании причинения вреда жизни и здоровью граждан. Это коснется всех НКО численностью не более 200 человек по состоянию на 2019 г.,	http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349478/

Окончание приложения 1

Документ	Содержание	Ссылка на источник
Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 г. № 439 «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества»	Устанавливает отсрочку арендной платы, в том числе для НКО. Льготные условия и перенос срока оплаты аренды по договорам государственного (муниципального) имущества, в том числе уменьшение размера арендной платы с учетом того, что арендатор фактически не осуществляет свою деятельность из-за пандемии, а также с учетом нерабочих дней, установленных указами Президента РФ. Штрафы, проценты или иные меры ответственности не применяются.	https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73750806/
Приказ Минюста России от 26 мая 2020 г. № 122, Приказ Минюста России от 26 мая 2020 г. № 123	Отсрочка предоставления отчетности в Минюст России. Перенос сроков предоставления отчетности на 1 июля 2020г.	https://rg.ru/2020/06/02/minjust-prikaz122-site-dok.html
Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»	Документ определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз и направлен на консолидацию усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и граждан в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.	https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/
Источник: составлено автором по: Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank ; Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/ ; Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Нормативные правовые акты в Российской Федерации. URL: http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html (дата обращения: 15.05.2021 г.).		

Место, занимаемое субъектом Северо-Западного федерального округа по основным социально-экономическим показателям в РФ за 2019 г.

Показатели/ территория	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Псковская область	Республика Карелия	СЗФО
Площадь территории	26	77	25	48	17	4
Численность населения на 1 января 2020 г.	43	50	63	68	69	5
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения	36	18	33	70	41	2
Валовой региональный продукт на душу населения в 2018 г.	27	31	14	68	33	
Инвестиции в основной капитал на душу населения	13	34	9	75	51	3
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года)	32	42	37	73	60	4
Продукция сельского хозяйства	51	47	82	46	77	7
Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения	35	6	83	38	46	1
Оборот розничной торговли на душу населения	58	51	16	42	32	2
Число персональных компьютеров на 100 работников	16–18	8–9	26–35	67–69	7	2
Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	43	38	12	56	28	3
Среднемесячная номинальная зарботная плата работников организаций	32	43	11	74	24	3

Окончание приложения 2

Показатели/ территория	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Псковская область	Республика Карелия	СЗФО
Уровень занятости	56	14	10	58	69	2
Уровень безработицы	38	37	57	47	70	2
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	8	24	54	7	36	1
Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения	23	12	29	10	8	2
Численность студентов, обучающихся по программам высшего образования на 10000 человек населения	71	49	81	60	63	1
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1162 с.						

Общая характеристика Вологодской области

Показатели	Вологодская область
Дата образования	В 1796 г. учреждена Вологодская губерния. В 1937 г. образована Вологодская область.
Площадь, тыс. км ²	144,5 (26 место)
Плотность населения чел./км ²	7,96
Численность населения, чел.	1 151 042
Доля городского населения	73,24%
Национальности	96,56 % русские (1 место в РФ)
Административный центр, численность, чел.	Вологда 308 530
Границы с зарубежными странами	Нет
Выход к морю	Нет
Власть	Исполнительная – губернатор и правительство области; законодательная – Законодательное собрание (однопалатный парламент)
Административное деление	2 городских округа (Вологда, Череповец) 26 муниципальных районов
Экономический район	Северный экономический район

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а, ☎ (8172) 59-78-21

<i>заполняется анкетёром</i>	<i>не надо заполнять</i>	
Номер анкеты:	Номер	Код

ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Район города (области)	Населённый пункт / улица города
<i>заполняется анкетёром</i>	<i>заполняется анкетёром</i>
Дата заполнения анкеты:	Анкетёр:

Добрый день!

Приглашаем Вас принять участие в очередном опросе общественного мнения об участии населения в решении социально значимых вопросов муниципального образования, об основных социально-экономических проблемах Вашего населённого пункта, возможностей и готовности населения к решению этих проблем.

Просим Вас ответить на вопросы этой анкеты. На некоторые из них даны готовые варианты ответов – обведите номера тех, которые соответствуют Вашему мнению, в остальных случаях напишите свой вариант.

Опрос анонимный – фамилию в анкете указывать не надо. Ваши ответы будут использованы только в обобщённом виде.

Благодарим за помощь.

1. ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 2018 ГОДУ ПО НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ ПАРАМЕТРАМ
(отметьте в каждой строке один вариант ответа)

№ п/п	Параметр	Очень плохое	Плохое	Удовлетвори- тельное	Хорошее
1.	Доступность и качество услуг сферы образования	1	2	3	4
2.	Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	1	2	3	4
3.	Занятость населения и возможности трудоустройства	1	2	3	4
4.	Материальное благосостояние населения	1	2	3	4
5.	Обеспеченность населения жильём	1	2	3	4
6.	Жилищно-коммунальное обслуживание	1	2	3	4

№ п/п	Параметр	Очень плохое	Плохое	Удовлетвори- тельное	Хорошее
7.	Развитие культурно-досуговой сферы	1	2	3	4
8.	Обеспечение общественной безопасности	1	2	3	4
9.	Экология (чистота воздуха, воды и др.)	1	2	3	4
10.	Экономическое развитие	1	2	3	4
11.	Демографическая ситуация (низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения)	1	2	3	4
12.	Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	1	2	3	4
13.	Обеспеченность населения услугами связи (Интернет, мобильная связь)	1	2	3	4

2. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОТ КОГО В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ЗАВИСИТ РАЗВИТИЕ ВАШЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ? *(отметьте не более 3-х наиболее важных вариантов ответа)*

1. От органов местного самоуправления
2. От органов государственной власти региона
3. От федеральных органов власти
4. От главы муниципального образования
5. От самих жителей
6. От частного бизнеса
7. От общественных организаций
8. Другое *(напишите)* _____

3. КАКИХ ИМЕННО РЕШЕНИЙ ВЫ ОЖИДАЕТЕ ОТ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВАШЕМ РАЙОНЕ, СЕЛЕ ИЛИ ГОРОДЕ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ? *(выберите не более 5 вариантов ответа)*

1. Проведение капитального ремонта жилых домов
2. Открытие новых детских садов
3. Повышение качества социального обслуживания
4. Улучшение освещения улиц
5. Регулирование роста цен на услуги ЖКХ
6. Проведение ремонта дорог
7. Решение вопросов занятости населения, предоставления рабочих мест
8. Строительство новых жилых домов
9. Повышение качества и доступности медицинского обслуживания
10. Развитие культурно-досуговой сферы для населения
11. Предоставление муниципального жилья малообеспеченным гражданам
12. Строительство новых спортивных комплексов
13. Строительство детских площадок
14. Обеспечение доступа к скоростной сети Интернет
15. Привлечение жителей к развитию территорий

4. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ..?
(дайте в каждом столбце один ответ)

Вариант ответа		В РОССИИ	В ОБЛАСТИ	В ВАШЕМ НАСЕЛЁННОМ ПУНКТЕ
1.	Благополучная	1	1	1
2.	Спокойная	2	2	2
3.	Напряжённая	3	3	3
4.	Критическая, взрывоопасная	4	4	4
5.	Затрудняюсь ответить	5	5	5

5. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ..? (дайте в каждом столбце один ответ)

Вариант ответа		РОССИИ	ОБЛАСТИ	ВАШЕГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА
1.	Очень хорошее	1	1	1
2.	Хорошее	2	2	2
3.	Среднее	3	3	3
4.	Плохое	4	4	4
5.	Очень плохое	5	5	5
6.	Затрудняюсь ответить	6	6	6

6. КАКАЯ ИЗ ПРИВЕДЁННЫХ НИЖЕ ОЦЕНОК НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ВАШИ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ? (Отметьте один вариант ответа)

1. Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать
2. Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна
3. Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом
4. Денег хватает только на приобретение продуктов питания
5. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги

7. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ...? (дайте в каждой строке один ответ)

Вариант ответа	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
1. Моё материальное положение в настоящем и будущем зависит, прежде всего, от меня	1	2	3	4	5
2. Каждый человек, который может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие	1	2	3	4	5
3. Моя карьера, положение в обществе зависит прежде всего от меня	1	2	3	4	5
4. Насколько интересна, насыщена моя жизнь зависит прежде всего от меня	1	2	3	4	5

8. ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЁМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ? *(дайте один ответ)*

1. Прекрасное настроение
2. Нормальное, ровное состояние
3. Испытываю напряжение, раздражение
4. Испытываю страх, тоску
5. Затрудняюсь ответить

9. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЁННЫХ НИЖЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НАИБОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ? *(дайте один ответ)*

1. Всё не так плохо и жить можно
2. Жить трудно, но можно терпеть
3. Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
4. Затрудняюсь ответить

10. НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ТЕМ, КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ СЕГОДНЯ ВАША ЖИЗНЬ?

1. Полностью удовлетворен(а)
2. В основном удовлетворен(а)
3. В основном неудовлетворен(а)
4. Совершенно неудовлетворен(а)
5. Затрудняюсь ответить

11. ЧТО ДЛЯ ВАС САМОЕ ВАЖНОЕ В ЖИЗНИ? ОЦЕНИТЕ ПО 10 БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, ГДЕ 1 БАЛЛ – СОВСЕМ НЕ ВАЖНО, ... 10 БАЛЛОВ – ОЧЕНЬ ВАЖНО *(дайте в каждой строке один ответ)*

Вариант ответа	Оценка в баллах
1. Здоровье	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
2. Интересная работа	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
3. Любовь	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
4. Дети	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
5. Материально обеспеченная жизнь	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
6. Наличие хороших и верных друзей	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
7. Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
8. Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
9. Развлечения	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
10. Крепкий брак	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
11. Счастливая семейная жизнь	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
12. Успешная карьера	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
13. Религия	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
14. Свобода	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10
15. Счастье близких	1-2-3-4-5-6-7-8-9-10

12. ОЦЕНИТЕ ПО 10-БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ НАСКОЛЬКО АКТИВНЫМ УЧАСТНИКОМ ЖИЗНИ СВОЕГО СООБЩЕСТВА (ДВОРА, СЕЛА, ГОРОДА) ВЫ СЕБЯ СЧИТАЕТЕ (где 1 – совершенно не участвую, 10 – активно участвую)

1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 10

13. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖНЫ ЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫХ НАЗЫВАЮТ «ОБЩЕСТВЕННИКАМИ», КОТОРЫЕ ПЫТАЮТСЯ КАК-ТО ОРГАНИЗОВАТЬ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ, РЕШИТЬ КАКИЕ-ТО ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, СОБИРАЮТ ПОДПИСИ, СОБРАНИЯ?

1. Да 2. Нет 3. Затрудняюсь ответить

14. ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕМ ОКРУЖЕНИИ ТАКИЕ ЛЮДИ? (выберите один вариант ответа)

1. Есть, и достаточно много 3. Нет
2. Есть, но мало 4. Затрудняюсь ответить

15. МОГЛИ БЫ ВЫ САМИ СТАТЬ ТАКИМ «ОБЩЕСТВЕННИКОМ»? ЕСЛИ «ДА», ТО В КАКОЙ СИТУАЦИИ? (выберите не более 3-х вариантов ответа)

1. Не мог(ла) бы ни в какой ситуации
2. Мог(ла) бы в случае нарушения моих прав
3. Мог(ла) бы в случае нарушения прав окружающих
4. Мог(ла) бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы
5. Другое (напишите) _____
6. Затрудняюсь ответить

16. ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ СТАНОВИТЬСЯ ИНИЦИАТОРОМ КАКИХ-ЛИБО КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЧТОБЫ... (дайте в каждой строке один ответ)

Вариант ответа	ДА	НЕТ
1. Решить какую-то свою проблему	1	2
2. Решить проблему других людей	1	2
3. Реализовать какой-то свой замысел, инициативу, проект	1	2
4. Реализовать какой-то замысел, инициативу, проект других людей	1	2

17. ПРИНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ В МЕРОПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ? (дайте в каждой строке один ответ)

Мероприятие	Регулярно	Время от времени	Один раз	Никогда
1. Выборы	1	2	3	4
2. Участие в избирательной кампании	1	2	3	4
3. Коллективное благоустройство, субботники	1	2	3	4
4. Работа домового комитета, совета дома	1	2	3	4
5. Работа родительского комитета (в школе, детском саду)	1	2	3	4

Мероприятие	Регулярно	Время от времени	Один раз	Никогда
6. Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	1	2	3	4
7. Деятельность общественных организаций	1	2	3	4
8. Деятельность какой-либо группы, которая общается только через интернет (например, ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Facebook)	1	2	3	4
9. Волонтерская работа	1	2	3	4
10. Подписание обращений, петиций в органы власти	1	2	3	4
11. Митинги, демонстрации, пикеты	1	2	3	4
12. Забастовки	1	2	3	4
13. Общественные слушания, общественный контроль	1	2	3	4
14. Обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде	1	2	3	4
15. Являюсь членом политической партии	1	2	3	4
16. Являюсь членом профсоюза	1	2	3	4

18. В КАКИХ ФОРМАХ ВЫ ДОПУСКАЕТЕ ДЛЯ СЕБЯ УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (выберите не более 3 вариантов ответа)

1. Оплачиваемая работа на полный день (например, в общественной (некоммерческой) организации)
2. Оплачиваемая работа на несколько часов (например, в общественной (некоммерческой) организации)
3. Волонтерский, добровольческий труд
4. Индивидуальная благотворительная деятельность
5. Благотворительная деятельность в соответствующих организациях
6. Безвозмездная организационная работа (например, в домовом или родительском комитете)
7. Другое (укажите) _____

19. СКОЛЬКО РАЗ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВЫ РАБОТАЛИ В КАЧЕСТВЕ ВОЛОНТЕРА? _____ раз

20. ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВАМ ПРИХОДИЛОСЬ БЕЗВОЗМЕЗДНО ДЕЛАТЬ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ДЛЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ (НЕ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И НЕ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ)? (выберите все подходящие ответы)

1. Эмоциональная поддержка, общение, житейский совет
2. Помогать вещами
3. Помогать деньгами (в долг без процентов)
4. Оказывать бытовую помощь на дому, физическую помощь
5. Помогать продуктами

6. Помогать деньгами (безвозмездно)
7. Участвовать в субботниках, мероприятиях по благоустройству среды проживания, заниматься посадкой деревьев, ремонтировать лавочки, детские площадки
8. Присматривать за чужими детьми или престарелыми
9. Давать профессиональные консультации, читать лекции, давать уроки
10. Участвовать в работе родительских комитетов
11. Участвовать в собрании жильцов дома, подъезда, улицы, ТОС
12. Участвовать в ремонте подъезда силами жильцов, дежурить на лестничных клетках
13. Помогать с обращением в органы власти (с жалобами, прошениями и т.д.)
14. Оказывать помощь, сопровождать при передвижении лиц с ограниченными возможностями
15. Организовывать досуг
16. Доставлять на дом материальную помощь (продукты, одежду, медикаменты)
17. Участвовать в организации мероприятий (досуговых и культурных, просветительских, оздоровительных, спортивных и др.)
18. Сбирать пожертвования и иные денежные средства для нуждающихся в помощи
19. Участвовать в ликвидации последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций
20. Раздавать / распределять материальную помощь
21. Работать в коллективных руководящих органах общественных (некоммерческих) организаций
22. Помогать сотрудникам общественных (некоммерческих) организаций (в приеме заявлений, телефонных звонков, в производстве рекламы, проведении опросов и т.д.)
23. Ничего из перечисленного делать не приходилось
24. Затрудняюсь ответить

21. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ? (дайте в каждой строке один ответ)

Вариант ответа	Да	Нет
1. Я принимал(а) участие в благотворительности	1	2
2. У меня и моей семьи много своих проблем, нет возможности заниматься благотворительностью	1	2
3. Я не верю, что моя помощь действительно дойдёт до адресата, будет использоваться по назначению	1	2
4. Помощь людям, оказавшимся в тяжёлом положении, должно оказывать государство, а не благотворители	1	2
5. В современном мире каждый должен сам решать свои проблемы, не рассчитывая на чью-либо помощь	1	2

22. В КАКИХ СФЕРАХ И ОБЛАСТЯХ ЖИЗНИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕОБХОДИМО АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВАЖНЫХ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМ? (выберите не более 5 ответов)

1. Здравоохранение, работа с тяжелооболными / инвалидами	8. Защита животных, экология
2. Семья	9. Патриотизм, гражданское общество
3. Работа с детьми и молодежью	10. Поисковое направление, безопасность
4. Адаптация пожилых людей, ветеранов	11. Женское направление
5. Волонтерство	12. Защита профессиональных интересов
6. Спорт, здоровый образ жизни	13. Защита национальных интересов
7. Культура, искусство, образование	14. Ни в одной из сфер не требуется

23. КАКОЙ СПОСОБ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ РЕШИТЬ СОЦИАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ, ЗАТРАГИВАЮЩУЮ ИНТЕРЕСЫ МНОГИХ ГРАЖДАН (ОБУСТРОЙСТВО ДВОРА, РЕМОНТ ДОРОГ И ПР.)? (выберите не более 3-х ответов)

1. Добиваться действий от органов власти самостоятельно
2. Обратиться за помощью только к родственникам
3. Разместить обращение к органам власти и всем равнодушным в Интернете
4. Обращусь прежде всего к депутатам или в правоохранительные органы
5. Обращусь в общественные (некоммерческие) организации
6. Обращусь к бизнесменам, предпринимателям
7. Обращусь в церковь
8. Обращусь к криминальным структурам
9. Другое (напишите) _____

24. ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ГОТОВЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ ДЛЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО РЕШЕНИЮ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ, А ЕСТЬ ТЕ, КОТОРЫЕ НЕ ГОТОВЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ. К КАКИМ БЫ ВЫ ОТНЕСЛИ СЕБЯ? (дайте один ответ)

1. Конечно, я с теми, кто готов(а) объединяться
2. Скорее я готов(а) объединяться
3. Скорее я не готов(а) объединяться
4. Я категорически не готов(а) объединяться
5. Затрудняюсь ответить

25. ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ, ЧТОБЫ...?
(дайте в каждой строке один ответ)

Вариант ответа	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
1. Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	1	2	3	4	5
2. Обустраивать территорию проживания (дом, двор, город)	1	2	3	4	5
3. Помогать бедным, инвалидам	1	2	3	4	5
4. Бороться с преступностью, пьянством, наркоманией	1	2	3	4	5
5. Протестовать против неправильных действий властей	1	2	3	4	5
6. Защитить свои права	1	2	3	4	5
7. Провести досуг	1	2	3	4	5

26. В ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ЛЮДИ СОЗДАЮТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ (НЕКОММЕРЧЕСКИЕ) ОРГАНИЗАЦИИ. ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ОБ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (дайте в каждом столбце один ответ)

№	Вариант ответа	В ВАШЕМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ)	В ОБЛАСТИ	В РОССИИ
1.	Да, хорошо знаю	1	1	1
2.	Что-то слышал	2	2	2
3.	Нет, ничего не знаю	3	3	3

27. ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ ВЫ ОБЫЧНО ПОЛУЧАЕТЕ ИНФОРМАЦИЮ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРОЧИХ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВАХ? (отметьте не более 3-х вариантов ответа)

1. Телевидение	6. Сам(а) принимаю в ней участие
2. Газеты, журналы	7. Беседы с друзьями, знакомыми, родственниками
3. Радио	8. Слухи, разговоры на улице/в транспорте/на работе
4. Интернет	9. Получал(а) от неё помощь, содействие, другие услуги
5. Плакаты, щиты, перетяжки через дорогу	10. Не интересуюсь такой информацией
	11. Затрудняюсь ответить

28. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕГОДНЯ В СМИ ДОСТАТОЧНО ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ...? (дайте в каждом столбце один ответ)

Вариант ответа	В ВАШЕМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ)	В ОБЛАСТИ	В РОССИИ
1. Достаточно	1	1	1
2. Недостаточно	2	2	2
3. Затрудняюсь ответить	3	3	3

29. ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, СОСТОИТЕ ИЛИ УЧАСТВУЕТЕ В КАКИХ-ТО МЕРОПРИЯТИЯХ ИЛИ АКЦИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОВОДЯТСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ (НЕКОММЕРЧЕСКИМИ) ОРГАНИЗАЦИЯМИ? *(отметьте в каждом столбце необходимые варианты ответа)*

Вариант ответа	Знаю	Состою	Участвовал(а)
1. Предпринимательские организации и ассоциации	1	1	1
2. Ветеранские	2	2	2
3. Благотворительные	3	3	3
4. Женские	4	4	4
5. Молодёжные, студенческие	5	5	5
6. Экологические, защита животных	6	6	6
7. Религиозные	7	7	7
8. Историко-культурные и творческие	8	8	8
9. Физкультуры и ЗОЖ	9	9	9
10. Общественно-политические объединения, партии	10	10	10
11. Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ	11	11	11
12. Правозащитной направленности и защиты прав потребителей	12	12	12
13. Профессиональные союзы, объединения по профессии	13	13	13
14. Нигде не состою / не участвовал(а)/ не знаю	14		

30. КАКИЕ ЕЩЕ ВЫ ЗНАЕТЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ (НЕКОММЕРЧЕСКИЕ) ОРГАНИЗАЦИИ, НЕ УКАЗАННЫЕ В ПРЕДЫДУЩЕМ ВОПРОСЕ? *(напишите)*

31. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПРИНОСЯТ ЛИ ПОЛЬЗУ НАСЕЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ? *(дайте один ответ)*

1. Несомненно, приносят пользу	3. Скорее, не приносят пользы	5. Затрудняюсь ответить
2. Скорее, приносят пользу	4. Не приносят никакой пользы	

32. ЕСЛИ ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ, ТО В КАКОЙ ФОРМЕ? *(отметьте все необходимые варианты ответа)*

1. Являюсь рядовым членом организации
2. Выплачиваю членские взносы
3. Участвую в собраниях, мероприятиях
4. Являюсь руководителем, инициатором создания, учредителем, членом руководящих органов
5. Работаю добровольцем (безвозмездно)

6. Помогаю деньгами / пожертвованиями
7. Работаю за плату
8. Другое (напишите) _____
9. Не принимаю участия в их деятельности
10. Затрудняюсь ответить

33. ПОЧЕМУ ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ? (отметьте не более 3-х вариантов ответа, самых важных для Вас)

1. Мне хочется сделать что-то полезное, помочь людям
2. Мне это нравится, испытываю удовольствие от этого
3. Новые знакомства, привлекла хорошая компания
4. Потому что сам(а), мои родные, близкие когда-то оказывались в тяжёлой ситуации
5. Возможность получить связи, контакты
6. Желание заслужить одобрение общества (друзей, знакомых, близких)
7. У меня много свободного времени, мне нечего делать
8. Получить материальное вознаграждение
9. Другое (напишите) _____
10. Затрудняюсь ответить

34. ЧТО ВАМ ПРЕПЯТСТВУЕТ УЧАСТВОВАТЬ В ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ? (выберите не более 3 ответов)

1. Не хватает времени, много работаю, занят(а)
2. Не уверен(а) в пользе общественной деятельности
3. Мне это не интересно
4. Мог(ла) бы участвовать, но не знаю куда обратиться, нет нужной информации
5. Нет сил и здоровья
6. Отсутствуют знания, опыт, которые можно применить на практике
7. Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи
8. Такая деятельность не даёт мне возможности личностного роста

35. ЛИЧНО ВЫ ДОПУСКАЕТЕ ИЛИ ИСКЛЮЧАЕТЕ ДЛЯ СЕБЯ РАБОТУ НА ПОСТОЯННОЙ И БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ ОСНОВЕ В КАКОЙ-ЛИБО ОБЩЕСТВЕННОЙ (НЕКОММЕРЧЕСКОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ В БУДУЩЕМ? (отметьте один вариант ответа)

1. Допускаю
2. Исключаю
3. Затрудняюсь ответить

36. ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПОДДЕРЖАТЬ МАТЕРИАЛЬНО (ФИНАНСОВЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ) СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ (НЕКОММЕРЧЕСКИХ) ОРГАНИЗАЦИЙ? *(дайте один ответ)*

1. Готов(а)
2. Не готов(а)
3. Уже поддерживаю
4. Затрудняюсь ответить

37. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О СПОСОБАХ ЖЕРТВОВАНИЯ ДЕНЕГ, ТО КАКИЕ ИЗ НИХ БЫЛИ БЫ ДЛЯ ВАС ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ? *(отметьте всё необходимое)*

1. Перевод СМС – сообщение
2. В специальных пунктах сбора, в ящике сбора пожертвований
3. Банковский перевод (по платёжному поручению в банке)
4. Принести лично наличными
5. Благотворительные аукционы, сбор денег на специальных мероприятиях
6. Перечисление в банковские карты на указанный счёт (через Интернет)
7. Через терминалы оплаты, банкоматы в общественных местах
8. Яндекс-кошелёк, интернет-деньги и прочее
9. Другое *(напишите)* _____
10. Затрудняюсь ответить

38. В КАКОЙ СФЕРЕ ВЫ ГОТОВЫ ПОДДЕРЖИВАТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И В КАКОЙ ФОРМЕ? *(отметьте в каждой строке все необходимые варианты ответа)*

Вариант ответа	Помочь деньгами / пожертвованиями	Работать добровольцем / безвозмездно	Работать за плату (наёмным сотрудником)	Не готов(а) поддерживать
1. Культура и отдых, спорт	1	2	3	4
2. Образование и наука	1	2	3	4
3. Здравоохранение	1	2	3	4
4. Социальные услуги	1	2	3	4
5. Окружающая среда	1	2	3	4
6. Развитие и жилищная сфера (экономическое, социальное и общественное развитие, обеспечение жильём, занятость и подготовка персонала)	1	2	3	4
7. Политическая, правозащитная и иная общественная деятельность	1	2	3	4
8. Благотворительность и поощрение добровольческой деятельности	1	2	3	4
9. Религия	1	2	3	4
10. Международная деятельность	1	2	3	4
11. Другое <i>(напишите)</i>				
12. Затрудняюсь ответить				

39. ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО ВЫ ПРИНИМАЕТЕ РЕШЕНИЕ ПОДДЕРЖАТЬ ИЛИ НЕТ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ИЛИ ИНИЦИАТИВУ. НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС БУДЕТ ВАЖНО МНЕНИЕ ОБ ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ИНИЦИАТИВЕ? (отметьте в каждой строке один вариант ответа)

Вариант ответа	Важно	Неважно	Затрудняюсь ответить
1. Ваших друзей, знакомых, коллег	1	2	3
2. Русской православной церкви	1	2	3
3. Президента Владимира Путина	1	2	3
4. Известных актеров, писателей	1	2	3
5. Известных журналистов, телеведущих	1	2	3
6. Известных спортсменов	1	2	3
7. Губернатора, мэра вашего города, главы администрации района	1	2	3
8. Лидеров общественного мнения вашего населенного пункта	1	2	3
9. Известных политиков, лидеров партий	1	2	3
10. Известных блоггеров	1	2	3
11. Бизнесменов	1	2	3
12. Членов правительства, министров	1	2	3

40. КАКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОБЪЕКТИВНО ВОСТРЕБОВАНЫ ЛИЧНО ДЛЯ ВАС? ДАЙТЕ ОЦЕНКУ ПО КАЖДОЙ СТРОКЕ В БАЛЛАХ ОТ 1 ДО 5 (где 1 балл – крайне низкая востребованность, 5 баллов – очень высокая)

1.	Военно-патриотическое воспитание детей и молодежи	1	2	3	4	5
2.	Пропаганда здорового образа жизни, противодействие алкоголизму, наркомании	1	2	3	4	5
3.	Охрана правопорядка	1	2	3	4	5
4.	Обустройство территории, защита интересов жителей	1	2	3	4	5
5.	Защита прав ветеранов	1	2	3	4	5
6.	Помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации	1	2	3	4	5
7.	Организация досуга и культурной деятельности	1	2	3	4	5
8.	Охрана и пропаганда культурного наследия	1	2	3	4	5
9.	Защита прав потребителей	1	2	3	4	5
10.	Защита прав работников	1	2	3	4	5
11.	Общественный контроль за деятельностью органов власти	1	2	3	4	5
12.	Защита политических прав и свобод граждан	1	2	3	4	5
13.	Религиозная деятельность, в том числе, защита прав верующих	1	2	3	4	5
14.	Природоохранная деятельность, защита животных	1	2	3	4	5
15.	Студенческое и ученическое самоуправление	1	2	3	4	5
16.	Поддержка молодых семей	1	2	3	4	5

41. ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ ИЛИ ВАШИ РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ ЗА ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ) В ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? *(отметьте один вариант ответа)*

1. Да, вопрос был решён
2. Да, но вопросы остались без внимания
3. Нет, не было необходимости
4. Нет, я не знаю куда обратиться
5. Нет, я не уверен(а), что они смогут помочь

42. ПО КАКИМ ПРИЧИНАМ ВЫ ОБРАТИЛИСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ) ИМЕННО В ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? *(отметьте не более 3-х вариантов ответа)*

1. Доверяю
2. Посоветовали обратиться друзья, знакомые
3. Не знал(а), куда ещё можно обратиться
4. В НКО лучшее качество услуг в результате меньшего масштаба и большей отзывчивости
5. Доступ к экспертным знаниям и опыту в решении проблем
6. Способность более гибко реагировать на проблемы без необходимости создания значительной государственной бюрократии
7. Доступ к инновационным (новым) решениям проблем
8. Другое *(напишите)* _____
9. Затрудняюсь ответить

43. ОСТАЛИСЬ ЛИ ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ОКАЗАННОЙ ВАМ ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ)? *(дайте один ответ)*

1. Удовлетворен(а) полностью	3. Совсем не удовлетворен(а)
2. Удовлетворен(а) частично	4. Затрудняюсь ответить

44. КАКИМИ УСЛУГАМИ ИЛИ ТОВАРАМИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ? ЕСЛИ НЕ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ, ТО КАКИМИ СТАЛИ БЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ? *(отметьте в каждом столбце все необходимые варианты ответа)*

Вариант ответа	Пользуюсь	Стал(а) бы пользоваться
1. Социально-бытовые (поддержание жизнедеятельности в быту)	1	1
2. Социально-медицинские (поддержание и сохранение здоровья путём организации ухода, содействие в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения для выявления отклонений в состоянии их здоровья)	2	2
3. Социально-психологические (помощь в коррекции психологического состояния, в том числе анонимно с использованием телефона доверия)	3	3

Вариант ответа	Пользуюсь	Стал(а) бы пользоваться
4. Социально-педагогические (формирование позитивных интересов, организация досуга, оказание помощи семье в воспитании детей)	4	4
5. Социально-трудовые (помощь в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией)	5	5
6. Социально-правовые (помощь в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов)	6	6
7. Услуги для граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе детей-инвалидов	7	7
8. Срочные социальные услуги (обеспечение бесплатным горячим питанием или наборами продуктов; обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости; содействие в получении временного жилого помещения; содействие в получении юридической помощи в целях защиты прав и законных интересов получателей социальных услуг; содействие в получении экстренной психологической помощи с привлечением к этой работе психологов и священнослужителей)	8	8
9. Другое (укажите, какие именно)		
10. Ничего из перечисленного		

45. ПО КАКИМ ПРИЧИНАМ ВЫ БЫ НЕ ОБРАТИЛИСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ (УСЛУГОЙ) ИМЕННО В ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? (напишите)

46. КОМУ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В НАШЕ ВРЕМЯ? (дайте один ответ)

1. Никому нельзя доверять
2. Только самым близким друзьям и родственникам
3. Большинству знакомых людей можно доверять
4. Большинству людей можно доверять
5. Доверять можно всем людям без исключения

47. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ..? (дайте один ответ в каждой строке)

Вариант ответа	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю	Затрудняюсь ответить
1. Членам семьи, родственникам	1	2	3	4	5
2. Другам	1	2	3	4	5
3. Соседям	1	2	3	4	5
4. Коллегам	1	2	3	4	5
5. Большинству людей	1	2	3	4	5
6. Прохожим на улице	1	2	3	4	5

48. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ...? (отметьте в каждой строке один вариант ответа)

Вариант ответа	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю	Затрудняюсь ответить
1. Президенту РФ	1	2	3	4	5
2. Правительству РФ	1	2	3	4	5
3. Государственной думе РФ	1	2	3	4	5
4. Губернатору	1	2	3	4	5
5. Законодательному Собранию области	1	2	3	4	5
6. Мэру (главе) города	1	2	3	4	5
7. Городской думе	1	2	3	4	5
8. Правоохранительным структурам	1	2	3	4	5
9. Прокуратуре	1	2	3	4	5
10. Суду	1	2	3	4	5
11. Армии	1	2	3	4	5
12. Профсоюзам	1	2	3	4	5
13. Религиозным организациям, церкви	1	2	3	4	5
14. Некоммерческим организациям	1	2	3	4	5
15. Политическим партиям, движениям	1	2	3	4	5
16. СМИ	1	2	3	4	5
17. Банкам, крупному бизнесу	1	2	3	4	5
18. Среднему и малому бизнесу	1	2	3	4	5

49. ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ ВАШИХ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ, С КОТОРЫМИ ВЫ РЕГУЛЯРНО ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ОТНОШЕНИЯ, СЛЕДУЮЩИЕ ЛЮДИ...? (отметьте все подходящие варианты ответа)

1. Частные предприниматели, бизнесмены
2. Простые рабочие
3. Верующие других религий
4. Участники протестных митингов, пикетов, забастовок
5. Живущие в собственном доме
6. Мигранты
7. Живущие на социальное пособие по безработице, инвалидности
8. Руководители, политические и общественные лидеры
9. Сторонники других, чем Ваши, политических взглядов
10. Люди иной, чем Ваша, национальности
11. Нет никого из перечисленных, только такие же как я

50. К КОМУ ВЫ СМОЖЕТЕ ОБРАТИТЬСЯ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОБЛЕМНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ? (дайте в каждой строке один ответ)

Вариант ответа	Всегда	Часто	Редко	Никогда
1. Членам семьи, родственникам	1	2	3	4
2. Другам	1	2	3	4
3. Соседям по дому / подъезду	1	2	3	4
4. Своему руководителю	1	2	3	4
5. Коллегам по работе	1	2	3	4
6. Единоверцам	1	2	3	4
7. Членам организации, в которой состою	1	2	3	4
8. Представителям Интернет-сообщества	1	2	3	4
9. Прохожим на улице	1	2	3	4
10. Ни к кому	1	2	3	4

51. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВЛИЯЕТЕ ЛИ ВЫ ЛИЧНО СЕГОДНЯ НА СОСТОЯНИЕ ДЕЛ В УКАЗАННЫХ СФЕРАХ? (дайте в каждой строке один ответ)

Вариант ответа	В полной мере	В значительной мере	В незначительной мере	НЕ влияю
1. В Вашей семье	1	2	3	4
2. У Вас на работе	1	2	3	4
3. В Вашем доме, дворе	1	2	3	4
4. В Вашей деревне, посёлке, городе, районе	1	2	3	4
5. В области, в стране	1	2	3	4

52. Если Вам вдруг понадобится некоторое количество денег (достаточное, чтобы оплатить расходы Вашей семьи в течение одной недели), сколько есть людей вне Вашей семьи, кто в принципе был бы готов одолжить Вам эти деньги?

1. Ни одного человека	3. 3–4 человека	5. 7 человек и более
2. 1–2 человека	4. 5–6 человек	

53. СКАЖИТЕ, ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВАМ ДОВОДИЛОСЬ ДЕЛАТЬ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА-ТРИ ГОДА? (можно выбрать несколько вариантов ответа)

1. Брать кредит
2. Пользоваться смартфоном/мобильным телефоном
3. Ездить за границу по делам работы, учебы
4. Ездить за границу отдыхать
5. Расплачиваться пластиковой карточкой
6. Иметь дело с иностранной валютой
7. Летать на самолетах
8. Пользоваться услугами косметических салонов
9. Пользоваться услугами домработницы, няни, гувернантки

10. Пользоваться услугами репетитора
11. Приобретать спортивные товары и / или туристическое снаряжение
12. Заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе
13. Пользоваться услугой доставки товаров на дом
14. Получать дополнительное образование, повышать квалификацию
15. Использовать интернет для получения информации, покупок, заказа билетов
16. Пользоваться личным кабинетом на Госуслугах, налоговой инспекции, сайтах ЖКХ
17. Отправлять обращения в органы власти
18. Другое (напишите) _____
19. Ничего из перечисленного

54. КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС..? (дайте в каждой строке только ОДИН ответ)

Вариант ответа	Сочувствие	Желание помочь	Тревога, страх	Раздражение, неприязнь	Чувство неловкости	Никаких особых чувств
1. Престарелые	1	2	3	4	5	6
2. Бездомные животные	1	2	3	4	5	6
3. Сироты	1	2	3	4	5	6
4. Инвалиды	1	2	3	4	5	6
5. Беспризорники	1	2	3	4	5	6
6. Бездомные	1	2	3	4	5	6
7. Психически отсталые	1	2	3	4	5	6
8. Бывшие заключённые	1	2	3	4	5	6
9. Алкоголики	1	2	3	4	5	6
10. Наркоманы	1	2	3	4	5	6

СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О СЕБЕ

55. ПОЛ

1. Мужской

2. Женский

56. ВОЗРАСТ _____ (полных лет)

57. СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК В ВАШЕЙ СЕМЬЕ, ВКЛЮЧАЯ ВАС? _____

58. СКОЛЬКО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ? _____

59. ОБРАЗОВАНИЕ

1. Неполное среднее

2. Среднее, в т.ч. ПТУ со средним образованием

3. Среднее специальное образование (техникум и др.)

4. Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)

5. Высшее

60. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. Состою в зарегистрированном браке и проживаю совместно с мужем (женой)
2. Состою в зарегистрированном браке и не проживаю совместно с мужем (женой)
3. Не состою в зарегистрированном браке, но проживаю совместно с мужем (женой)
4. Разведен(а)
5. Не замужем (холост)
6. Вдова (-ец)

61. РОД ЗАНЯТИЙ *(отметьте один вариант ответа)*

1. Рабочий промышленности, транспорта, связи, лесного хозяйства
2. Работник сельского хозяйства
3. Работник торговли, сферы обслуживания
4. Инженерно-технический работник
5. Служащий (работник аппарата предприятия, учреждения)
6. Руководитель государственного предприятия, работник органов управления
7. Специалист, не занятый на производстве (учитель, врач, научный работник, журналист, работник культуры и т.д.)
8. Руководитель коммерческой структуры, предприниматель, имеющий своё дело
9. Военнослужащий, сотрудник органов охраны общественного порядка
10. Студент, учащийся
11. Пенсионер
12. Инвалид
13. Неработающий, безработный (официально зарегистрированный)
14. Другое *(напишите)* _____

62. ГДЕ ВЫ ЖИВЁТЕ?

1. В городе
2. В сельской местности

**Список информантов для проведения качественного исследования
в Вологодской области**

1. Представитель общественной организации, мужчина, 74 года
2. Директор ресурсного центра для НКО, женщина, 42 года
3. Депутат Городской Думы, мужчина, 36 лет
4. Директор властной структуры, Центр управления регионом, мужчина, 40 лет
5. Председатель Молодежного центра, женщина, 29 лет
6. Общественный активист, мужчина, 38 лет
7. Депутат Законодательного Собрания, женщина, 71 год
8. Активист, представитель общественной организации и научного учреждения, женщина, 57 лет
9. Представитель общественной организации, мужчина, 56 лет
10. Глава муниципального района, мужчина, 49 лет
11. Представитель Общественной палаты области и общественной организации, женщина, 68 лет
12. Руководитель структурного подразделения органа исполнительной власти региона, мужчина, 53 года
13. Представитель Общественной палаты области, мужчина, 69 лет
14. Активист, представитель общественной организации, женщина, 57 лет
15. Представитель Администрации муниципального района, мужчина, 40 лет
16. Специалист Управления культуры Администрации муниципального района, женщина, 50 лет
17. Участник волонтерского отряда, женщина, 25 лет
18. Руководитель некоммерческой организации, женщина, 35 лет
19. Председатель районной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов», женщина, 40 лет
20. Активист, женщина, 70 лет
21. Представитель общественной организации, женщина, 26 лет Старцева
22. Член молодежного парламента Вологодской области, женщина, 32 года
23. Представитель общественной организации, женщина, 78 лет
24. Руководитель Череповецкого молодежного центра, мужчина, 30 лет
25. Депутат Череповецкой городской думы, мужчина, 32 года
26. Депутат Череповецкой городской думы, мужчина, 59 лет
27. Председатель комитета по охране окружающей среды и природопользованию администрации Кирилловского муниципального района, женщина, 50 лет

28. Активист проектов Народного бюджета, женщина, 63 года,
29. Активист, представитель районной газеты, женщина, 67 лет
30. Руководитель проекта «Сады Сервера», мужчина, 56 лет
31. Главный специалист управления экономического развития городского округа, женщина, 50 лет
32. Главный специалист по культуре, Администрация, женщина, 35 лет
33. Представитель автономной некоммерческой организации, женщина, 37 лет
34. Представитель автономной некоммерческой организации, женщина, 60 лет
35. Активист в сфере молодежных инициатив, женщина, 40 лет
36. Активист в сфере этнокультуры, женщина, 42 года
37. Представитель аппарата Администрации городского округа, женщина, 45 лет
38. Руководитель Управления общественных связей Администрации Петрозаводского городского округа, женщина, 45 лет
39. Заместитель главы Администрации городского округа, женщина, 35 лет
40. Начальник управления культуры Комитета социального развития Администрации городского округа, женщина, 50 лет
41. Представитель автономной некоммерческой организации в сфере детского образования, женщина, 49 лет
42. Представитель автономной некоммерческой организации, руководитель Общественно-культурного центра, женщина, 70 лет
43. Активист, мужчина, 48 лет
44. Представитель автономной некоммерческой организации «Ресурсный центр», женщина, 49 лет
45. Активист в сфере экологии, мужчина, 43 года
46. Активист в области защиты животных, женщина, 24 года
47. Активист в сфере здравоохранения, женщина, 46 лет
48. Активист в области развития городской среды, мужчина, 62 года

**Гайд-интервью с представителями органов региональной власти,
местного самоуправления по вопросам гражданского участия
в местном сообществе**

Часть 1. Оценка состояния гражданского активизма в регионе

Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего города? По Вашему мнению, местные жители могут влиять на развитие своего города двора/района/города/региона?

Как бы Вы оценили вклад местного населения в решении актуальных городских проблем? На решение каких социальных вопросов направлена эта деятельность? Какие формы принимает гражданская активность в Вашем городе? На Ваш взгляд, в решении значимых проблем отдельных сфер вовлекаются разные группы активистов или, как правило, активность проявляют одни и те же люди/группы людей?

Как изменилась активность жителей за последнее время? Стала ли она сильнее? Появились ли какие-либо новые формы участия граждан в общественной жизни за последнее время? Кто выступил инициатором их появления?

Приведите, пожалуйста, примеры наиболее значимых для региона проектов гражданских активистов.

Есть ли проекты, с которыми граждане, на Ваш взгляд, справляются и могут справляться в будущем самостоятельно (без поддержки власти)?

Назовите социальные проблемы, которые решаются совместно властью и гражданами в Вашем городе.

Каковы, на Ваш взгляд, роль и значимость общественных организаций в решении социально значимых проблем Вашего города? Как бы Вы оценили эффективность взаимодействия общественных организаций, власти и населения в решении городских проблем?

А что Вы можете сказать о роли бизнеса в развитии Вашего города? Как складывается взаимодействие бизнеса, населения и местной власти в решении городских проблем? Приведите, пожалуйста, примеры наиболее значимых для региона практик социального предпринимательства.

Как Вы полагаете, есть ли запрос со стороны органов власти о взаимодействии с гражданами по решениям социальных проблем города/региона? Какие это проблемы? Какие есть социально значимые вопросы в городе, которые, на Ваш взгляд, можно было бы решить с участием добровольцев, но которые не решаются? Почему это происходит, на Ваш взгляд?

По Вашему мнению, достаточен ли для города существующий уровень гражданского участия? Есть ли со стороны органов власти запрос на рост гражданского участия? По каким направлениям? В виде каких практик? Насколько, по Вашему мнению, эффективны онлайн-формы гражданского участия? (например, «открытое правительство», «российская общественная инициатива»).

Можете ли Вы привести примеры отрицательного, на Ваш взгляд, влияния гражданской активности на общественные процессы в районе?

Встречались ли Вам примеры манипуляции гражданской активностью в интересах отдельных людей или групп?

Встречались ли Вам примеры конкурентной борьбы и противоречий между гражданскими активистами и с чем, на Ваш взгляд это было связано?

Часть 2. Условия гражданского участия (Институциональные возможности и социальные условия ГУ)

Как выстраивается диалог власти и граждан? Какие, по Вашему мнению, существуют условия для того, чтобы диалог был конструктивным, результативным? Что, на Ваш взгляд, мешает диалогу?

Есть ли, на Ваш взгляд, различия в двух типах взаимодействия (ситуациях, когда взаимодействуют): власть и общественные объединения и власть и отдельные гражданские активисты? В каком случае решение вопросов проходит, как правило, проще? И с чем это связано?

На Ваш взгляд, сложился ли определенный порядок (регламентированный законодательством или неформальными нормами) взаимодействия власти и граждан? Если да, то насколько этот порядок на данный момент эффективен или требует совершенствования?

Как Вы думаете, есть ли законы или, может быть, неформальные правила, которые препятствуют участию граждан в решении общегородских проблем? Какие это законы или правила? Как Вы думаете, эти законы и правила можно изменить?

По Вашему мнению, какие ещё обстоятельства влияют на гражданскую активность, если говорить об условиях жизни в том или ином городе?

Часть 3. Повышение уровня и эффективности гражданского участия.

Сейчас все чаще говорят об интернете, его мобилизующих функциях в связи с феноменом гражданского участия. На Ваш взгляд, может ли интернет-сообщество превратиться в сообщество реальное или вначале всё-таки должно существовать реальное сообщество, которое пользуется интернетом, как наиболее удобным инструментом?

Как Вы думаете, а почему большая часть местного населения не подключается к общественной деятельности, что мешает этому?

Какие меры можно предпринять, чтобы повысить потенциал гражданского участия в регионе (городе)?

Гайд-интервью с гражданскими активистами по вопросам гражданского участия в местном сообществе

Часть 1. Опыт участия в решении общегородских проблем

Расскажите, пожалуйста, немного о себе: сколько Вам лет, откуда Вы родом, где и по какой специальности Вы учились?

Как получилось, что Вы решили заняться общественной деятельностью?

Если вспомнить начало Вашей общественной деятельности: это была Ваша инициатива или Вас кто-то пригласил к участию в подобной работе? Расскажите, кто это был?

Вспомните, пожалуйста, Ваши первые шаги: почему Вы решили, что та проблема, которую Вы хотели решить, – это Ваше дело?

К кому Вы обратились, с чего начали?

Насколько легко было поначалу? Какие сложности, неожиданности Вам встретились? Как Вы с ними справлялись?

Расскажите, пожалуйста, о Вашем опыте участия в решении общегородских проблем.

Например, это могли быть субботники, участие в ремонте дороги или очистка русла реки; общегородские праздники, в которых Вы выступали как участник самодеятельности; публичные слушания; участие в демонстрациях, пикетах, митингах для привлечения внимания к проблемам жителей или в случае угрозы экологии; участие в выборах в качестве агитаторов или наблюдателей; поиск пропавших людей и другие дела.

Теперь давайте вспомним последний или наиболее запомнившийся Вам случай, когда Вы участвовали в общественно значимых делах. Что это было за дело и какой случай, какая ситуация Вас подтолкнула к тому, чтобы этим заняться?

Вы сами решили включиться в это дело или Вас кто-то позвал, пригласил?

Если Вас пригласили, то кто это был? Представитель какой-то общественной организации, политической партии, работодатель, представители властей или это были знакомые либо родственники?

Если участие в общественной деятельности было Вашим инициативным решением, то что Вас к нему подтолкнуло? Какая информация повлияла на Ваш выбор формы участия? К кому Вы обратились с этой инициативой за поддержкой?

Вы пробовали пригласить с собой на это мероприятие своих родственников, знакомых, сослуживцев? Они согласились присоединиться к Вам?

Как, на Ваш взгляд, изменилась активность других жителей за последнее время? Стала ли она сильнее?

Появились ли какие-либо новые формы участия граждан в общественной жизни за последнее время? Кто выступил инициатором их появления? Как

изменилась общественная деятельность с приходом онлайн-технологий? Как изменились формы участия граждан? Стало ли проще проводить мероприятия и заниматься общественной деятельностью? Как Вы считаете, насколько эффективны онлайн-практики гражданского участия?

Часть 2. Мотивы и трудности гражданского участия

Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего города? Скажите, пожалуйста, Вы чувствуете свою ответственность за решение городских проблем на уровне Вашего двора/района/города/региона? Лично Вы можете влиять на состояние дел в месте своего проживания?

Что привело Вас к готовности посвятить свое время и силы общественной деятельности? Можно ли сказать, что это стало Вашим призванием?

Можно ли сказать, что Ваша общественная деятельность приносит Вам положительные эмоции и удовлетворение? Что именно в Вашей деятельности приносит такую отдачу?

Сталкивались ли Вы с демотивирующими обстоятельствами в Вашей деятельности? Если да, то что именно оказывает такое влияние на Вас?

На Ваш взгляд, какие направления гражданского участия сегодня наиболее популярны у людей (экологический активизм, помощь животным, социальное добровольчество, политический активизм и др.)?

Как Вы считаете, существуют ли направления гражданского участия, которые сегодня можно было бы назвать особенно проблемными и затруднительными для активистов? Если да, то что это за направления? С чем связаны основные трудности?

Как Вам кажется, участие в общественных мероприятиях было полезным для Вас? Как бы Вы определили, в чём была польза? *Например, некоторые считают, что такая деятельность помогает приобрести полезные знания и навыки. Для других важно, что участие в общественных делах уважается людьми, это почетно, престижно. Третьи считают ценным новые знакомства, встречи с интересными людьми, единомышленниками. Четвертым это просто поручили в вузе или на работе. А что Вы скажете о себе?*

Вы остались довольны тем, как была организована работа в ходе последних мероприятий? Какие сложности, неожиданности Вам встретились, когда Вы участвовали в этом мероприятии? Как Вы с ними справлялись? К кому обращались? Вам кто-то помогал или Вы сами находили решение? *Например, это может быть недостаток информации о том, где Ваше участие нужнее, или не хватало инструментов, оборудования, или Вы не понимали, какие у вас есть права, или организаторы проводили это мероприятие явно «для галочки».*

Как Вы или те, кто организовывал, находили средства на финансирование Вашего мероприятия? Кто финансировал это мероприятие: власти, спонсоры, какое-то ведомство или использовались средства добровольцев, участвовавших в работе?

Как Вы думаете, а почему большая часть населения не подключается к общественной деятельности, что мешает? Какие меры можно предпринять, чтобы повысить потенциал гражданского участия в регионе (городе)?

Часть 3. Взаимодействие субъектов участия

Как бы Вы оценили вклад местного населения в решение социально значимых проблем Вашего города? На решение каких социальных проблем региона направлена эта деятельность? Какие самые яркие/значимые примеры такой деятельности Вы можете привести?

Какие есть городские проблемы, которые, на Ваш взгляд, можно было бы решить с участием граждан, но которые пока не решаются? Почему это происходит?

Каковы, на Ваш взгляд, роль и значимость общественных организаций в решении социально значимых проблем Вашего города? Как бы Вы оценили эффективность взаимодействия общественных организаций, власти и населения в решении городских проблем? Расскажите, пожалуйста, о своем опыте сотрудничества с общественными организациями, если такой есть.

А что Вы можете сказать о роли бизнеса в развитии Вашего города? Как складывается взаимодействие бизнеса, населения, местной власти и общественных организаций в решении городских проблем? Можете ли Вы назвать практики социального предпринимательства в Вашем городе?

Как, по Вашему мнению, выстраивается в городе, где Вы проживаете, взаимодействие власти и граждан? Есть ли условия для их результативного взаимодействия? Что мешает диалогу? Кому легче взаимодействовать с властью в решении социальных проблем (формальным общественным объединениям/НКО или малым инициативным группам) и почему? И есть ли какие-либо особенности в тех или других случаях?

Есть ли законы или правила, которые, на Ваш взгляд, препятствуют участию граждан в решении общегородских проблем? Какие это законы или правила? Как Вы думаете, эти законы и правила можно изменить? Кто этим должен заниматься?

Часть 4. Социальные сети

Расскажите, пожалуйста, как разные люди относятся к тому, что Вы участвуете в общественных мероприятиях? Как относятся к этому родственники, друзья? А как – мало знакомые люди? Какое, по Вашему мнению, преобладает отношение к гражданскому участию в городе: одобрение или настороженное, а то и негативное отношение? Как-то менялось со временем это отношение?

А как к Вам относятся те, кому Вам приходилось помогать? С благодарностью или настороженно, подозрительно? Как-то менялось со временем это отношение?

Расскажите, пожалуйста: те, кто участвовал в мероприятии, были Вашими знакомыми, сослуживцами, соседями или у Вас появились новые знакомые, когда Вы участвовали в общественных делах или мероприятиях? Если новые

знакомые появились, то после совместной работы Вы поддерживали с ними какие-то контакты? Расскажите об этом подробнее.

Было ли так, что Вы с новыми знакомыми стали вместе планировать своё участие в каких-то других общественных делах? Что это были за планы и как они реализовались?

Было ли так, что Вы с новыми знакомыми стали вместе проводить досуг – ходить в кино, в гости друг к другу или что-то ещё? Было ли так, что Вы познакомились с друзьями и членами семьи Ваших новых знакомых? Если было, расскажите, как это происходило.

Если Вам или кому-то из Ваших новых знакомых по участию в совместных мероприятиях понадобится помощь других, могут ли они рассчитывать на неё? Были ли такие случаи? Если да, то расскажите об этом.

Для того чтобы включиться в какое-то общественное мероприятие, люди часто используют интернет. Для каких целей Вы чаще используете интернет в своей общественной деятельности?

А Вы пользовались интернетом для облегчения своих контактов, поиска соратников, координации действий в реализации проекта? Если пользовались, то как: через сайт какой-то организации или через общественные сети в интернете?

Или в большей степени интернет Вам нужен для получения информации?

Было ли такое, что после знакомства с другими активными людьми в интернете и социальных сетях Вы начинали какие-то новые дела или находили решения своих проблем? Если было, то расскажите об этом.

Часть 5. Планы на будущее

На Ваш сегодняшний взгляд, Вы будете продолжать участвовать в общественных делах? Как Вы предполагаете, это участие будет эпизодическим или Вы планируете включиться в деятельность какой-то общественной организации или партии или, может быть, сами организуете какую-то общественную организацию? Если такие планы есть, расскажите о них. Ваши перспективы в общественной деятельности больше связаны с Вашей личной ситуацией или с внешними условиями?

Научное издание

Уханова Юлия Викторовна

**ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ**

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор
Компьютерный набор

Л.Н. Воронина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова
Ю.В. Уханова

Подписано в печать 16.06.2022.

Формат 70×108¹/₁₆. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 22,3. Тираж 500 экз. Заказ № 35.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон: (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-543-3

9 785932 995433 >